

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
"Российский университет транспорта (МИИТ)"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 4(69)

Июль - Август

Москва
2018

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н,
профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора,
д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент),
Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

**ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура:** научный и социокультурный жур-
нал // М.: РУТ (МИИТ), 2018. – Вып. №4 (69). – 147 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ - МИИТ)

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor, Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Liliya Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2018. – Edition 4(69). – 147 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation-tion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT - MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент ФНИСЦ РАН, советник ФНИСЦ РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН - ФНИСЦ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матая Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Мионов А.В. Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН - ФНИСЦ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

Шувакович Урош

Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD
Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Dmitriev A.V.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S.

Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Marshak A.L.

Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V.

Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

- Narbut N.P.*** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.*** Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma
- Sosunova I.A.*** Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor
- Chuprov V.I.*** Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS - FC-TAS RAS, honored worker of science of the Russian Federation
- Shabrov O.F.*** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science
- Shuvakovich Urosh*** Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

50 ЛЕТ ИНСТИТУТУ СОЦИОЛОГИИ РАН

- ДМИТРИЕВ А.В.** Конфликтогенность внешней трудовой миграции (федеральные и региональные аспекты).....13
- МАРШАК А.Л.** О теоретических основах исследования процессов вхождения иммигрантов в социокультурную среду российского общества (к программе социологического исследования).....20
- ВОРОПАЕВА А.В.** Авторитет личности в контексте адаптации молодежи.....28
- ВОРОНОВА М.В.** О социальных факторах адаптации мигрантов (по материалам социологических исследований).....39
- ### **ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО**
- ЕВЛАЕВ А. Н.** Развитие транспортной системы в аспекте совершенствования социальной инфраструктуры г.Москвы.....45
- КОНОПЛЕВА А.А.** Гибридность современной цивилизации.....53
- КОЧИНА Е.А.** Гражданская идентичность и политическая активность современной молодежи в региональном измерении на примере Южной Сибири.....62
- СЫЧУГОВА Н.Е.** Коалиционный принцип формирования правительства как основа принятия политических решений в зарубежных странах.....68
- ФИЛОНЕНКО М.И.** Проблемы парламентских и президентских политических режимов и их проявления в российских реалиях.....73

ЧЕРЕПАНОВ В.Д. Эрозия феномена государства: «человеческое» измерение мира политики.....82

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

МЕСХИ Б.Б. Акторы регионального управления в контексте реализации социально-инвестиционного развития региона.....91

**НАРЫКОВ Н.В.
ШЕВЧЕНКО А.И.** Социально-философское обоснование медиации как метода правового урегулирования конфликтов в межэтнической среде.....101

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

БАРКОВА Л.А. Феминизм и материнство.....109

**КУРБАТОВ В. И.
ПОПОВ А.В.
ЩЕРБАКОВА Л И** Компьютерный андеграунд: субкультурное самоуправление виртуального универсума.....116

**МАРТЫНЕНКО В.В.
МАРТЫНЕКО С.В.** Деньги как предмет междисциплинарного исследования кредитных отношений.....125

КУЛЬТУРА СМЫСЛА

ГУЗЕНИНА С.В. Любовь к Родине как разговор с Богом: к вопросу о духовных ценностях «русского мира»..... 134

ПОЗДРАВЛЕНИЕ В.И.ЧУПРОВУ.....141

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....142

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....143

CONTENTS

50 YEARS OF THE INSTITUTE OF SOCIOLOGYFNISCRAS

DMITRIEV A.V.	The conflict potential of external labor migration (Federal and regional aspects)..13
MARSHAK A.L.	About theoretical bases of research of processes of entry of immigrants into the sociocultural environment of the Russian society (to the program of sociological research).....20
VOROPAEVA A. V.	The authority of the individual in the context of the adaptation of youth.....28
VORONOVA M.V.	The authority of the individual in the context of the adaptation of youth.....39
POLITICS AND SOCIETY	
EVLAEV A.N.	Development of the transport system in terms of improving the social infrastructure of Moscow.....45
KONOPLEVA A.A.	Hybridity of modern civilization.....53
KOCHINA E.A.	Civic identity and political activism of today's youth in the regional dimension of the south of Siberia.....62
SYCHUGOVA N.E.	The coalition principle of forming a government as a basis for political decisions in foreign countries.....68
FILONENKO M. V.	To the question of the place of parliament in the political system of a democratic society.....73

CHEREPANOV V.D. Erosion of the phenomenon of the state: the «human» dimension of the world of politics.....82

REGIONAL SOCIOLOGY

MESKHI B.B Actors of regional management in the context of implementation of social and investment development of the region.....91

NARIKOV N.V.
SHEVCHENKO A.I. Socio-philosophical basis of legal mediation as a method of conflict resolution in inter-ethnic environment....
.....101

POINT OF VIEW

BARKOVA L.A. Feminism and motherhood.....109

KURBATOV V.I.
POPOV A.V.
SHERBAKOVA L.I. Computing underground: subcultural selfmanagement of virtual universe.....116

MARTYNYENKO V.V.
MARTYNYENKO S.V. Money as the Subject of Interdisciplinary Examination of Credit Relations.....125

CULTURE OF SENSE

GUZENINA S. V. Love to the Motherland as a talk with God: to the question of the spiritual values of the «Russian world»..... 134

GREETING V. I. CHUPROV.....141

CONFERENCE. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....142

RULES OF PUBLICATION.....145

50 ЛЕТ ИНСТИТУТУ СОЦИОЛОГИИ РАН

50 YEARS OF THE INSTITUTE OF SOCIOLOGYFNISCRAS

За время своего существования Институт социологии РАН превратился в крупный научно-исследовательский центр по актуальным проблемам научной социологии. Особенное значение труды социологов получили в последнее десятилетие под научным руководством академика РАН М.К. Горшкова. Институт проводит глубокие комплексные исследования по различным аспектам социальной жизни России.

Одним из направлений таких исследований является изучение консолидации многонационального российского общества (руководитель доктор социологических наук, профессор Л.М. Дробижева)

В рамках этой темы группа конфликтологии (руководитель Член-корреспондент РАН А.В.Дмитриев) осуществляет изучение социокультурной адаптации иммигрантских слоев населения.

Ниже, читателям предлагаются статьи, где описываются некоторые итоги данной работы.

Редколлегия

ДМИТРИЕВ
Анатолий Васильевич
Доктор философских
наук, член-корреспондент
РАН, руководитель группы
конфликтогенности
миграции Центра
исследования
межнациональных
отношений Института
социологии РАН, Москва,
Россия
mig@isras.ru

DMITRIEV
Anatoly Vasilievich
Doctor of philosophy, corre-
sponding member of RAS, head
of the conflict migration group,
center for international relations
studies, Institute of sociology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
mig@isras.ru

Конфликтогенность внешней трудовой миграции (федеральные и региональные аспекты)/ The conflict potential of external labor migration (Federal and region- al aspects)

Аннотация

В статье содержится анализ взаимодействия внешних мигрантов с субъектами принимающего социума: работодателями, властями, посредниками, диаспорами. определяются проблемы и перспективы увеличения потоков мигрантов в Россию и их регулирование.

Ключевые слова

Иммиграция, мигранты, регионы, работодатели, посредники, диаспоры, гетто, конфликт, регулирование.

Abstract

The article contains the analysis of the interaction of migrants with the external actors of the host society: employers, government, intermediaries, diasporas. the problems and prospects of increasing the flow of migrants to Russia and their regulation are determined.

Keywords

Immigration, migrants, regions, employers, intermediaries, diasporas, ghettos, conflict, regulation.

В сознании россиян сформировалось довольно устойчивое представление о том, что основные потоки иммигрантов ориентированы на теневую экономику и плохо регулируются. Многие исследователи, стремясь снизить градус нарастающего недовольства, обращают внимание на выгоды трудовой миграции, считая, что привлечение на законном основании иностранных работников не оказывает

существенного влияния на ситуации в целом по стране.

Автор настоящей статьи имеет несколько отличную точку зрения. Не отрицая некоторых выгод иммиграции, отмечает, что проблема конфликтного потенциала внешней трудовой миграции многоаспектна и недооценивается. Сосредоточу внимание лишь на двух взаимосвязанных уровнях. Во-первых, на общероссийских проблемах, мотивирующих соответствующий конфликтный потенциал. Во-вторых, на конфликтном потенциале практик субъектов рынка миграционных услуг, действующего в социально-экономическом пространстве региональных социальных социумов. В качестве примера взято три региона Поволжья – Республика Татарстан, Пензенская, Самарская области. Сейчас у автора есть намерение избрать объектом другие три региона – Нижегородский, Тюменский и Краснодарский.

Федеральный уровень. Страны исхода мигрантов в направлении России многочисленны (около 120). В последнее время резко увеличилось число приехавших из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, а также из Украины. Довольно многочисленны традиционные потоки из Китая, Турции, Вьетнама. Признаем, что качество внешней трудовой миграции, в котором предстает уже почти 2,5 десятилетия и является вынужденной и примитивной формой жизни миллионов людей, на которых их обрекли правительства стран происхождения (Средняя и Центральная Азия и Украина). Для основной массы мигрантов работающих по найму у российских работодателей (равно как и для работников из числа граждан России), характерны архаичные не правовые практики, свойственные минувшему столетию.

Прежде всего заметим, что подобные практики формирует теневой контекст модели рыночной модернизации страны и тотальное господство сомнительного капитала, в рамках которого развивается система теневого предпринимательства, коррупция и, словом, экономики нуждающейся в притоке дешевой иностранной рабочей силы.

Исподволь возникают риски институализации теневых, криминальных практик взаимодействия работодателей с трудовыми мигрантами на рынке труда, криминализации сути трудовых отношений между ними (принудительный труд, обман, дискриминация, нелегальный статус). Ситуация чревата латентным антагонизмом интересов и, следовательно, напряженностью отношений.

Беспрепятственный, массовый приток иностранных работников из стран безвизового въезда в Россию, особенно из республик Средней Азии, предоставил работодателям возможность легкого выбора между дешевой иностранной рабочей силой и более «дорогой» силой граждан России.

Основной сферой занятости мигрантов (легальных, не легальных) является строительство. Пребывают они, как правило, бригадами, при содействии посредников. По словам руководства ФМС России в настоящее время именно на стройках, по прежнему фиксируется

наибольшее нарушение миграционных правил. Но наказание, в случае их выявления, несет лишь подрядчик, а реальный чаще всего хозяин уходит в сторону. Здесь распространены высокая степень эксплуатации, обман, занижение заработной платы и отношение к мигранту как к безропотной, приобретенной за бесценок рабочей силе.

Возникающие конфликты, чаще всего, улаживаются по жесткой схеме: работодатель предлагает мигрантам альтернативу – принять его условия либо быть уволенными.

Отчетливо выражена и другая тенденция создать патерналистские отношения, создающими иллюзию общей заинтересованности в деле, что позволяет минимизировать риски развития открытых форм.

Заметна и противоположная тенденция, отражающая стремление легальных мигрантов к различным формам самоорганизации и артикуляции своих требований. Они вступают с работодателями в споры и конфликты по поводу оплаты за выполненную работу (суммы, сроки, выплаты); характера работы; гарантий социальной защиты (медицинской помощи, компенсации за лечение при производственном травматизме и др.); условий проживания; защиты от санкций правоохранительных органов и от посягательств криминальных структур; окончательного расчета при расторжении договоренностей и увольнении.

Здесь отмечены попытки мигрантов разрешить конфликты путем неформальных переговоров с работодателями, привлечения для этих целей посредников из числа руководителей местных национально-культурных объединений, созданных этническими соотечественниками-гражданами России. Эффективность такой посреднической роли высока, но далеко не всегда известна. Замечу только, лидеры подобных объединений имеют некие связи в региональных органах власти и в органах местного самоуправления, умело сочетая открытые, предусмотренные законом процедуры, с теневыми практиками. Используются при случае методы этнической мобилизации соотечественников, возможных и угроз последствий конфликтов с этническими группами мигрантов.

Российские работодатели сделали акцент на преимущественный найм мононациональных групп трудящихся-мигрантов и сокращение многонациональных коллективов работников.

Анализ показывает, что мигранты и работодатели не имеют общих представлений о механизмах регулирования трудовых конфликтов либо имеют об этом полярно различающиеся представления. Работодатели не поддерживают организацию правового обучения мигрантов, освоения ими методов предупреждения конфликтов, их структурирования и поэтапного разрешения. В результате обе стороны лишаются возможности в адекватной форме представлять свои интересы, выработать взаимоприемлемые решения на основе цивилизованного диалога и компромиссов.

Ситуация с нелегальными мигрантами, составляющими не менее

половины численности иностранных работников, пребывающих в России особенно тревожна. Нелегальный статус автоматически создает для них конфликт с законом и побуждает, чаще всего прибегать к стратегии избегания конфликтов. Именно поэтому многие работодатели выступают главными инициаторами нелегальной трудовой миграции в страну.

Региональный уровень. Распределение трудовых мигрантов по регионам России неравномерно, что объясняется рядом причин. Главная из них – экономическая развитость. Москва и Московская область в этом смысле обгоняет всех, причем помимо внешних мигрантов центральный регион привлекателен и для внутренних переселенцев.

С.В. Рязанцев выделяет пять типов российских территорий по специфике отраслевой специализации, и Московский регион входит в первый, куда входит также Смоленский, Ярославский, Ростовский, Краснодарский край. Здесь мигрантов привлекает в первую очередь строительный бизнес, хотя некоторые (Москва) отличаются разнообразием выбора.

Второй тип, куда входит Калининградская, Калужская и др. области, характерен привлекательностью транспорта (автобусы, маршрутки и пр.). Третий тип – регионы, где мигранты предпочитают работу на промышленных предприятиях и транспорте (области Центра, Северо-Запада, Новосибирская область и Забайкальский регион). Четвертый – регион с преобладанием мигрантов в сфере обслуживания, торговли (Саратовская и Пензенская области, Ставропольский край, Алтайский и Приморский край). И, наконец, пятый тип, где преобладает тяга к сельскому хозяйству. Здесь преобладают не только трудовые мигранты по найму, но и арендаторы (Карелия, Калмыкия, Волгоградская, Астраханская области, Хабаровский и Краснодарский края).¹

В развитии миграционной политики субъектов РФ прослеживается тенденция в развитии рынка миграционных услуг. Она заключается ориентации на обслуживание нарастающего массового притока преимущественно неквалифицированных трудовых мигрантов и небольшого количества иностранных предпринимателей из государств безвизового и визового въезда в РФ, а также на соответствующие запросы российских предпринимателей. Здесь присутствуют как легальные и теневые формы. Тенденция приобрела устойчивые очертания, ее развитию свойственна своя логика эволюции, поворотные пункты, особенности возникновения и поведения действующих на нем субъектов, из которых отчетливо просматриваются три группы. В первую группу входят те, кто предоставляет государственные услуги. Во вторую – кто содействует предоставлению государственных услуг на законной основе. Третья группа включает субъектов, специализирующихся преимущественно на негосударственных услугах и параллельно, в теневом порядке, занимается содействием в предоставле-

¹ Миграционные процессы в России. М., Эконом-информ.2014. с.299-301

нии государственных услуг.

Ныне рынок миграционных услуг, обслуживающий иностранных работников и предпринимателей, российских работодателей, представлен слабыми признаками легальной формы (исключением является Москва, где легальный рынок достаточно развит). Такое положение обусловлено многими причинами, в том числе отсутствием в стране какой либо нормативной правовой базы, регулирующей порядок создания и деятельности субъектов, различных организационно – правовых форм по оказанию миграционных услуг.

Действующих на региональных рынках иностранной рабочей силы субъектов миграционных услуг можно классифицировать по двум основаниям: видам (государственные и негосударственные услуги, ФМС и Роструд) и способам предоставления услуг (субъекты, оказывающие услуги на законном основании либо незаконно, в теневом порядке).

Явно конфликтогенными являются теневые субъекты миграционных услуг, включают в себя следующие:

- организационные группы внутри некоторых диаспор, функционирующие самостоятельно либо под видом зарегистрированных национально-культурных объединений;

- неформальные группы, физические лица не связанные с диаспорами;

- частные коммерческие организации, осуществляющие посредническую деятельность параллельно с уставной деятельностью не связанной с трудовой миграцией;

- вовлеченные в теневые схемы оказания услуг отдельные сотрудники территориальных управлений ФМС России и службы занятости населения, медицинских учреждений.

Замечу, что эмпирические материалы по многим регионам не подтверждают распространенные в российских средствах массовой информации миф о массовой вовлеченности членов диаспор в оказание услуг трудовым мигрантам. В реальности большинство из них не имеет к этому никакого отношения. Занимаются оказанием услуг лишь небольшие группы активистов отдельных диаспор, для которых такая деятельность является доходным делом. Вместе с тем, несмотря на незначительную численность инициативных групп, их влияние на приток трудовых мигрантов в регионы значимо и формируется, прежде всего, под воздействием заинтересованности работодателей в привлечении дешевой иностранной рабочей силы. Откликаясь на такой запрос, различные посредники используют свои ресурсы – родственные и земляческие связи в регионах стран происхождения мигрантов и помогают привлекать соотечественников.

Перечень услуг, предоставляемых посредниками, достаточно обширен. Они, в частности, содействуют получению государственных бумаг, связанных с оформлением и выдачей разрешения на работу, патента, миграционным учетом, медицинским обследованием, полу-

чением разрешения на временное проживание, вида на жительство, приобретением гражданства РФ. Оказываются и негосударственные услуги, касающиеся вербовки трудовых мигрантов, трудоустройства, поиска жилья неформальной защиты, представительства интересов при решении трудовых споров и конфликтов, транспортировки в страну въезда и выезда (при необходимости) и др.

Предоставление услуг происходит на платной основе, что не исключает некоторых бесплатных услуг определенному кругу лиц со стороны национально-культурных объединений, отдельных посредников и работодателей.

Просматривается внешне гибкий, а на деле достаточно жесткий диктат стоимости услуг у отдельных теневых посредников, монопольно –контролирующих приток мононациональных групп трудовых мигрантов – этнических соотечественников. Порой они используют формы взаиморасчетов ведущих к долговой кабале (заем денег либо предварительная оплата самим посредников расходов на оформление разрешительных документов под заработную плату мигранта и др). Утверждения отдельных авторов о якобы особой лояльности таких посредников к своим соотечественникам, о взимании с них минимальной платы за услуги, далеки от реальности. Исключения делаются только для узкого круга близких родственников и знакомых¹.

Риски дезинтеграции. В регионах достаточно отчетливо просматривается тенденция преобладания дезинтеграционного потенциала в практиках теневых субъектов и отдельных групп легальных субъектов миграционных услуг. Среди таких практик:

- трудоустройство к работодателям, практикующим принудительный труд, обман и нелегальный статус мигрантов;
- завышенные тарифы на оплату услуг;
- противоправные действия, теневые практики оказания услуг;
- методы психологического давления на мигрантов;
- недооценка значимости для мигрантов освоения русского языка;
- стремление организовать жизни мигрантов в замкнутых микрогруппах, отчужденных от принимающего общества, что приводит к появлению предвестников Гетто, объединяющее этнические группы мигрантов, вызывающее негативную реакцию местного населения.

Будем исходить из предположений, что масштабы трудовой миграции в Россию из стран полупериферии и периферии мировой экономике, равно как конфликты взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, будут нарастать.

Евразийский опыт показывает, что в подобных условиях возрастает регулирующая роль государства, его способность гибко сочетать правовые, административные и рыночные механизмы влияния на миграцию, умение противодействовать росту ее конфликтного потенциала и повышать федеральную и региональную

¹ Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Социально-пространственный дискурс конфликтности внешней трудовой миграции//Региональная социология.М.,Хроном етр.2015.с.363

сопротивляемость негативным процессам.

В этих условия вряд ли обоснованна критика вероятности введения жесткого отбор мигрантов с помощью селективных мер. Разумеется, упрощение проблемы также неприемлемо. На масштабы миграции воздействует множество переменных, которые необходимо изучать и считаться с ними. Как бы не складывалась ситуация в России, миграция будет играть важную роль в ее развитии. К сожалению, среди российских чиновников и исследователей нет стратегического видения миграции как положительного явления.¹ Двойственность же миграционной политики России всем очевидна.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Миграционные процессы в России. М., Эконом-информ.2014
2. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Социально-пространственный дискурс конфликтности внешней трудовой миграции//
3. Региональная социология.М.,Хронометр.2015. Алешковский И.А. , Ионцев В.А. Управление международной миграцией// Век глобализации. М., 2015, №1.

REFERENCES

1. Migration processes in Russia [*Migracionnyye processy v Rossii*]. М., Econom-inform.2014.
2. Dmitriev A. V., G. A. Petuhov Socio-spatial discourse of conflict external labor migration [*Social'no-prostranstvennyj diskurs konfliktogenosti vneshnej trudovoj migracii*]//Regional sociology.M., Chronometer.2015.
3. Aleshkovsky I. A., Iontsev V. A. Management of international migration.[*Upravlenie mezhdunarodnoj migraciej*] Age of globalization. М., 2015, №1.

¹ Алешковский И.А. , Ионцев В.А. Управление международной миграцией// Век глобализации. М., 2015, №1.с.87

МАРШАК
Аркадий Львович
доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник ИС ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия
info@журналпоиск.рф

MARSHAK
Arkady Lvovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher of the IP of
FNISC RAS, Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф

**О теоретических основах исследования процессов
вхождения иммигрантов в социокультурную среду
русского общества (к программе социологического
исследования)/ About theoretical bases of research of
processes of entry of immigrants into the sociocultural
environment of the Russian society (to the program of
sociological research)**

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к исследованию социокультурной адаптации иммигрантов и путей их вхождения в культурную среду российского общества. Дается анализ методологических принципов исследования и построения инструментария по сбору эмпирических данных, выстраивается концепция культурного процесса в трёх ступенях: адаптации – идентификации – интеграции. Приводятся конкретные данные этих процессов, и формулируется гипотеза исследования, характеризуется контекст жизнедеятельности иммигрантов как основа программного социологического изучения процесса вхождения этой группы населения в культурную среду российского общества.

Ключевые слова

Труд; трудовые отношения; функции труда; адаптация; идентификация; интеграция; социальная и государственно-гражданская идентичность; социокультурное единство.

Abstract

The article discusses theoretical and methodological approaches to the study of socio-cultural adaptation of immigrants and ways of their entry into the cultural environment of Russian society. The analysis of methodological principles of research and construction of tools for the collection of empirical data, the concept of the cultural process in three stages: adaptation – identification – integration. The specific data of these processes are given, and the hypothesis of the study is formulated, the context of immigrants' life activity is characterized as the basis of the program sociological study of the process of entering this population group

into the cultural environment of the Russian society.

Keyword

Labor; labor relations; labor functions; adaptation; identification; integration; social and state-civil identity; social and cultural unity.

В основе вхождения иммигрантов в социально-культурную сферу лежит ряд крупных условий жизнедеятельности.

Это – труд и трудовые отношения, процессы адаптации, идентификации и культурной интеграции национальных этносов. Остановимся на анализе каждого из составляющих их социальной сущности и теоретико-методологического содержания.

Первое, что определяет данный процесс, является содержание и мотивация трудовой деятельности. По данным многочисленных исследований иммиграции населения основной причиной смены места жительства является поиск работы и желание заняться адекватной образованию трудовой деятельностью. Следовательно, включенность в новые жизненные условия, т.е. адаптация, тесно связаны, прежде всего, с характером труда.

При разработке методологии исследования и инструментария по сбору эмпирических данных нужно учитывать, что в широком социально-экономического аспекте под характером труда понимаются связи и отношения, складывающиеся в общественном производстве на данном историческом этапе общественного развития. Через характер труда, возможно, представить отношение работника к средствам производства, определить цель трудовой занятости индивида. Особое значение при этом имеет определение базовых понятий труда, которые выявляются через занятия умственным и физическим трудом. При этом, умственный труд подразделяется на две сферы: это труд в сферах материального и духовного производства. Исследуя труд иммигрантов, следует учитывать, что носители трудовых отношений привлекают свой опыт и профессиональные знания, оказывают непосредственное влияние на протекание всего процесса трудовой деятельности и ее результатов.

В методическом плане, при разработке документов сбора информации (анкета, бланк интервью, экспертный опрос и т.п.) необходимо учитывать, по крайней мере, три фактора. Во-первых, способности человека к работе в новых условиях. Его возможности использовать имеющиеся профессиональные данные и навыки, применять их в новой сфере деятельности. Во-вторых, аккумулировать новые знания, пропуская их через личный опыт и свои индивидуально-психологические особенности. В-третьих, учет коммуникативных навыков, умение использовать коллективные знания и опыт и экстраполировать их на собственное трудовое поведение и профессиональное мастерство. Очень важно при этом учитывать социальную полезность труда в сочетании со способом трудового поведения человека. В основе методологии социологического

изучения трудовых отношений иммигрантов следует учитывать триединую функцию современного труда: энергетическую, где все больше преобладает механизированный и автоматизированный труд; исполнительскую, которая постепенно нивелируется и исчезает; управленческую, которая все больше превалирует в реальной практике трудовых отношений. Важно отметить, что предложенная функциональная классификация во многом имеет перспективный характер, но именно ее учет характеризует адаптационные условия трудовых отношений.

Существенным при разработке методологии является собственно понятие адаптация, ее содержание применительно к социокультурной ситуации. Адаптационные процессы есть суть составляющих идентификацию и интеграцию.

В начале происходит процесс приспособления (адаптации), затем субъект идентифицирует себя (отождествляет) с определенным собственным «я», и, в конечном итоге, интегрируется (включается) в то или иное сообщество. Таким образом, содержание культурных процессов проходит три ступени, иерархия которых выстраивается в следующей парадигме: адаптация-идентификация-интеграция.

Эти процессы сами по себе довольно обстоятельно изучены в нашей социологии, поэтому за основу мы берем определения, имеющиеся в литературе.

Адаптация рассматривается как двусторонний процесс практического взаимодействия социального субъекта и социальной среды, в ходе которого изменяется не только субъект, но и среда. В результате этого взаимодействия происходит приспособление субъекта к требованиям среды, а так же коррекция его поведения в плане активизации действий по изменению внешних условий и самого себя¹.

В самом общем виде адаптация является процессом «подготовки человека... к освоению обновляющейся среды»²

Таким образом, адаптация самый начальный этап включения иммигрантов в социокультурную среду жизнедеятельности и к новым условиям образа жизни. Отсюда формируется исследовательская гипотеза. Первоначальное включение в контекст жизненной ситуации, приобщение к новым условиям жизни, происходит за счет взаимоотношений в трудовом коллективе (трудящийся-работодатель) и взаимодействий с занятыми в данной области деятельности, а также общения с проживающими рядом людьми (соседи). При этом, если в первом случае адаптация происходит в результате включения в новые профессиональные условия труда, когда приобретаются иные трудовые навыки, формы организации и взаимодействия с иерархическими связями, то во втором случае, обеспечивается освоение культурно-бытовых условий, ценностей семейной жизни, досуговых предпочтений.

1 Капто А.С. Адаптация социальная. // Социологический словарь. Отв.ред. Г. В. Осипов., Л.Н. Москвичёв., Г.Н. Москвичев М.: Норма 2008, с.11-12.

2 Козырева П.М., Смирнов А.И. «Особенности и тенденции адаптации россиян

Проверка данной гипотезы требует соответствующего методического обеспечения, путем формулировки индикаторов профессионально-трудового и социокультурного характера.

Дальнейший процесс включенности иммигрантов в контекст социальной жизни связан с этапом идентификации. Идентификация позволяет более обширно и полно представить состояние социокультурного включения иммигрантов в жизненные реалии общества. Когда мы рассматриваем проблему идентификации иммиграционных потоков, то нужно иметь в виду их значительную сложность по сравнению с адаптацией. Идентификационные процессы пронизывают все стороны жизни: они применимы к общероссийским проблемам¹, к состоянию социальной стратификации² и межэтническим отношениям³.

В структуре идентичности выделяются 2 подсистемы: социальная и персональная. В рамках социологического подхода социальная идентичность рассматривается как результат идентификации индивида или социальной группы с социальной общностью (Э.Дюркгейм, П.Бергер, В.А.Ядов).

Кроме того, социальная идентичность может быть рассмотрена как результат отождествления человека с какими-либо идеями, ценностями. Принять разделять личностную и социальную идентичность как два измерения, в которых реализуется «Я – идентичность». Личностная и социальная сферы находятся в процессе постоянного взаимодействия. Основным механизмом, который запускает процесс актуализации идентичности, связан с мотивационной структурой личности, которая ориентирована на достижение индивидом позитивной самооценки. Выбор идентичности происходит на основе свободного осознания.

Так, французский психолог С. Московичи рассматривал построение сознания индивида на основе идентификационной матрицы, включающей множество групповых идентичностей⁴. Основываясь на идеях, групповые идентичности можно подразделить на три вида: объективные природные (возраст, пол); объективные социальные (гражданство, религия, национальность, культура, профессия); субъективные идентичности (социальные ролевые характеристики, самооценка личностных качеств и черт и др.). Необходимо отметить, что в определенный временной период в зависимости от разных обстоятельств ведущей, доминирующей может быть одна из идентичностей, и именно она структурирует в этом случае идентификационную систе-

к изменяющимся условиям в постсоветский период» // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 14 М.: Новый хронограф 2016, с.138.

1 Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. Отв. ред. М.К.Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2004.

2 Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 и 12. М., 2012, 2013; Фадеева Л. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., 2012.

3 Денисов Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М.:Альфа-М, 2010.

4 Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд// Психологический журнал. 1995- Т.16 №1 С.3-18

му.

Чаще всего идентичность рассматривается как коллективный феномен, существующий в пространственно-временных границах конкретного государства и указывает на «отождествление индивида с обществом во всех его социокультурных измерениях (язык, ментальность, картина мира, социокультурные ценности, нормы поведения)»¹. Вне зависимости от трактовки это понятие подразумевает взаимодействие индивида со страной и государством.

Особое место для анализа иммиграционных процессов занимает понятие «этническая идентичность». По мнению отечественного этнолога В.А. Тишкова, «этническая идентичность или принадлежность к этносу, есть произвольно выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом (народом, национальностью, нацией) в этническом смысле»².

Л.М. Дробижина рассматривает этническую идентичность «как сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений»³.

Следует подчеркнуть, что государственно-гражданская идентичность не только включает идентификацию с гражданами страны, но и фиксируется с помощью таких социальных индикаторов, как гражданские чувства, социальная ответственность, гордость за свою страну, патриотическая жизненная позиция, историческая память.

Государственно-гражданская идентичность сохраняет свое значение, но в ее сфере этническая идентичность становится все более привлекательной в силу своей большей устойчивости и определенности. Необходимо отметить, что такое состояние идентичности является феноменом вполне закономерным в ситуациях распада привычных норм государственно-политических идентичностей. И, несмотря на то, что в настоящее время проявляется некоторая стабилизация и усиление государственно-гражданской идентичности (особенно это характерно проявилось в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации), этническая идентичность, основанная на стремлении человека обособиться в своей принадлежности к национальной общности продолжает сохраняться, поскольку «институт государственности сам по себе ассоциируется с нестабильностью, постоянной остается лишь этническая группа»⁴.

1 Дробижина Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. - 2010. №12. С.49-58

2 Тишков В.А. Дрейф идентичности и этническая процессуальность/ В.А. Тишков // Официальный сайт В.А. Тишкова. - URL: <http://valeriytishkov.ru>

3 Дробижина В. Указанное соч. С. 49-58.

4 Ефремова М.В. Взаимосвязь этнической, религиозной и гражданской идентичности. //Идентичность и организация в меняющемся мире: сб. науч.ст./ Под ред. Н.М.Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо. – М.:Изд. дом ГУ ВШЭ. 2008. С.73-92.

Результаты общероссийских исследований показывают, что на значительные масштабы распространения идентификации населения с гражданами России и, более того, уровень гражданской идентичности с каждым годом возрастает. Необходимо подчеркнуть, что имеются данные, согласно которым к 2011 году российская идентичность стала самой распространённой среди значимых для индивидов показателей идентичности, а ощущение связи с гражданством России стало наиболее высшим. Результаты исследований ИС РАН 2010 года показали, что 95% респондентов чувствуют себя «гражданами России», в т.ч. 72% из них ощущая свою близость в этой ценности в «значительной степени»¹. В настоящее время этническая и гражданская идентичность занимают важные позиции в идентификационных матрицах.

По данным исследований ИС РАН доля идентификации с людьми своей национальности была несколько выше, чем с россиянами, что может служить основанием для выводов о большей важности этнического фактора, нежели гражданского. Так, с россиянами отождествляло себя в полтора раза меньше респондентов, чем с людьми такой же национальности. Самоидентифицируют себя с «гражданами России» часто 36%, иногда еще 49% опрошенных. При этом чувствуют себя представителями своей национальности часто 55% респондентов, «время от времени» - 38% опрошенных. Вместе с тем, анализируя степень российской идентичности, необходимо отметить, что сама постановка вопроса о важности этой проблемы несколько меняет картину.

По данным опросов Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. и данных авторских исследований происходит возрастание российской идентичности, ее способности стать интеграционным компонентом для изучения иммиграционных процессов

Итак, в исследовании идентификационной модели иммиграционных процессов формулируется следующая гипотеза: идентификация сложный многогранный процесс, охватывающий различные стороны социально-культурной жизни. Идентификационные процессы иммиграции, возможно, представить через социальные индикаторы личностного и социального поведения, оценки «Я идентичности», этнокультурных связей. Чем выше уровень этнонациональной идентификации, тем устойчивее гражданская идентичность как показатель условия консолидации общества.

Высшем уровнем социокультурного единства общества, показателем его многофункционального благополучия является интеграция. «Под интеграцией ... понимается процесс встречного движения культур, принимающего социума, иммигрантов, смещения культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно, и, возможно, противоречащих друг другу... Интеграция

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян. Опять многолетних социологических замеров. Аналитический доклад. М.: 2011. С.202

– процесс, при котором мигрантов принимают в обществе в индивидуальном порядке и как группу»¹

Как видим, интеграция является конечным результатом включения иммигрантов в социокультурную среду общества. Иммигрант полностью интегрируется, пройдя первичный путь включения в систему коммуникации, усвоив начальные нормы поведения, признав элементарные ценности страны, где предстоит ему проживать. Важным моментом является принятие на себя профессиональных требований сферы трудовой занятости. Усвоив все это, иммигрант переходит на новую ступень социокультурных условий – самоидентификацию. Здесь реализуется более сложные социокультурные контексты поведения и жизнедеятельности. Нормы, ценности, мораль и т.п. не только усваиваются субъектом, но и становятся его идентификационными признаками, проявляются в его поведении. А на следующем этапе включенности они позволяют ему интегрироваться в жизнь принимающей стороны и тем самым «активно участвовать в процессе интеграции, без потери своей собственной идентичности»² Интеграционный путь весьма сложен и противоречив, он связан с значительными акторами социальной ответственности как со стороны иммигрантов, так и местного населения. Социокультурная составляющая этого процесса имеет определяющее значение.

При изучении интеграции можно выдвинуть следующую гипотезу. Интеграция является обобщающим фактором реализации включенности иммигрантов в социокультурную среду принимающего общества. Интеграция в полной мере осуществляется на основе адаптации и идентификации субъекта, усвоения всех условий, делающих личность адаптированной и обладающей собственной идентичностью

Таковы теоретические основы процессов вхождения иммигрантов в социокультурную среду современного российского общества.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующую гипотезу исследования. Процесс включенности иммигрантов в социокультурную среду общественных отношений предполагает активное освоение субъектом адаптационных, идентификационных и интеграционных реалий данного общества с учётом их исторического состояния. Иммигранты, являясь социальной группой временно занятых составляют определённую часть прекариата, имеющую свои этнокультурные признаки, жизненный опыт и профессиональные навыки. В процессе включения в новый контекст жизнедеятельности иммигранты проходят через этап культурного взаимообмена, принимая при этом на себя социокультурные особенности принимающей их страны и сохраняя присущие им культуру и традиции. Полагаем, что в ходе

1 Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – Москва: Новый хронограф, 2016 – Вып. 14 стр. 416

2 Там же

данного взаимообмена отдельные группы иммигрантов интегрируются в общество и становятся его частью, те же кто не ассимилировался, покидают страну(либо территорию) и пополняют ряды мигрирующего населения.

ВОРОПАЕВА
Ася Васильевна
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института социологии
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
voropaeva@isras.ru

VOROPAIEVA
Asya Vasilievna
Candidate of Philosophy,
Senior Researcher
Institute of Sociology FNISTS
RAS, Moscow, Russia
voropaeva@isras.ru

Авторитет личности в контексте адаптации молодежи / The authority of the individual in the context of the adaptation of youth

Аннотация

Приведен анализ типологического построения парадигм авторитета, обоснованы принципы понятий авторитетов, выделены их источники. Значение авторитета личности и информационной среды в современном политическом социуме. Авторитет власти как наиболее значимый в процессе социально-культурной адаптации молодого поколения.

Ключевые слова

Образование; авторитет; лидер; культура; мораль; политика; псевдоавторитет; молодежь; мигранты; адаптация; безопасность

Abstract

The article presents the analysis of the typological constructions of the paradigms of authority, justifies the principles of the concepts of authorities authorities allocated their sources. The importance of the authority of the individual and the information environment in today's political society. The authority of power as the most significant in the process of social and cultural adaptation of the younger generation.

Keywords

Authority; leader; culture; morality; politics; pseudomaturity; youth; safety; security

Стремления человека формируются в условиях среды проживания, и в этом процессе немаловажным является влияние самого общества на поведенческие практики молодежи. Но человек, социальное существо, которое не может строить свою жизнь, не опираясь на какой-то авторитет. Опираясь на авторитет, адаптация личности может носить творческий характер, тогда как конформистское поведение в некоторых ситуациях кажется неадекватным, приводящим к формированию таких установок и поведению личности, которые делают невозможной ее адаптацию. Часть современной российской молодежи, а также и мигрантов, характеризуют негативные тенденции, такие как склонность

к криминогенному поведению, конфликтности, наркомании, пьянству и т.д. Негатив сказывается не только на раскрытии потенциала личности, невозможности получения образования, но и приводит ее к *бесперспективности*, к *духовной пустоте*.

Наблюдая за все большим обогащением олигархов и бизнесменов, время привело молодежь к *некритичности* в избрании для себя авторитетной личности. Причиной этого является государственная политика, которая ориентирует молодежь, прежде всего, на материальные ценности, на обогащение, являющиеся причиной возникновения коррупции, ксенофобии, агрессии, экстремизма, что безусловно отражается на безопасности общества в целом. В это же время культурная политика привела к тому, что на экранах исчезли герои подвига, исторические образы, герои труда, которым хотелось бы подражать и на кого равняться. Вместо этого появились «обаятельные» преступники, стремящиеся для себя что-то урвать, захватить, а также заполнили экран «дутые личности» – из политики, из шоу-бизнеса и т.д.

Авторитет возникает там, где принимают влияние этой личности окружающие его люди, соглашаются с ним. Можно сказать, авторитет – это одна из основных форм осуществления власти, с помощью которой реализуется контроль за деятельностью людей в общих и в индивидуальных интересах. *Авторитетное влияние* есть процесс, влияющий на изменения поведения подчиненных, их установок, представлений, оценок и других характеристик сознания и деятельности в ходе взаимодействия с ними.

В социологической науке есть понятие «бифуркационной среды», т.е. это та реальность, где господствуют процессы непредвиденные, неуправляемые, непрогнозируемые, когда на адаптанта ложиться мощная нагрузка. Поэтому способность в этой ситуации извлечь уроки из прошлого и попытаться построить новое поведение в этой среде и выразить свое отношение к адаптации – это и есть его адаптивное поведение индивида. Но мигранта, без социального статуса и с чувством отчужденности, тянет к тем, которые понимают его, а это скорей всего – земляки. Они могут помочь ему, но среди них есть и такие, которые способны сбить его с пути успешной адаптации.

Следовательно, социальная действительность приводит к тому, что для духовного становления молодого человека авторитеты играют особую роль как примеры для подражания, образцы поведения. В том случае, если доля иноэтнических групп более 20%, появляются замкнутые этнические группы, где затрудняется адаптация и интеграция и обостряются межнациональные конфликты². Благодаря своей индивидуальности, авторитетная среди такой молодежи личность может найти решение в удовлетворении их потребностей, найти общий язык с молодыми людьми, разрешить конфликтную ситуацию, определить политическую стратегию для решения острых социальных проблем, усилить стремление молодого поколения к дальнейшему

духовному совершенству. Общество обязано формировать эталоны социализации, ориентировать молодежь на подлинные ценности, нормы поведения, модели деятельности. Недостаточно, на мой взгляд, в научной литературе исследований, где бы рассматривалась проблема авторитета личности, играющая сегодня приоритетную роль в умах молодежи, которым присуще ошибаться, особенно в выборе авторитета личности. В 36 % случаев в 16-18 лет выбор авторитета может оказаться как положительным, так и отрицательным¹, а поэтому данному вопросу необходимо уделять особое внимание. В данном контексте важно глубокое исследование негативных явлений в выборе «авторитета» и «лидерства» среди молодежи криминальных группировок, начиная от формы «идолопоклонства», безумия, суицида, до вступления в террористические группы. Особая опасность заключается в экстремистских проявлениях молодежных объединений, посягательство на традиционные ценности общества, формирование в них идеологических, боевых структур. Нынешняя политическая обстановка в стране и в среде молодежи как коренной, так и мигрантов, требует детального изучения рассматриваемой проблемы. В данной же статье мы остановимся на понятии авторитета личности, его видах и источниках, а также влиянии авторитета на социально-культурную адаптацию молодежи.

Понятие авторитета. Как уже было подчеркнуто, ничто так не влияет на образ жизни молодежи, как авторитет личности. Степень влияния авторитета на жизнедеятельность молодого человека зависит от того, насколько деятельность личности выражает его потребность, соответствует социально-культурным целям молодого человека и способствует решению его проблем. Определенным авторитетом может обладать индивид, который легко добивается от людей подчинения и мнение которого воспринимается как руководство к действию. Этот авторитет личности включает в себя совокупность ряда причин, которые можно отнести к объективным факторам: занимаемая должность, известность, место работы, место жительства и т.д. Но если объективная сторона обычно заведомо несет положительный эффект, то личностный авторитет (субъективный фактор) может просто отсутствовать или вообще иметь отрицательную направленность.

К субъективным факторам авторитета относятся *личностные* качества человека – профессионализм, ответственность, трудолюбие, дисциплинированность, решительность и др., а также *нравственные* качества – честность, порядочность, отзывчивость, обладание организаторскими и коммуникативными способностями.

Одним из главных условий, обеспечивающих авторитет личности, заставляющих прислушиваться к его мнению и соглашаться с ним, является высокий профессионализм. Такой авторитет указывает на уровень профессиональной компетентности, практических навыков

¹ Дмитриев А.В., Воронов В.В. Адаптация и интеграция полиэтничного пространства регионов России: проблемы, рекомендации. М., Новый Хронограф, 2017. С. 61.

и опыта, приобретенных в результате специальной подготовки и трудовой карьеры.

Второе условие – это *духовная культура* авторитетной личности: высокий уровень образования и знаний, ученая степень, многообразие культурных интересов и потребностей и т.д. Эти качества личности позволяют понять молодежи перспективы развития общества в целом и, главное, в соответствии с этим каждый человек может строить свои планы на будущее.

Третье важным условием является *моральный облик* авторитетной личности, характеризующийся его общественной значимостью и вкладываемым трудом, честностью, высокой принципиальностью, убежденностью, бескорыстием, у которого слово не расходится с делом, таким образом, способным оказывать влияние на молодежь и контактировать с ней.

Если объективный фактор авторитета — это социальный феномен, то субъективный авторитет личности — психологический. Психологическое понимание авторитета связано с позитивным социально-значимым результатом этой личности и с нравственным аспектом. В этом основное различие должностного авторитета и авторитета личности.

Обычно считают, что перечисленные качества – профессионализм, высокая культура, моральный облик – взаимосвязаны и, безусловно, сочетаются. Однако нередко в человеке превалирует только одно из этих качеств, которое и обеспечивает личности авторитет в обществе. Благодаря имеющемуся одному или двум из перечисленных выше качеств, личность может обладать *частичным авторитетом*, являющимся наиболее распространенным явлением в современном обществе. Присутствует, так сказать, разделение «сфер влияния» между авторитетными личностями. Поэтому важно подчеркнуть, что *подлинный авторитет* является результатом его упорного труда, развития и саморазвития личностных качеств, совершенствования профессионализма, общей эрудиции и культуры. Только в этом случае можно говорить о наличии *полного авторитета*, а отсутствие одного или двух факторов говорит о *неполном авторитете* или его отсутствии вообще.

Следует иметь в виду, что влияние личности на молодежь, особенно на мигрантов, может быть *отрицательным* с точки зрения норм и ценностей общества. Все люди очень разные, с разными стремлениями, целями, религиями, отношением к жизни, вкусами и т.д. Человек, который возглавляет группу людей, но своими действиями организует их во имя ложных ценностей, не может называться лидером, авторитетной личностью. Место такого «лидера» порой захватывает ловкий демагог или криминальная личность, приспособленец с потребительским отношением к жизни. Что именно произойдет с таким «авторитетом», зависит от культурного уровня людей вокруг него, от степени их образованности и отношения к ценностям

общества. Лидерств в молодежных группах в основном ориентируется на действие, на процесс, а мы знаем, что «главной ценностью» современного подрастающего поколения являются ночные клубы и тусовочные места. Подлинный лидер – это мыслящий человек, умеющий мотивировать толпу, руководствующийся нравственно здоровыми ценностями.

Стереотип авторитета. Стереотип авторитета существует в сознании людей любого общества, и в соответствии с ним происходит оценка авторитетности того или иного представителя. Стереотипы, хотя иногда и соответствуют реальным характеристикам, всё же затрудняют получение о них адекватной информации. Адаптант, реализуя определенную стратегию адаптивного поведения в новой среде, опирается на выбранный для себя авторитет для подражания и социализации, на смену старым стереотипам приходят новые. Каждый молодой человек хочет найти свое место в общественной среде, особенно в кризисной ситуации, когда трудно определить соответствующую для себя форму самореализации, уходя часто в состояние апатии, озлобленности, ксенофобии, агрессии. В условиях рынка ценности традиционного трудового общества подавляются и искажаются, а ценности рыночного потребительского общества (индивидуализм, прагматизм, стяжательство, неравенство и другое), чуждые ему, получают широкое распространение¹.

Поэтому именно авторитетная личность, ответственная, соизмеряющая последствия своих поступков, с высокой требовательностью, прежде всего, к себе, непримиримостью к нарушителям законности и т.д., может влиять на процесс формирования молодого человека. Авторитетной личность становится среди молодежи только тогда, когда она обладает явными интеллектуальными, волевыми, связанными с профессиональным умением или компетентностью преимуществами, а в процессе социально-культурной адаптации молодые люди усваивают эту систему ценностей, превращаясь в общественного индивида. Вот почему в современном российском обществе перед системой образования, а также СМИ и телевидением, встает принципиально новая задача: *необходимости писать, говорить и показывать яркие положительные и нравственные примеры людей нашего времени.* Для местной молодежи и мигрантов должны стать авторитетными личностями узнаваемые люди, такие как учитель, ученый, работник музея, библиотеки, олимпийский чемпион, писатель, художник, музыкант, рабочий завода, инженер и т.д. и т.д.

¹ Артамонова Е. А. Влияние авторитетов и образцов для подражания в среде молодежи 16–18 лет // Молодой ученый. — 2015. — №8. — С. 811-814. — URL <https://moluch.ru/archive/88/17573/> (дата обращения: 20.02.2018).

Однако авторитет родителей всегда остается ведущим среди ориентиров молодых людей. На авторитете родителей основана сила педагогического влияния на детей, воспитательная сила *родительского авторитета*, выраженная в подражании и конкретном мышлении. Дети склонны следовать живым примерам, где не должно быть расхождений в словах и поступках родителей. При этом дети учатся самостоятельно рассуждать и оценивать факты и явления, а родители помогают им утвердиться в правильном понимании и логике их мыслей.

Но дом и семья могут быть также местом личной драмы, несчастья, трудным решением о миграции, что делает семью в целом источником неблагополучия. К тому же, семьи иммигрантов отличаются ограниченными адаптационными ресурсами (плохое знание русского языка или вовсе не говорящие на нем, незнание российских законов, истории и т.д.), продолжая существовать в своей культурной среде, где привычная сфера общения, а новые взаимоотношения на новом месте пребывания формируются очень и очень медленно.

Исследователи пришли к выводу, что важным этапом в формировании личности и его адаптации имеет выбор авторитета и образца для подражания в 16-18-летнем возрасте. В данном случае можно привести работу Артамоновой Е.А. Проведен анонимный опрос 50 респондентов в возрасте 16 до 18 лет в г. Электросталь. Среди них 60% девушек и 40% юношей[□].

1. Было выявлено, что авторитетом у современной молодежи 16–18 лет являются публичные люди (70 %) и родители (14 %). Опрошенные выделили семью – это родители, братья, сёстры, бабушки, дедушки и т. д., и публичные личности – президент, политики, актеры, певцы, телеведущие и т.д., а также собирательные образы. Молодые люди (92 %) хотели бы перенять у авторитетов и образцов для подражания следующие черты: внимательность, доброту, справедливость, честность, целеустремленность, силу воли, коммуникабельность, харизматичность и т. д.

2. При выборе авторитета и образца для подражания 44 % респондентов хотели бы опираться на его положительные качества, такие как искренность и честность, на моральные, духовные качества, коммуникабельность и целеустремленность, на личные взгляды авторитета и склад ума, на наличие лидерских качеств.

3. Молодежь (98 %), прежде всего, вдохновляется творческими людьми, которые мыслят нестандартно. 94 % респондентов выделили следующие качества при выборе авторитета: целеустремленность, доброта, коммуникабельность, ораторское искусство, дипломатичность, уверенность в себе, честность, харизматичность, лидерство, настойчивость, толерантность, справедливость, упорство, не ставить себя выше/ниже других, патриотизм, преданность, трудолюбие, ответственность. Но они подчеркнули и обязательную схожесть во мнениях. Такой выбор важен для 62 % опрошенных. Именно

авторитетное лицо помогает в выборе идеалов и мировоззрения, принципов и норм жизни, манеры поведения.

Вместе с тем, чрезвычайно важным структурным элементом социализации и адаптации личности является средства массовой информации, информационное воздействие. СМИ контролируют свободное время молодежи, формируют их общественное мнение и ценностные ориентации. Через Интернет идет вал псевдокультуры, антикультуры и аморализма. Главными героями телевизионного вещания стали банкир, олигарх, убийцы, насильники, девушки легкого поведения и люди с извращенной психикой. «Агрессивность» СМИ осложняет также адаптационный период молодых мигрантов. Культурно-информационной средой для молодежи становятся фильмы с насилием, убийством, безнравственностью, искаженной историей, компьютерными играми-боевиками. Все это деформирует психику человека. Кроме того, вал псевдокультуры идет и через такой информационный канал, как Интернет. В электронных средствах массовой информации возникло поле антикультурного, порой криминального бизнеса. Свободный эфир и телевидение, независимая пресса часто служат не только благим целям, но и могут внести в сознание людей ложные установки и ориентиры, формирующие бездуховность общества.

В связи с адаптивным поведением хотела бы привести высказывание современного 25-летнего кинорежиссера Ивана Шахназарова о причинах сложности в адаптации молодого поколения в современных условиях: «Мы... рождены на стыке эпох, на руинах старого мира... Сейчас происходит смена ценностей, идеалов, и важно найти силы для того, чтобы адаптироваться к ситуации, которая через мгновение резко становится другой. Мое поколение должно научиться влиять на ситуацию»[□]. И добавляет, что сегодня молодому поколению очень нужна помощь взрослых – профессиональная и человеческая, т.е. нужны реальные авторитеты.

Авторитет учителя. Выбор авторитета в школьное время происходит у детей сложно. Авторитет учителя строится на тесном взаимодействии педагогов с учащимися и родителями, т.к. менталитет школьников, менталитет молодых мигрантов, их социальные установки формируются изначально в семьях. Поэтому в процессе школьного образования и воспитания огромное значение имеет завоеванный авторитет педагога, по-настоящему преданного своему делу, правдивого и честного, выступающего мощным катализатором личного влияния.

Подготовка будущих высококвалифицированных преподавателей не может быть без понимания о *самоотверженной* работе, ибо они должны стать для молодого поколения авторитетами, т.к. именно они являются инженерами человеческих душ, двигателями развития образования и культуры. «Для ребят идея неотделима от личности, - писала Н.К. Крупская. - То, что говорит любимый учитель,

воспринимается совсем по-другому, чем то, что говорит презираемый или чуждый им человек»¹.

Во все времена российская школа выделялась высокой педагогической культурой и такими выдающимися авторитетными педагогами, как К.Д.Ушинский (концепция общественного воспитания), А.С.Макаренко (теория детского коллектива), В.А.Сухомлинский (концепция самовоспитания), которые отдавали жизнь ради воспитания детей-сирот и их образования, формирования в детях доброты, сострадания и любви. Впервые в педагогической науке авторитет учителя на *истинный и ложный* был разделен А.С. Макаренко¹. Как он утверждал, истинный авторитет - один, ложный - множество разновидностей. Ложный авторитет основан на стремлении учителя добиваться незамедлительного послушания от ученика, основанный на правах учителя, в результате чего он теряет возможность добиться конечной и главной цели. Никакой речи о воспитании, сознательной дисциплине ребят, в данном случае, идти не может. Макаренко А.С. утверждал, что воспитатель, не имеющий авторитета, не может быть воспитателем.

Могут ли стать авторитетными личностями для школьников и студентов современные мало оплачиваемые преподаватели, постоянно находящиеся в поисках дополнительной работы – репетиторства, у которых отсутствует время для чтения новейшей научной литературы, время для общения с учащимися? Конечно, нет. С практической точки зрения, причины потери авторитета преподавателя кроются только в самой личности, недостатке квалификации и культуры, в отсутствии умения организовать образовательный процесс с его познавательным и воспитательным наполнением, отсутствии ведения диалога с учащимися или студентами и т.д. С другой стороны, преподаватель поставлен в твердые временные рамки, т.к. каждый день, кроме общей нагрузки, они обязаны писать «многотомные» отчеты о проделанной работе, включая и электронную почту родителей. Однако завоевать у школьников авторитет может только правдивый, трудолюбивый, преданный своему делу учитель, который ведет диалог с учеником не только в процессе обучения, но и воспитания, общаясь непосредственно с их родителями.

Авторитет руководителя. Когда авторитетная личность – *руководитель* группы людей, общества или государства – это тот случай, когда он принадлежит к сформировавшейся российской элите. Бывает и так, что приобретается должность независимо от деловых и моральных качеств. Подобный тип влияния в социальной психологии определяется как «авторитет власти». Авторитет административной власти условно можно называть *внешним авторитетом* по отношению к *внутреннему авторитету*, который могут видеть в нем окружающие люди, с известной для них информацией о нем, необходимой для принятия решения в выборе авторитета.

1

См.: Дмитриев А.В., Воронов В.В. Там же. С. 60.

Существенным в этом случае представляется вопрос о соотношении внешнего и внутреннего авторитета, ибо от этого соотношения зависит влияние руководителя на социум, в частности, на молодое поколение. Нередко современность доказывает молодежи, что в руководители попадают случайные люди, пользующиеся порой сомнительным авторитетом. Профессиональные, духовные и нравственные недостатки такого человека явно видны: промахи в решении актуальных вопросов, безграмотные высказывания о событиях общественной и культурной жизни, об истории страны, незнание географии, а его моральный облик и вовсе вызывает отрицательные чувства у окружающих. Не обладая нужными знаниями, не умея работать с людьми, организовать им помощь по важным проблемам жизнедеятельности, подобный руководитель вынужден прибегать к голому администрированию: к взысканиям, попыткам запугать одних и задобрить других, вплоть до внесения раскола в общество. Эти приемы – обычные явления для такого руководства. Такой «авторитет» способен разобщить между собой молодых людей и даже втянуть в криминальное сообщество. В России, к примеру, существуют неформальные объединения криминализированной молодежи, как скинхеды, молодые национал-патриоты и другие радикалы. Но наиболее опасные объединения из них – боевые террористические организации (БТО), подверженные экстремистским идеям, пришедшие к нам и с Востока, и с Запада. И это подтвердила война в Сирии, в боевых действиях участвовало немало террористов из нашей страны, которых обрабатывали и втягивали в войну разного рода «авторитеты».

В ряде случаев руководитель, не имея достаточного профессионального опыта и сталкиваясь в работе с трудностями, встает на путь завоевания *ложного авторитета* (псевдоавторитета), основами которого могут выступать: чванство, высокомерие, педантизм, резонерство (признание только своей позиции) и т.д. Видов ложных авторитетов множество. Характеризуются они своим «превосходством», а поэтому держат всех на расстоянии, показывают себя всезнающими, поучают всех и т.д.

Авторитет может возникнуть произвольно, даже помимо желания человека, просто в силу наличия определенных качеств и ситуации. Но если возникшее недоверие к руководителю оборачивается недоверием к его решениям, тогда страдают не только межличностные отношения, но и общее дело. Распоряжения неавторитетного руководителя почти всегда вызывают сложные конфликтные ситуации.

Политический авторитет. Используя свое положение, политик стремится влиять на формирование выгодных ему стереотипов авторитета. Авторитет политика можно представить как должностной и личностный авторитет (внешний и внутренний авторитеты), а последний, в свою очередь, подразделяется на профессиональный и нравственный, о чем выше уже говорили. Должностной авторитет проявляется

в системе формальных отношений, в системе же неформальных отношений – личностный, раскрывающийся в процессе деятельности и общения, отражающем его психологическую сторону. Истоки и основа личностных характеристик политика – это его достоинства и заслуги, высокие нравственные качества и соответствующие им поведение и деятельность. Власть и авторитет позволяют ему руководить действиями и поведением подчиненных, направлять их в русло интересов общества, требовать более эффективной работы, предотвращать возникающие общественные конфликты. Надо сказать, что для лидера, который является политическим деятелем, не малое значение имеет его окружение, кадры, чиновники, определяющие специфику политических и экономических действий, эффективность функционирования общества в целом. В результате возрастает роль совместной деятельности политической команды. В проведенном социологическом исследовании Российской академии образования (опрос 2000 политиков) наибольшей проблемой для 80% опрошенных является подбор членов политической команды, поиск людей для реализации проблем политической стратегии. Успех возглавляемой структуры зависит от подобранных ближайших помощников, считают 64% из них. Но трудности в подборе помощников отмечает каждый третий. В то же время опрошенные политики признают, что у них отсутствуют навыки оценки творческого потенциала (77%), отсутствуют специальные психологические знания (52%), и считают для себя необходимым специальную подготовку управленческих кадров для эффективной дальнейшей работы¹. И все же, авторитетный лидер должен уметь включать волю и влиять на изменения поведения, установок, оценок и представлений подчиненных о государственном развитии в ходе общения и обсуждения поставленных задач. Для этого необходим специальный подбор управленческих кадров, с новым мышлением и подходом к решению различных государственных проблем. Для этих целей был объявлен Всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России», в котором участвовали 2700 человек из разных регионов нашей страны. В результате в начале 2018 году 100 финалистов стали федеральным резервом управленцев России. В выборе экономического развития общества, пути развития государства роль политического лидера огромна, что подтверждает история многовариантностью развития человечества.

Путь формирования авторитетных отношений личности и общества длинный и сложный. Авторитет в широком смысле — есть общепризнанное неформальное влияние лидера на подчиненных в различных сферах жизнедеятельности. Он способствует формированию доверия людей. Доверие проявляется и формируется через позитивное и последовательное поведение авторитета. Доверие – это чувство безопасности и комфорта людей, которое необходимо для создания здорового, открытого общества. Доверие подчиненных

есть свобода думать, развиваться, совершать ошибки, что всегда позитивно воспринимается молодым поколением. Те лидеры, которые концентрируют власть только в своих руках, теряют авторитет и приводят подчиненных к тому, что они становятся несамостоятельными, безответственными, привязанными к мнению и решению руководителя. Можно со всей уверенностью сказать, что без полного авторитета нет достойного руководителя. А какая для адаптанта «модель адаптации будет задействована в ходе приспособления – тотальная (полная) или частичная, пассивная или активная, делинквентная или осуществляемая в границах права и т.д. – решать в конечном счете ему»¹.

- По данным аналитиков Центра стратегических разработок с 2015 года временная миграция в Россию, в том числе и трудовая, заметно уменьшилась. Однако необходима точная база данных по мигрантам в России для осуществления государственного комплекса мер, позволяющего молодым мигрантам адаптироваться к новой среде обитания: определенная социальная политика, образовательные и культурные программы и необходимое правовое регулирование всех этих мероприятий. Точных цифр по работающим мигрантам у нас, к сожалению, до сих пор нет. В этих условиях образование превращается в ресурс особенной важности для дальнейшей успешной адаптации иммигрантов, выборе авторитета, успешной интеграции мигрантов в российское общество, превращению их в органичную часть населения России.

- Политическое лидерство и авторитет занимает особое положение в общественной жизни, поэтому наиболее значимо его влияет на ход событий, на адаптацию молодого поколения, на общество в целом, затрагивая судьбы людей, в том числе иммигрантов. Порой общественным мнением манипулируют различные политические и деструктивные силы, подталкивая молодежь к социальным конфликтам, чувствам и действиям враждебности этносов. Но авторитет выражается в способности политика направлять мысли людей, развитие самого общества, не прибегая к насилию. Такой авторитет возникает при условии, если политика признают в обществе как своего лидера. Эффект такого лидера, авторитета может носить долгосрочный характер. Становление авторитета и развитие общества – это процесс непрерывный и взаимосвязанный.

¹ Корель Л.В. Социология образования: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, Наука, 2005. С. 67.

ВОРОНОВА
Мария Викторовна
аспирант Института
социологии
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
tesamia@gmail.com

VORONOVA
Maria Viktorovna
Postgraduate student of the
Institute of Sociology FCTAS
RAS, Moscow, Russia
tesamia@gmail.com

О социальных факторах адаптации мигрантов (по материалам социологических исследований) / Social factors of adaptation of migrants in Russian sociological research

Аннотация

Статья посвящена социологическому анализу социальных факторов адаптации мигрантов в условиях современного российского общества. В статье делаются выводы, что отсутствие системной интеграционной политики для мигрантов на общегосударственном уровне и ограниченность муниципалитетов в этом плане, делают региональный уровень ключевым в формировании позитивной адаптации мигрантов в принимающем обществе и выработке для них эффективной интеграционной политики.

Ключевые слова

Мигранты; адаптация; интеграция; российские регионы; социальные факторы

Abstract

The article is devoted to the sociological analysis of social factors of adaptation of migrants in the conditions of modern Russian society. The article concludes that the absence of a system of integration policy for migrants at the national level and the limited municipalities in this regard, make the regional level key to the formation of positive adaptation of migrants in the host society and the development of effective integration policy for them.

Keywords

Migrants; adaptation; integration; Russian regions; social factors

Последние годы характеризуются усилением притока мигрантов в Россию. Ежегодно число прибывающих в страну мигрантов за период 2012-2016 гг., составляло около 533 тыс. чел., из них около 90% – из стран СНГ[□]. При этом число лиц, получивших временное убежище на территории России выросло на порядок в 2015 г. и составило за период 2015-2017 гг. 779,9 тыс. чел.¹ Большинство из них – жители Украины, стремящихся покинуть зону военного конфликта. Динамика миграционного прироста остается положительной и в 2016-2017 гг., хотя

1 Демографическая статистика Росстата, 2018 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

его темпы снижаются на фоне усложнения экономической ситуации в РФ и снижения ее привлекательности для трудовых мигрантов.

Учитывая интенсивность входящего миграционного потока, неудивительно высокое внимание, которое российские исследователи уделяют проблемам интеграции и социальной адаптации мигрантов, а также проблемам, являющимся следствием недостаточно успешной адаптации, прежде всего – межэтнической напряженности. В данной работе ограничимся краткой характеристикой ряда последних исследований, направленных на анализ преимущественно социальных, институциональных факторов социокультурной адаптации в региональном аспекте. Рассмотрим некоторые важные результаты по теме, опубликованные за последние годы.

Одно из крупнейших за последние годы тематических исследований, посвященное социокультурной адаптации мигрантов, было проведено российскими специалистами Института социологии ФНИСЦ РАН в 2017 г. Используя качественную методологию, социологи изучили положение этнических меньшинств в пяти регионах РФ в контексте проблемы межэтнической напряженности¹. В трех случаях из пяти исследовались международные мигранты.

Изучение украинских мигрантов в Белгородской области выявило ключевые факторы, способствующие и препятствующие адаптации. Специфика ситуации заключалась в том, что изучаемое меньшинство – вынужденные мигранты из сопредельных районов Украины, в целом, характеризуются высокой степенью социокультурной схожести с местными жителями, а близкое географическое положение обусловило тесные экономические и социальные связи между двумя странами до начала конфликта. В этих условиях ключевое значение имеет проблема не столько социокультурной, сколько социально-экономической адаптации. На федеральном и региональном уровне был реализован целый ряд мер по интеграции вынужденных мигрантов: предоставлены льготы (для детей, студентов), места в общежитии и др. Авторы исследования рассматривают в качестве факторов адаптации ресурсный потенциал мигрантов и положение в социальной структуре. Невозможность занять позиции в социальной структуре, аналогичные позициям, занимаемым мигрантами в своем обществе, стали важной причиной стресса и разочарования. Негативно на адаптацию сказались и различия в институциональной системе: сложность миграционного законодательства и бюрократические процедуры легализации, правовая незащищенность, особенно при трудоустройстве². Негативное влияние оказывала также реакция принимающего общества, а именно недовольство местных жителей преференциями и льготами, предоставляемыми мигрантам. Вместе с тем действие ряда положительных факторов, напротив, компенсировало эти проблемы для успешной адаптации украинских мигрантов: языковая и культурная близость, наличие профессиональных и экономических связей на межрегиональном уровне, поддержка со стороны сетей родственных связей. Преимущественное проживание в замкнутых общинах в городах обеспечивает мигрантам психосоциальную поддержку, позволяющую

¹ Там же.

² Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования / Под ред. М.Ф.Черныш и др. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017.

снижать стресс, однако препятствует интеграции в городскую жизнь. Этот вывод соответствует мировому опыту и положениям известной теории социокультурной адаптации Ю. Ким¹. Однако взаимодействие с диаспорой, помогая экономической и бытовой адаптации мигрантов, препятствует социокультурной адаптации в российское общество.

В Санкт-Петербурге действует ряд адаптационных программ как государственного, так и городского уровня. Их основные функции связаны с помощью в трудоустройстве, обеспечением жильем, информированием, правовой поддержкой, обучением языку, мероприятиями по преодолению ксенофобии. К сожалению, материалы исследования не позволяют оценить эффективность используемых институциональных механизмов интеграции мигрантов. Авторы исследования отмечают, что у мигрантов сохраняются адаптационные сложности, связанные со сложностью легализации, негативным отношением местного населения, дискриминацией и нарушением прав мигрантов в трудовой сфере². Как можно заключить, на региональном уровне отсутствует целенаправленная политика интеграции мигрантов, институциональная среда является недружелюбной, и адаптации способствуют только сети личных социальных связей.

Проанализировав ряд других исследований по адаптации и интеграции мигрантов в России, опубликованных за последние годы², можно составить предварительный перечень факторов, влияние которых изучается чаще всего, и характерный вектор их воздействия. К ним можно отнести следующие факторы. Отсутствие и/или непоследовательность миграционной политики РФ, стратегического видения в отношении мигрантов и их роли в социокультурной жизни общества. В результате макроуровневые условия для адаптации остаются в значительной мере неопределенными и бессистемными. Экспертами также отмечается проблема координации деятельности различных заинтересованных сторон в формировании интеграционной политики: органов власти, бизнеса, населения, НКО. Самостоятельное значение имеет высокая централизация власти и неразвитое местное самоуправление, отсутствие инструментария интеграционной политики на местном уровне. Отсутствуют или недостаточно эффективны институты, которые целенаправленно занимаются социальной интеграцией и адаптацией мигрантов, в том числе на уровне системы образования, здравоохранения, социальной защиты. Следует отметить дискриминационный характер действия институтов, отвечающих за правоприменение и защиту прав и свобод личности (судебная система, правоохранительные органы), а также других социальных институтов (СМИ, образование и др.). Обратной стороной проблемы является отсутствие, неразвитость или неэффективность институтов гражданского общества и гражданского контроля. Эти факторы формируют среду, негативно сказывающуюся на возможности адаптации. Адаптационный процесс мигрантов направлен, в первую очередь, на социально-экономическую, а не социокультурную адаптацию, хотя последняя очень важна в данном процессе. Негативным фактором, препятствующим адаптации и

1 Там же, с.63.

2 Kim Y.Y. Communication and Cross-Cultural Adaptation: An Integrative Theory. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1988.

интеграции мигрантов, является нетолерантность и ксенофобия принимающего общества. Формальные и неформальные социальные связи остаются важнейшим источником социальной и психологической поддержки мигрантов, особую ценность представляют связи, формируемые в организационном (трудовом) контексте. Этническая замкнутость в повседневном контексте определяет доминирование этнической коммуникации, которая, напротив, ограничивает возможность интеграции в российское общество. Отмечаются трудности легализации и натурализации мигрантов из-за сложности и непрозрачности бюрократических процедур, оплаты пошлин, недостатка консультационных и посреднических возможностей, необходимости сдачи комплексного экзамена, недостаточного информационного обеспечения мигрантов. В качестве одного из основных институциональных факторов, способствующих адаптации мигрантов выступает система языковой подготовки и требование обязательной сдачи экзамена на знание русского языка. Однако неразвитость других институтов, о которых сказано выше, повышает риски злоупотребления требованиями со стороны органов власти, а также получением необходимых документов за взятки. В отсутствие эффективной государственной интеграционной политики важную роль в адаптации играют НКО, однако недостаток их количества, ресурсов, а также неблагоприятная для некоммерческого сектора институциональная среда ограничивают их возможности влиять на адаптационные процессы в массовом порядке. Культурная дистанция является важным фактором, препятствующим адаптации и интеграции мигрантов, особенно из стран Средней Азии и дальнего зарубежья. Несмотря на общность истории, и сохранившихся хозяйственных связей, различия в менталитете, языке, социальных нормах способствуют отчуждению и межэтнической напряженности. Суммируя результаты различных исследований, можно констатировать, что, хотя в России, как и в других странах, действуют разнонаправленные факторы, институциональная среда в РФ является в целом неблагоприятной для социокультурной адаптации мигрантов. Такой общий вывод подтверждается и другими специалистами. Так, по результатам анализа миграционных процессов и миграционной политики, проведенного в рамках Интеграционного клуба при председателе Совета Федерации в РФ, был сделан важный вывод об «отсутствии системного подхода по содействию интеграции мигрантов в местных сообществах как на государственном уровне в РФ, так и в странах исхода мигрантов»¹. Эксперты полагают, что адаптация и интеграция мигрантов в настоящее время происходит, в основном, стихийно, за счет индивидуальных инициатив, повседневных контактов, а также частично – за счет диаспор и мигрантских организаций, бизнес-структур и посредников¹.

Характеризуя современные российские социологические исследования адаптации мигрантов можно заключить, что в своем анализе они ориентируются преимущественно на перспективу принимающего общества, то есть, процессы интеграции, нежели

¹ Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования / Под ред. М.Ф.Черныш и др. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С.99-105.

собственно адаптации. Соответственно, из результатов адаптации оцениваются, как правило, показатели, концептуально связанные с «функциональным соответствием». Результаты, относящиеся к межкультурной идентичности и, в особенности, психологическому благополучию, зачастую остаются вне фокуса исследователей. Социологические исследования направлены на изучение широкого перечня социальных и институциональных факторов, влияющих на адаптацию. В исследованиях, в меньшей степени отражены такие факторы как культурная компетентность мигрантов и базовые культурные ценности. При этом следует отметить, что отражение всего комплекса релевантных факторов в рамках одного исследования практически не встречается, вследствие методологических и технических трудностей эмпирического исследования.

В России крайне ограничена роль муниципалитетов в формировании и реализации интеграционной политики, в силу ограниченности ресурсов, правовых возможностей, компетенций, а также понимания необходимости и целей интеграционной политики. В странах ЕС и, особенно в США, на муниципальном уровне зачастую реализуется более эффективная интеграционная политика, чем на национальном уровне, ибо там, в отличие от России, есть политическое представительство мигрантов на местном уровне. Отсутствие системной интеграционной политики для мигрантов на общегосударственном уровне и ограниченность муниципалитетов в этом плане, делают региональный уровень, при использовании положительного опыта ЕС и США в этой сфере, ключевым в формировании позитивной адаптации мигрантов в принимающем обществе и выработке для них эффективной интеграционной политики в России на современном этапе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воронов В.В., Дмитриев А.В. Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Новый Хронограф, 2018.
2. Демографическая статистика Росстата, 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения 12.07.2018).
3. Дмитриев А.В. Социальная адаптация иммигрантов как ресурс стабильности российского общества // Аналитический вестник № 19: «Процессы в миграционной сфере и перспективы евразийской интеграции: опыт регионов. М.: Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации РФ, 2017. С.33-37.
4. Леденева В.Ю. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов: Монография. М., 2014.
5. Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования. / Под ред. М.Ф.Черныш и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.
6. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. №1. С.34-50.
7. Kim Y.Y. Communication and Cross-Cultural Adaptation: An

REFERENCES

1. Demographic statistics of Rosstat, 2018. [Demograficheskaya statistikaRosstata, 2018]. [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 12.07.2018).
2. Dmitriev A. V. Social adaptation of immigrants as a resource of stability of the Russian society. [*Socialnaya adaptaciya immigrantov kak resurs stabilnosti rossiiskogo obschestva*]. // Analytical Bulletin No. 19: "the Processes in the area of migration and the prospects for Eurasian integration: experience of the regions. M.: Analytical Department of the apparatus of the Federation Council of the Russian Federation, 2017. C. 33-37.
3. Ledeneva V. Yu. Models of social adaptation and integration of labor migrants: Monograph. [*Modeli socialnoi adaptacii i integracii trudovih migrantov*]. M., 2014.
4. Inter-ethnic tensions in a changing social context: results of research. [*Mezjetnicheskaya napryajennost v menyayuschemsya socialnom kontekste: rezultati issledovaniya*]. / Under the editorship of M. F. Chernysh, etc. M.: FCTAS RAS, 2017.
5. Mukomel V. I. Migrant Integration: challenges, policies, social practices. [*Integraciya migrantov: vizovi_ politika_ socialnie praktiki*]. // Mir Rossii. 2011. No. 1. Pp. 34-50.
6. Kim, Y. Y. Communication and Cross-Cultural Adaptation: An Integrative Theory. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1988.
7. Voronov V.V., Dmitriev A.V. Regional problems of diasporic communities: expert dimension. Ed. 2nd, amended and supplemented. [*Regionalnie problemi diasporno-zemlyacheskih soobschestv: ekspertnoe izmerenie. Izd. 2-e ispr. i dopoln.*]. Moscow: New Chronograph, 2018.

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

ЕВЛАЕВ

Андрей Николаевич

кандидат политических наук, доцент Российского университета транспорта, Москва, Россия

evlaev@ya.ru

EVLAEV

Andrej Nikolaevich

candidate of political Sciences, associate Professor, Russian University of transport, Moscow, Russia

evlaev@ya.ru

Развитие транспортной системы в аспекте совершенствования социальной инфраструктуры г. Москвы/Development of the transport system in terms of improving the social infrastructure of Moscow

Аннотация

В статье детально исследуется состояние и структура общественного транспорта г.Москва. Рассматриваются механизмы реализации транспортной политики Департамента транспорта столицы в части борьбы с пробками, улучшения экологической ситуации и др. Автор приходит к выводу о том, что транспорт является одним из основных элементов социальной инфраструктуры мегаполиса.

Ключевые слова

Городское управление; транспортная политика; мегаполис; социальная инфраструктура; социальная политика.

Abstract

The state and structure of Moscow public transport is in details investigated in the article. Mechanisms of realization of transport policy of Department of transport of the capital regarding fight against traffic jams, improvement of an ecological situation, etc. are considered. The author comes to a conclusion that transport is one of basic elements of social infrastructure of the megalopolis.

Keywords

Urban management; transport policy; metropolis; social infrastructure; social policy.

Известно, что проблема транспорта в крупных городах мира всегда являлась актуальной. Это, как правило, было связано с урбанизацией больших и малых городов, с перспективой превращения их в мегаполисы, в которых рост населения опережал развитие многих сфер услуг и прежде всего транспортных. Однако в таких крупных мегаполисах мира, как Москва, эта проблема в XX в. решалась в целом

позитивно, в отличие от многих европейских столиц, в частности, Парижа, что актуализирует задачу исторического анализа данной проблемы по таким ее аспектам, как формирование, развитие и состояние транспортных систем Москвы в исторической перспективе.

Транспорт относится к числу важнейших элементов социальной инфраструктуры современных российских городов, от функционирования которого зависит образ жизни их граждан. Доставляя работающее население к местам осуществления труда, он оказывает влияние на эффективную деятельность городского хозяйственного комплекса. Социальный эффект от развития транспорта проявляется в повышении доступности учреждений образования, здравоохранения и спорта, культуры и отдыха, торговли, что способствует полному удовлетворению спроса населения на различные виды услуг.

В процессе регулярного транспортного обслуживания граждан городов в них формируется система пассажирского транспорта, которая приобретает особенно сложную структуру в мегаполисах, прежде всего в Москве. В систему пассажирского транспорта Москвы кроме наиболее используемого общественного транспорта (автобусы, троллейбусы, метро, трамваи) входит железнодорожный и речной транспорт, а так же маршрутные такси, которые стали в последние года очень популярными среди горожан. За обеспечение наземных пассажирских городских перевозок в городе Москва отвечает ГУП «Мосгортранс». Это одна из самых крупных транспортных компаний в мире, которая перевозит порядка 2 млрд. пассажиров в год и таким образом обеспечивает около 50% пассажироперевозок в городе. □

В последние годы в Москве интенсивно развивался рынок такси (Яндекс.такси, Uber, Get такси и т.д.), но не смотря на это автобус остается основным видом наземного транспорта, который играет важное значение в транспортировке пассажиров на окраине Москвы, где пока нет метро, и на так называемых «хордовых направлениях», соединяющих различные станции метро. Стоит отметить, что в случае перевозок пассажиров на окраине города, основной пассажиропоток направлен до ближайших станций метро. Таким образом формируются транспортно-пересадочные узлы.

Наиболее экологичными и экономичными видами наземного общественного транспорта являются трамваи и троллейбусы, составляющие достаточно большую конкуренцию в перевозке пассажиров автобусам в центре столицы. Хочется отметить, что московская троллейбусная сеть это крупнейшая сеть в мире, а так же одна из самых старейших среди действующих в настоящее время. Открытие первой троллейбусной линии в Москве состоялось в ноябре 1933г.

Трамвайная сеть уступает троллейбусной в масштабах (всего 46 маршрутов) и обеспечивает перевозку 5% пассажиропотока города. Стоит отметить, что для некоторых окраинных районов трамвай является основным способом доставки пассажиров до метро.

Как отмечалось ранее, такси в городе Москве представлены широким кругом компаний – от мелких до крупных международных. Парк такси так же достаточно обширен – от автомобилей отечественного производства до люксовых иностранных марок.

Отдельного упоминания достойно столичное метро. Его можно назвать «внеуличным» видом городского транспорта. Сеть московского метро охватывает весь город – от центра до промышленных и окраинных спальных районов. Московский метрополитен по уровню перевозок сравним с токийским метрополитеном, хоть и уступает ему немного в пассажиропотоке. Так ежедневно услугами московского метрополитена пользуется в среднем 2,4 млн. пассажиров. На данный момент метрополитен включает в себя 12 линий общей протяженностью 359,5 км и 212 станций.¹ Эксплуатацию метрополитена осуществляет ГУП «Московский метрополитен», в составе которого имеется более 30 подразделений и служб.

Московский железнодорожный транспортный узел это один из крупнейших аналогичных узлов в СНГ и мире. На сегодняшний день он обеспечивает основной объем перевозок пассажиров и грузов.

В состав узла входят 10 направлений от девяти вокзалов города Москвы, участок Октябрьской железной дороги (Ленинградское направление), а также Большое и Малое кольца московской железной дороги. Общая протяженностей железнодорожных путей составляет 190 км (в пределах границ Москвы).

Согласно генеральной схеме развития Московского железнодорожного узла, в 2020 году объем пригородных перевозок железнодорожным транспортом составит 1,3 млрд пассажиров в год (в настоящее время - около 500 млн пассажиров в год).[□]

Перевозку пассажиров в пределах Москвы и Московской области осуществляет АО «Центральная пассажирская пригородная компания» (АО «ЦППК»). Это самая крупная ППК в России.

На АО «Центральная ППК» приходится 91,4% пригородных пассажирских перевозок в Московском железнодорожном узле. Ежедневно услугами АО «Центральная ППК» пользуется в среднем 1,6 млн. пассажиров. В 2017 году компания перевезла 573 386 513 пассажира.² Из всего этого пассажиропотока 97,9% приходится на Московский транспортный узел.

В отдельную категорию пассажирского транспорта можно выделить аэроэкспрессы (скоростные электропоезда), которые обеспечивают перевозку пассажиров до аэропортов и обратно.

Общая протяженность автомобильных дорог Москвы порядка 3 600 км и это в два-три раза ниже мировых стандартов - площадь территории Москвы, которую занимают дороги, всего 8%, на периферии показатели снижаются до 2 - 3% при европейской норме 15 - 20%.³

Так же в целях разгрузки МКАД от транзитных транспортных пассажирских и грузовых потоков планируется строительство Центральной кольцевой автомобильной дороги (ЦКАД) в Подмосковье.

По мере увеличения численности населения Москвы, требования граждан к городскому транспорту непрерывно растут, для удовлетворения которых особое значение приобретает деятельность

1 Официальный сайт ГУП «Мосгортранс»: <http://www.mosgortrans.ru/> (Дата обращения: 15.06.2018)

2 Официальный сайт Московский метрополитен: <http://mosmetro.ru/press/digits/> (Дата обращения: 15.06.2018)

3 Официальный сайт Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы: <https://stroi.mos.ru/mkzhd/moskovskii-zhelielzнодороzhnyi-uziel> (Дата обращения: 15.06.2018)

органов управления, учреждений и организаций по разработке и реализации транспортной политики[2]. В столице таким органом выступает Департамент транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры (Дептранс), формирующий и реализующий политику города в сфере транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры. Он предоставляет государственные услуги, управляет государственным имуществом в сфере транспорта, обеспечивает транспортную безопасность. Дептранс является подведомственным Правительству Москвы органом и входит в Комплекс городского хозяйства.

При реализации транспортной политики Дептранс г. Москвы руководствуется Стратегией развития транспортной системы до 2020 года. Ее цель – обеспечить комфортные условия для жизнедеятельности москвичей, развивать надежную, устойчивую, безопасную, привлекательную и удобную для всех групп населения транспортную систему. В рамках Стратегии поставлены следующие задачи развития транспортной системы Московской агломерации:

1. повышение скорости – сокращение среднего времени в пути в час пик из жилых районов вблизи МКАД до центра города (в минутах) с 67 в 2010 г. до 55 в 2020 г. – для индивидуального транспорта, а для общественного транспорта - с 60 до 50;

2. повышение удобства – суммарная вместимость пассажирского транспорта (млн. мест в сутки) с 25 - в 2010 г. до 34 - в 2020 г.;

3. повышение доступности – доля пассажиров, использующих пассажирский транспорт (%) с 61 в 2010 г. до 71 в 2020 г.

В центре транспортной политики столичного мегаполиса сегодня находится решение проблемы дорожных заторов или пробок. В 2015 г. ежедневно в Москве образовывалось около девятысячи пробок, из-за чего граждане часто опаздывали на работу. По этой причине Москва потеряла около 3% ВВП. Дополнительные издержки от них, помимо потери времени, связаны с нанесением вреда окружающей среде, ростом количества несчастных случаев на дорогах и невозможностью точно планировать встречи. По данным аналитического центра Юрия Левады, заторы на дорогах - это одна из основных проблем, интересующих москвичей.

Во многом проблема московских пробок вызвана недостаточной развитостью столичного общественного транспорта в советский период, из-за чего при первой возможности люди старались обзавестись личным авто, проявлением чего стала «взрывная автомобилизация» 1990-х гг. Также - ошибочностью социалистической градостроительной концепции (разделение районов на спальные и рабочие, что повлекло маятниковый принцип «работа и досуг - в центре; жилье - на периферии») усугубленной радиально-кольцевой структурой дорог.

Кроме этого свою роль сыграли:

- малая плотность дорожной сети на 1 км;
- чрезвычайно низкая связность дорожной сети из-за массы искусственных и естественных препятствий;
- неоптимальная организация дорожного движения и др.

В совокупности эти причины вызывают недозагрузку части улиц

и магистралей и перепробеги на остальных. Как следствие, даже невысокий уровень автомобилизации в Москве - 350 авто на 1000 жителей - наглухо запирает дорожную сеть.

Можно отметить также ошибочные подходы в транспортной политике московских властей в 90-е годы прошлого века, которые повлияли на сегодняшнюю остроту проблемы дорожных пробок. В отличие от стран Запада, в столице, как и в России в целом, вплоть до начала XXI в. считалось, что в городской среде приоритет должен быть отдан личным автомобилям, а общественный транспорт предназначен для перевозки школьников, пенсионеров, малоимущих и в этой функции должен оставаться неким неразвитым придатком к транспортной системе. Общественный транспорт привычно обвиняли в неэффективности и убыточности, имея в виду, что 60% его пассажиров составляли льготники. Отсутствие внимания к проблемам развития городского общественного транспорта привело к формированию его имиджа как «пережитка СССР».

Борьба с пробками в Москве сегодня ведется на основе комплексного подхода, который включает в себя реализацию следующих мер:

- создание преимуществ проезда общественным транспортом;
- повышение скорости движения общественного транспорта;
- организация выделенных полос для движения маршрутного транспорта;
- обособление трамвайных путей;
- введение единого билета на все виды транспорта и новых тарифных планов оптимизация маршрутной сети;
- организация легальных таксомоторных перевозок;
- строительство линий скоростного трамвая (автобуса);
- создание условий для использования велосипедов для поездок на малые и средние расстояния в черте города[1].

В рамках намеченного подхода начался пересмотр программы развития метро, развернуто строительство Московского центрального кольца (МЦК), осуществляется закупка вагонов, развитие пригородного сообщения.

Одним из ключевых событий 2016 года в Москве стал запуск первой очереди МЦК, которым ежедневно начали пользоваться около 300 тысяч пассажиров.

Сказалось на улучшении дорожной ситуации введение платного парковочного пространства. С помощью этого нововведения стало возможным улучшение регулирования движения в Москве, его ограничение с экономической и финансовой точки зрения. Введение платы за парковку привело в начале 2017 г. к уменьшению количества машин в центральной части города на 20–25 процентов. □

На лекции в Высшей школе экономики в начале 2017 г. столичный мэр Сергей Собянин отметил следующие результаты в борьбе с пробками, достигнутые к этому времени. По его словам, практически вдвое снизилось в столице количество ДТП. Потеря времени из-за плотного движения на дорогах сократилась почти на четверть. С первого места по потере времени из-за трафика и по пробкам Москва ушла на пятое место. Несмотря на то, что за последние годы

количество машин только в столице увеличилось на миллион, это не привело к ухудшению трафика.¹

С целью внедрения практики широкого использования велосипедов для городских поездок в Москве создана сеть станций велопроката, которые осуществляют свою работу в период с мая по ноябрь месяц. Следующая таблица демонстрирует основные показатели работы этой сети в период с 2013 по 2018 гг.:¹

Таблица

Показатели работы велопрокатных станций

№ п/п	Календарный год	Количество станций велопроката	Количество велосипедов, взятых в аренду
1.	2013	79	-
2.	2014	-	-
3.	2015	179	880 тыс.
4.	2016	229	1,6 млн.
5.	2017	380	2,4 млн.
6.	2018	430	-

Благодаря банку-партнеру, с которым город несет всю финансовую нагрузку на содержание парка велосипедов, удается поддерживать сравнительно низкие расценки на аренду велосипедов для граждан. В 2019 г. планируется дальнейшее развитие московской сети велопроката. Число пунктов увеличится до 480, велосипедов в них будет 4,6 тысячи.²

Наряду с техническими и организационно-экономическими мерами по борьбе с пробками, московские органы власти применяют также информационно-пропагандистские. Используются публичные мероприятия, рекламные плакаты, информация на остановках наземного транспорта с целью популяризации общественного транспорта, велокультуры.

С ноября 2013 года в Москве запущен социальный проект «Я люблю общественный транспорт», направленный на повышение значимости общественного транспорта г. Москвы.³ Данный проект был создан по инициативе Фонда «Социальные проекты и программы». Его поддержал Департамент Транспорта г. Москвы, а партнером стала Группа Компаний «ПИК» - крупнейшая российская строительно-девелоперская компания. Суть проекта заключается в привлечении внимания граждан к общественному транспорту, к его преимуществам. План мероприятий по проекту достаточно широк – от модернизации остановок до творческих прочтений литературных произведений на остановках.

Среди других подобных мероприятий следует выделить проведение Дня отказа от автотранспорта, который отмечается во всем мире 22 сентября. Этот День объединяет многие страны Европы и мира. Начиная с 2000 года акция проходит в рамках специальной

1 Официальный сайт АО «Центральная ППК»: <http://www.central-ppk.ru/new/company/about/> (Дата обращения: 15.06.2018)

2 Там же

3 Запущен социальный проект, который повысит популярность общественного транспорта. <http://www.advertology.ru/article119649.htm> (Дата обращения: 12.12.2017)

программы «World Carfree Day» под патронажем общественной организации Carbusters (сейчас она называется World Carfree Network).

В Москве День отказа от автотранспорта отмечается проведением комплекса мероприятий в течение последней недели сентября. □ Они включают в себя экологические экскурсии по «Воробьевым горам». Знаменательно, что участники экскурсии передвигаются по парку на роликовых коньках, а также самокатах. К акции подключаются и школьники. Они принимают облик зверей и птиц, отправляются в леса, парки и рощи, чтобы напомнить людям об их неправильном поведении. Нарушители получают красочную полиграфию, а также возможный штраф в 4,5 тысячи рублей, поскольку детей сопровождают сотрудники ГАИ.

С 2014 года в Москве проводится акция «На работу на велосипеде» с целью показать, что ездить на велосипеде по ежедневным делам может быть легко и удобно, для этого не требуется специальная одежда или подготовка. Организаторами мероприятия выступают специалисты проекта по развитию велокультуры Let's bike it! при поддержке Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры Москвы. Чтобы мотивировать новичков поехать на работу на велосипеде впервые, они устраивают конкурсы и делают в городе «энергетические точки», партнёры акции предоставляют участникам скидки и бонусы. С 2015 года акция «На работу на велосипеде» проходит в формате два раза в год: в предпоследнюю пятницу мая и 22 сентября.

В мае 2017 года в акции «На работу на велосипеде» в Москве приняла участие более 100 российских и международных компаний, количество зарегистрированных участников превысило 5 тысяч человек.

К акции «На работу на велосипеде», которая проводилась 22 сентября 2017 г., организаторы запустили новую версию официального сайта и изменили концепцию мероприятия, сделав упор на работу с компаниями. На сайте появились рекомендации по проведению акции на корпоративном уровне с примерами участия российских и зарубежных компаний, а также причины, по которым бизнесу и городам выгодно развивать велокультуру.

В день акции 200 кофеен, ресторанов, магазинов и других столичных заведений клиентам на велосипедах предлагали скидки и бонусы. Акцию также поддержали ОАО «ЦППК» и АО «МТ ППК», сделав провоз велосипедов в пригородных электричках бесплатным с 17 по 22 сентября. Льготные условия действовали и в сети городского велопроката «Велобайк». Своё участие на корпоративном уровне подтвердили такие компании как Газпром, МТС, ВТБ, «Лаборатория Касперского» и другие. □

При решении проблемы пробок Дептранс Москвы сотрудничает с некоммерческой общественной организацией Probok.net, созданной в 2008 г. инициативной группой автомобилистов Москвы. Главная задача данной организации состоит в сборе, анализе и реализации на практике предложений граждан, связанных с устранением пробок в г. Москве на конкретных участках дорог. На основании этой информации сотрудники Probok.net постоянно разрабатывают все

новые и новые программы по улучшению автомобильного движения. Так в 2017 г. было реализовано порядка 90 инициатив некоммерческой общественной организацией Probok.net. Это и установка дорожных знаков, модернизация светофоров и многое другое. Но центр Probok.net предлагает к реализации не только отдельные программы, направленные на решение локальных проблем дорожного движения, но и разрабатывает инициативы по глобальному стратегическому строительству автомобильных дорог, развязок и т.п. в г. Москве.¹

Рассмотрев текущее состояние и структуру общественного транспорта Москвы, автор приходит к выводу, что властям города в целом удастся удовлетворить потребность жителей в вопросах бесперебойного функционирования всех видов городского транспорта. Более того, можно с уверенностью говорить о создании эффективной транспортной системы, работающей в интересах граждан. Рассмотрев механизмы реализации транспортной политики Департамента города важно отметить высокую заинтересованность в части социального развития мегаполиса. Опыт Москвы показывает, что транспорт является одним из основных элементов социальной инфраструктуры города.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Федякин И.В. Российская политика формирования и развития мегаполисов: текущие вызовы и перспективные ответы. ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 3 (56). С. 13-25.

2. Евлаев А.Н. Взаимодействие бизнеса и государства в современной россии: на примере железнодорожной отрасли. Владимир, Транзит-Икс, 2012. 256с.

REFERENCES

1. Fedyakin I.V. Russian policy of formation and development of megacities: current challenges and long-term answers [*Rossijskaya politika formirovaniya i razvitiya megapolisov: tekushchie vyzovy i perspektivnye otvety*]. POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura. 2016. № 3 (56). S. 13-25.

2. Evlaev A.N. Interaction between business and government in modern Russia: on the example of the railway industry. [*Vzaimodejstvie biznesa i gosudarstva v sovremennoj rossii: na primere zheleznodorozhnoj otrasli*]. Vladimir, Tranzit-Iks, 2012. 256s.

¹ Акция – день страны без машин. // <http://www.mosprobka.ru/Article/>(Дата обращения 03.05.2018)

КОНОПЛЕВА
Анна Алексеевна
к.ф.н., доцент кафедры
гуманитарных и
социально-экономических
дисциплин Крымского
филиала Краснодарского
университета МВД России
Симферополь, Россия
konoplyova.artcrimea@gmail.
com

KONOPLEVA
Anna Alexeevna
Ph.D., associate professor of
the Department of Humanities
and Socio-Economic Disci-
plines of the Crimean Branch
of the Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of
Russia
Simferopol, Russia
konoplyova.artcrimea@gmail.
com

Гибридность современной цивилизации / Hybridity of modern civilization

Аннотация

Современный нам мир сложно назвать однородным, он постоянно находится в волнении, переживая новые потрясения, связанные с разжиганием жесточайших конфликтов, неконтролируемой миграцией и формированием новых социокультурных систем и их гибридных проявлений. Разнообразие культурных и политических образований невозможно в полной мере привести к единой схеме исследования. Поэтому предлагается провести анализ гибридности объединяющих цивилизационных оснований. Представленные в статье результаты позволяют определить гибридные проявления современной цивилизации, а также открывают перспективы для прогноза относительно их дальнейшего развития.

Ключевые слова

Современная цивилизация; гибридность; однородность; составляющие цивилизационной гибридности.

Abstract

The modern world is difficult to call homogeneous, it is constantly in a state of excitement, experiencing new shocks associated with fomenting violent conflicts, uncontrolled migration and the formation of new sociocultural systems and their hybrid manifestations. The diversity of cultural and political entities can not fully lead to a unified pattern of research. Therefore, it is proposed to conduct an analysis of the hybrid nature of the unifying civilizational foundations. The results presented in the article allow us to determine the hybrid manifestations of modern civilization, and also open prospects for the forecast of their further development.

Keywords

Modern civilization; hybridity; homogeneity; components of civilizational hybridity.

Невзирая на длительность своего существования, понятие цивилизации до сих пор не имеет однозначной трактовки и характеризуется как полисемантическое. Его значение варьируется от определения этапа социокультурного развития до отправной точки деградации общества, поскольку с момента появления понятия цивилизации каждая эпоха вносила свой вклад в его трактовку, исходя из целого комплекса параметров. Современная философская мысль зачастую опирается на идеи О. Шпенглера и противопоставляет цивилизацию культуре.

Однако вопреки существующему мнению, что цивилизация «убивает» культуру, следует отметить неразрывную взаимную связь и обусловленность данных понятий. На сегодняшний день высокий уровень культуры невозможен без развития цивилизации, поскольку последняя предоставляет широкие возможности для человека, создавая новые технологии и методы познания действительности и освоения окружающего мира¹. В свою очередь, цивилизация теряет смысл, если дистанцируется от культуры, прежде всего духовной. Такой аксиологический кризис приводит человечество к величайшим трагедиям, разрушая выстраиваемую столетиями систему гуманистических ценностей. В первой половине XXI столетия эти проблемы приобрели еще большую актуальность ввиду усложнения мира и построения новой цивилизационной модели, в которой невозможны однозначные оценки и где упрощение форм ассоциируется с неразвитостью.

Очевидно, что современный нам мир трудно назвать однородным. При этом гибридность и свойственные ей смешения в различных проявлениях – отнюдь не заслуга новейших процессов. Основываясь на биологических фактах, ясно, что чистота теряет свою актуальность и востребованность еще на ранних этапах развития общества – когда процесс взаимодействия, взаимообмена и взаимообогащения становится необходимым условием для выживания. И для того, чтобы обрести перспективы для развития в условиях гибридного мира, необходимо отталкиваться от актуальных социальных процессов и выстраивать механизмы адаптации к ним.

На сегодняшний день так и не сложилось не только однозначное представление о гибридности, особенностях процессов воплощения гибридных проявлений в конкретных политических или социокультурных объединениях, но и отсутствует единая позиция относительно полезности данного феномена. Более того, в гибридности, учитывая актуальную геополитическую обстановку, принято скорее «улучшать», нежели подчеркивать обусловленное этой характеристикой преимущество.

Примечательно, что большинство трудов, посвященных теме гибридности как явлению, не переведены на русский язык, что порождает терминологическую путаницу. Квалифицированное решение данной проблемы помогло бы ликвидировать неточности в понимании и избежать ошибок в трактовке понятия гибридности. Кроме того, твердая убежденность ряда авторитетных исследователей в том, что гибридность – это пустое понятие, описывающее уже существовавшие

¹ Коноплева А.А., Буткевич С.А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений // Философия права. – №1(84). – 2018. – С.57 – 64.

ранее явления, затрудняют процесс глубокого изучения обозначенной темы. Следует отметить, что использование данного термина применительно к особенностям современной цивилизации вполне логично и оправдано объективной реальностью.

Вопреки устоявшимся стереотипам в контексте современных научных изысканий гибридность воспринимается не только и не столько с биологической точки зрения. Если анализировать биологический аспект, то на сегодняшний день не только представители флоры и фауны отличаются неоднородностью. Известный астрофизик А. Франк относит Землю к «гибридным» планетам. Это означает слияние природных и техногенных принципов развития¹.

По нашему убеждению, под гибридностью в философском контексте следует понимать объединение в пределах отдельного явления неоднородных черт и противоречивых характеристик, имеющих политические, культурные, экономические, этнические и иные проявления. Данные особенности были сформированы в процессе развития и связаны с ответной реакцией на внешнее воздействие. Иными словами, гибридность появляется в условиях, когда возникает необходимость дальнейшего развития, приспособления к новым обстоятельствам.

Рассмотрение астрофизических особенностей нашей планеты и наблюдение за рядом социокультурных процессов наталкивает на мысль, что гибридные цивилизации – это не всегда результат целенаправленного человеческого творчества. Гибридность на сегодняшний день в цивилизационном аспекте – это следствие жизнедеятельности человека. Применительно к социальной сфере процесс гибридизации не носит исключительно искусственный характер. А потому ввиду закономерности и естественности формирования устойчивости гибридного образования к внешним угрозам будет выше, чем у однородного.

В философском ракурсе проблему однородности цивилизаций поднимает Н. Данилевский. Несмотря на то, что сформулированные им культурно-исторические типы отличаются самобытностью и уникальностью, мыслитель в четвертом законе исторического развития говорит, что «цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств»².

Однако анализируя процесс наследования культурных особенностей неоднородной древнеримской цивилизацией, Н. Данилевский обращает внимание на сложности трансляции ее особенностей другим. В результате двусторонних контактов римляне успешно усваивали достижения как близлежащих государств (Греция), так и принимали особенности отдаленных культур (Индия). Однако

1 Земля как «гибридная» планета: Антропоцен в астробиологическом контексте [Электронный ресурс]. Режим доступа: ULR: <http://www.astronews.ru/cgi-bin/mng.cgi?page=news&news=10235> (Дата обращения 21.05.2018).

2 Данилевский Н.Я. Россия и Европа [Электронный ресурс]. Режим доступа: ULR: <http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html> (Дата обращения 21.05.2018).

собственные черты фактически не смогли передать. Исследователь высказывает предположение, что «такой результат может быть приписываем тому, что римская культура передавалась не путем свободного сообщения благ цивилизации, а путем насильственного покорения, уничтожившим вместе с политической независимостью и всякую национальную самостоятельность»¹.

Сам вопрос формирования однородной цивилизации является дискуссионным. Поскольку это явление связывается либо с ранними этапами развития общества (к примеру, древнейшие цивилизации, находящиеся в стадии формирования и избирательно относившиеся к своим потенциальным гражданам), либо обусловлено националистическими мотивами (нацистские идеи, связанные со стремлением очистить расу принудительно). По принципу обеспечения разнообразия формировалось Древнеримское государство, создававшее нацию без привязки к происхождению индивида. Статус гражданина мог получить и раб, и иностранец, если в своей жизни придерживался установленных римлянами законов. Открытость древнеримского общества позволила сформировать сильную армию, а также дало основание для развития демократического общества нового образца. В частности, такую модель на сегодняшний день используют многие государства. К ним относятся и Россия, и США, отличающиеся многообразием народов, образующих национальное пространство.

Существует противоречивое, однако пользующееся популярностью, мнение о том, что неоднородность в нынешних реалиях – это неотъемлемая черта исключительно русской цивилизации, придающая ей слабость и недолговечность. Однако при более подробном рассмотрении становится заметным, что в нынешних социокультурных и политических условиях стремление к чистоте может иметь различную природу.

Кроме иллюзорности восприятия и желания сознательно отстраниться от гибридной сущности ввиду ангажированности используемого понятия, однородность может иметь демонстративный характер. Гитлеровская Германия активно пропагандировала и реализовывала идею очищения расы. Но в то же время советская практика стремилась к сохранению национального разнообразия. Безусловно, и в первом и во втором случае существование цивилизации завершилось ее разрушением. Однако, если в первом случае это было обусловлено военным подавлением агрессора, то во втором – распад СССР связан с внешним политическим воздействием. Примечательно то, что весь цивилизованный мир и сегодня осознает опасность нацистской идеологии, более того, сами жители Германии ощущают свою ответственность за прошлое и стыдятся этой страницы в истории Германии. Советский принцип построения государства, сформированного на основе равенства всех народов, воспринимается и в наши дни как образец построения современной национальной политики.

Также основанием для поддержания однородности может быть политический курс государства. Невзирая на то, что процессы,

¹ Там же.

культивирующие разнообразие, уже практически получили статус мировой тенденции, на сегодняшний день сохранились государства, политику которых нельзя охарактеризовать с данной позиции. Израиль, к примеру, в своей национальной политике, стимулируя возвращение репатриантов, активно придерживается позиции формирования единого культурного пространства, основанного на поддержании этнических и религиозных традиций.

Ввиду многогранности проявлений невозможно однозначно описать особенности гибридности каждой из современных или существовавших ранее цивилизаций. Однако представляется возможным выявление обобщающих характеристик, демонстрирующих всеобщность гибридности. Опираясь на цивилизационный подход, следует отметить, что исключительность цивилизации придают: природно-климатическая среда, демографический фактор, включающий также этнический состав населения, экономическая, политическая и правовая системы, технологические средства и показатели, пережитые исторические события, культурные особенности, система верований, нравственные ценности и др. Анализ работ современных исследователей позволил определить подверженные гибридности цивилизационные проявления.

Гибридность природно-климатической среды связана с биологическим основанием. Современную цивилизацию переполняют гибридные живые организмы, растения и продукты. При этом от уровня гибридности напрямую зависит успешность популяции, «потенциал урожайности»¹, к гибридации прибегают с целью сохранения чистоты, типичности и однородности растений. В контексте среды обитания в целом и городского пространства в частности гибридность становится способом увеличения разнообразия природной среды для наиболее эффективного удовлетворения потребностей населения. Однако на фоне деятельности различных террористических группировок в научный обиход вводится понятие «гибридной экологии» для «определения концепции об изменении существующей экологической парадигмы в связи с ее отставанием от научно-технологического прорыва»².

Обращение к гибридной экологии призвано ответить на вызовы технологической сферы, изобретения которой активно используются современными государствами и применяются при ведении гибридных войн. Последние в свою очередь основаны не только на использовании современной инновационной техники, но и предполагают внедрение методик опосредованного ведения боя (таких, как информационная война, финансирование диверсионно-террористической деятельности, создание зон замороженного конфликта и т.д.)³.

Гибридность технологической составляющей цивилизации можно рассмотреть и совершенно в другом ракурсе: прежде всего, обращаясь

1 Гузенко Е.В., Лемеш В.А., Сидоренко Е.В., Хотылёва Л.В. Идентификация простых гибридов и определение типичности инбредных линий кукурузы на основе полиморфизма микросателлитной ДНК // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2010. – С.92.

2 Зонн И.С. «Гибридный ландшафт» Ближнего Востока // Проблемы постсоветского пространства. – 4(4). – 2017. – С. 280-296.

3 Буткевич С.А. Инновации в системе предупреждения терроризма и экстремизма глазами крымских правоохранителей (по результатам социологического опроса) // Общество и право. – 2017. – № 4 (62). – С. 90.

к телекоммуникационным системам (телевиденье, сеть Интернет, социальные сети и т.д.). И если интернет и все его производные априори воспринимаются как неоднородные, в телевизионной сфере гибридность стала развиваться относительно недавно. В частности на рубеже XX и XXI столетий произошли значительные изменения в применяемых телевизионных технологиях, и сегодняшнее телевиденье называют гибридным. Это обусловлено отсутствием четко выраженной жанровой составляющей – «элементы нескольких жанров... совмещены в единое целое»¹. Поэтому появляется новое для телевизионной сферы понятие «формата», отражающее гибридную сущность телевидения. Основной закон «телевизионной» гибридности в том, что «чем более сложна гибридная структура формата той или иной программы — тем больше вероятность успеха этого телевизионного продукта у зрителей»². Выявленная закономерность объясняется возможностью заинтересовать широкую аудиторию и тем самым повысить рейтинги программы.

В политической, экономической и правовой составляющих цивилизации гибридность воспринимается как отсутствие «чистых» форм. Это гибридная экономика, смешанные системы права и т.д. К примеру, демократия, уходящая своими корнями в античную эпоху, сегодня так и не обрела идеальную форму в реальной политике и осталась скорее ориентиром, приобретаая в современных реальных государствах неожиданные модификации. Пример этому – абсолютная реализация демократического принципа свободы слова, которая так и не нашла своего полного воплощения.

Если брать во внимание демографический фактор, то практически каждая цивилизация сегодня представляет собой полиэтничное и даже надэтническое образование. Открытость границ, миграционные потоки и стремление к формированию глобального общества привели к смешению народов. Опираясь на идеи А. Мещерякова и О. Антропова, следует отметить, что наглядным примером феномена современной цивилизации является заключение браков между расами. Исследователи говорят о неограниченной рождаемости и удовлетворительном здоровье детей, появившихся в диаспорах, вопреки стереотипам, бытовавшим в науке в прошлые столетия³.

Безусловно, смешение народов, открытость границ приводят к изменению мировоззрения. Теперь человек мыслит себя продуктом гибридной эпохи. В нынешних условиях неоднородности прежние традиционные для отдельной цивилизации ориентиры теряются. В. Хачатурян говорит о том, что даже христианство, которое длительное время служило «цивилизационным кодом»⁴ для Западной Европы, теряет свое значение. Мир привыкает к синтетическим верованиям, чуждым ранее ценностям и далеким нравственным ориентирам.

Душа культуры также претерпевает изменения. Филолог

1 Новикова А.А. Гибридность как определяющий признак телевизионного формата Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2010. – № 6. – С.58.

2 Там же, С.61.

3 Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал Фронтальных Исследований. – 2017. – № 2 (6). – С. 30-58.

4 Хачатурян В. М. К проблеме трансформаций культурного пространства

К. Шишигин выделяет несколько уровней гибридности языковых систем, основанных на степени проникновения языков друг в друга, событийности их употребления. Исследователь выделяет языки межнационального общения, смешанные языки, языки с элементами смешения и др.¹ Это с одной стороны, упрощает существование индивида, но с другой – способствует потере идентичности.

Приведенные в исследовании факты свидетельствуют о том, что цивилизации, вырастающие в XXI веке на мировой арене, с одной стороны, вынуждены создавать конгломераты, объединяясь с другими образованиями, зачастую, чуждыми, но необходимыми им в стратегическом плане. С другой стороны, однородность в принципе не допустима в современных условиях, что связано с событиями на Ближнем Востоке и неконтролируемыми миграционными потоками, ставшими следствием этих процессов, что неизбежно ведет к разнородности. Сама же мысль об «очищении» цивилизации в современном обществе справедливо воспринимается как проявление расизма и дискриминации.

Гибридность представляет собой закономерный процесс изменения цивилизационного устройства всего мира, проявляющийся в появлении социального, культурного, генетического, политического и экономического разнообразия. Гибридные характеристики современных цивилизаций проявляются в неоднородности, нашедшей воплощение в использовании народами новых типов взаимодействия и развитии в следствие этого черт, не имеющих традиционных конфигураций. Другой особенностью является динамичность современной цивилизации, обусловленная резкими, скачкообразными трансформациями и мощными потрясениями, которые переживает мировое сообщество. Задача человека как представителя современной цивилизации – научиться управлять этими процессами, чтобы обернуть их в свою пользу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Буткевич С.А. Инновации в системе предупреждения терроризма и экстремизма глазами крымских правоохранителей (по результатам социологического опроса) // Общество и право. – 2017. – № 4 (62). – С. 87-92.
2. Гузенко Е.В., Лемеш В.А., Сидоренко Е.В., Хотылёва Л.В. Идентификация простых гибридов и определение типичности инбредных линий кукурузы на основе полиморфизма микросателлитной ДНК // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2010. – С. 92-96.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html> (Дата обращения 21.05.2018).
4. Земля как «гибридная» планета: Антропоцен в астробиологическом контексте [Электронный ресурс]. Режим доступа:

в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // Культурологический журнал. – 2013. – 1(11). – С.1-14.

¹ Шишигин К. А. Словообразовательная система гибридного языка: формирование, развитие и функционирование (на материале префиксальных глаголов идиша): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / К. А. Шишигин. – Кемерово, 2015. – 414 с.

URL: <http://www.astronews.ru/cgi-bin/mng.cgi?page=news&news=10235>
(Дата обращения 21.05.2018).

5. Зонн И.С. «Гибридный ландшафт» Ближнего Востока // Проблемы постсоветского пространства. – 4(4). – 2017. – С. 280-296.
6. Коноплева А.А., Буткевич С.А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений // Философия права. – №1(84). – 2018. – С.57 – 64.
7. Новикова А.А. Гибридность как определяющий признак телевизионного формата Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2010. – № 6. – С. 56-65.
8. Мещеряков А. Ю., Антропов О. К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал Фронтальных Исследований. – 2017. – № 2 (6). – С. 30-58.
9. Хачатурян В. М. К проблеме трансформаций культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклализация // Культурологический журнал. – 2013. – 1(11). – С.1-14.
10. Шишигин К. А. Словообразовательная система гибридного языка: формирование, развитие и функционирование (на материале префиксальных глаголов идиша): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / К. А. Шишигин. – Кемерово, 2015. – 414 с.

REFERENCES

1. Butkevich S.A. Innovations in the system of preventing terrorism and extremism through the eyes of Crimean law enforcers (according to the results of a sociological poll) [*Innovacii v sisteme preduprezhdeniya terrorizma i ehkstremitizma glazami krymskikh pravoohranitelej (po rezul'tatam sociologicheskogo oprosa)*] // Society and law. - 2017. - No. 4 (62). - P. 87-92.
2. Guzenko EV, Lemesh VA, Sidorenko EV, Khotyleva L.V. Identification of simple hybrids and determination of typical inbred lines of maize based on polymorphism of microsatellite DNA [*Identifikaciya prostykh gibridov i opredelenie tipichnosti inbrednyh linij kukuruzy na osnove polimorfizma mikrosatellitnoj DNK*]// Reports of the National Academy of Sciences of Belarus. - 2010. - P. 92-96.
3. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe [*Rossiya i Evropa*] [Electronic resource]. Access mode: URL: <http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html>(Date of circulation on May 21, 2018).
4. Earth as a “hybrid” planet: Anthropocene in the astrobiological context [*Zemlya kak «gibridnaya» planeta: Antropocen v astrobiologicheskom kontekste*][Electronic resource]. Access mode: URL: <http://www.astronews.ru/cgi-bin/mng.cgi?page=news&news=10235> (Circulation date 21.05.2018).
5. Zonn IS “Hybrid Landscape” of the Middle East [*Gibridnyj landshaft» Blizhnego Vostoka*]// Problems of the Post-Soviet Space. - 4 (4). - 2017. - P. 280-296.
6. Konopleva AA, Butkevich SA Traditions and Innovations: Points of Extreme Values [*Tradicii i innovacii: točki ehkstremaal'nyh znachenij*]// Philosophy of Law. - No. 1 (84). - 2018. - P.57 - 64.
7. Novikova A.A. Hybridism as the defining sign of the television format [*Gibridnost' kak opredelyayushchij priznak televizionnogo formata*] Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. - 2010. - No. 6. - P. 56-65.

8. Meshcheryakov A. Yu., Antropov OK Russian diaspora on Chinese soil: a variant of cultural hybridity [*Russkaya diaspora na kitajskoj zemle: variant kul'turnoj gibridnosti*] // Journal of Frontier Studies. - 2017. - No. 2 (6). - P. 30-58.

9. Khachatryan V. M. On the problem of transformations of cultural space in the era of globalization: hybridization and enclavement [*K probleme transformacij kul'turnogo prostranstva v ehpohe globalizacii: gibrizaciya i anklavizaciya*] // Culturological Journal. - 2013. - 1 (11). - C.1-14.

10. Shishigin KA Word-formation system of a hybrid language: formation, development and functioning (on a material of prefixed Yiddish verbs) [*Slovoobrazovatel'naya sistema gibridnogo yazyka: formirovanie, razvitie i funkcionirovanie (na materiale prefiksal'nyh glagolov idisha)*]: the dissertation ... Doctors of Philology: 10.02.19 / KA Shishigin. - Kemerovo, 2015. - 414 p.

КОЧИНА
Елена Александровна
Кандидат социологических
наук, доцент кафедры
Психологии социальной
работы Хакасского
государственного
университета им. Н.Ф.
Катанова Абакан, Россия
vereschaginaea@mail.ru

KOCHINA
Elena Alexandrovna Candidate
of social Sciences, associate
Professor of Psychology of
social work Khakass state Uni-
versity. N. F. Katanov, Abakan,
Russia
vereschaginaea@mail.ru

**Гражданская идентичность и политическая активность
современной молодёжи в региональном измерении на примере
южной Сибири /Civic identity and political activism of today's youth
in the regional dimension of the south of Siberia**

Аннотация

В статье рассматривается гражданская идентичность как фактор формирования политической активности. Молодежь представлена как стратегический потенциал Южной Сибири, роль которого значительно возрастает в период социокультурных трансформаций. На основании эмпирического исследования выявлено, что для молодых жителей Южной Сибири проявление гражданственности свойственно через эмоционально-чувственное проявление, нежели через поведенческое. Большинство молодых людей не интересуются общественной и политической деятельностью, политическая активность носит неактивный и эпизодический характер. Обозначена актуальная для построения гражданского общества проблема формирования гражданской идентичности и политической активности современной молодёжи в Южной Сибири.

Ключевые слова

Гражданская идентичность; политическая активность; молодёжь; идентификация.

Abstract

The article considers the civil identity as a factor of political activity formation. Youth is presented as a strategic potential of southern Siberia, the role of which increases significantly during the period of socio-cultural transformations. On the basis of empirical research it is revealed that for young people of southern Siberia the manifestation of citizenship is peculiar through emotional and sensual manifestation, rather than through behavioral. Most young people are not interested in social and political activities, political activity is inactive and episodic. The problem of the formation of civil identity and political activity of modern youth in southern Siberia, relevant for the construction of civil society, is identified.

Keywords

Civil identity; political activity; youth; identification.

В настоящее время, на этапе развития российского социума, гражданская идентичность современной молодёжи, одна из приоритетных и обсуждаемых тем, как в научном сообществе, так и в широкой общественности. Что находит своё подтверждение в научных публикациях, дискуссиях, круглых столах. Изучение вопроса гражданской идентичности у современной молодёжи определено ещё и тем, что от неё зависит функционирование человека как системы, наполняя её определёнными смыслами, что немаловажно для молодого поколения. Как совершенно справедливо отмечает Маршак А.Л., трансформацией современного социума модифицируется не только направленность идентичности, но и структура её формирования¹. Гражданская идентичность представляется как связь со страной, большой и малой родиной; ее часто сравнивают с патриотизмом. По мнению Л. М. Дробижевой, современная гражданская идентичность населения России - сложный синтез новой российской, ностальгической советской, социальной, локальной, этнокультурной и религиозной идентичности. По изменениям в этой идентичности судят о направлениях развития социума, и вместе с тем ее масштабность, интенсивность становится социальным ресурсом в общественном развитии². В данном контексте, цель статьи – гражданская идентичность и политическая активность современной молодёжи в региональном измерении на примере Южной Сибири обладает не только академической, но практической направленностью.

Эмпирическую базу исследования составили: массовые социологические опросы, полученные в 2016 г. которые были осуществлены параллельно в трёх регионах Сибири: Республика Хакасия (520 человек), Республика Тыва (290 человек), Республика Алтай (190 человек)³. Репрезентативность выборки была обеспечена соблюдением пропорций численности населения, проживающего в населенных пунктах различного типа (районы, средние и малые города и сельские населенные пункты). В исследованиях применена квотная выборка по полу, возрасту и территориальному размещению изучаемых категорий населения регионов. Применен распространенный подход возрастной сегментации. В качестве основного метода сбора первичных данных применялось формализованное анкетирование.

В отечественной социологии молодежи сложились критерии возрастной периодизации, основанные на консенсусном подходе и закрепленные в ювенальном законодательстве. Таковыми признаются возрастные границы 15-29 лет⁴, однако, при изучении экономических, юридических, правовых вопросов для объективности интерпретации

1 Маршак Аркадий Львович Культурная идентичность как фактор укрепления целостности России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №5 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya>- дата обращения: 16.07.2018

2 Дробижева Л. Мифы и реальность в современном полиэтничном обществе // Антропология и археология Евразии. Э. М. Шарп, Инк. 2013. №4 (51). С. 27-38.

3 Социологическое исследование (2016 г.) в рамках Гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290, Хакасия – 520, Алтай – 190).

4 Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социология молодежи. Учебное пособие. М.: МИИТ, 2009. - 322 с.-14с.

полученных данных, необходимо рассматривать ответы только совершеннолетней молодежи, которая включена в общественное разделение труда, поэтому возрастные рамки объекта исследования ограничили от 18 до 24 лет, из них: мужчин 46,8% женщин 53,2%; образование: ниже среднего-1%; среднее (средняя школа)-32,2%; начальное профессиональное (ПТУ, ПУ, лицей)-8,8%; среднее профессиональное (колледж, техникум)- 34,6%; высшее, незаконченное высшее - 23,4%.

Следовательно, для нашего исследования стало интересным изучение вопроса о гражданской идентичности. На вопрос: «Что для Вас означает «быть гражданином России?»» среди предложенных ответов чаще всего респонденты выбирали:

«Любить отечество»-23,4%;

«Чувствовать себя защищенным государством» -17,6%;

«Иметь возможность жить и развиваться» -16,6%;

«Служить отечеству в мере своих возможностей» - 12,2%;

«Соблюдать закон, платить налоги» - 8,8%.

Меньше всего респонденты выбирали такие высказывания, как: «Голосовать на выборах» - 4,4%, «Отстаивать и бороться за свои права» – 2% «Чувствовать единство и общность с россиянами» -2,4%. Итак, полученные ответы говорят о том, что для молодых людей гражданская идентичность больше связана с эмоциональными чувствами, такими как: любовь к отечеству, служить отечеству и др., также у молодых людей актуальна потребность в стабильности и защищенности со стороны государства.

С точки зрения молодого поколения в первую очередь россиянином можно назвать того, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей - 31,7%; далее популярность получило следующее суждение: «Русским можно назвать только того, кто имеет российское гражданство»-26,3%, наименьшее количество ответов кого можно назвать русским, получило суждение: «Кто сам себя считает россиянином и кто любит и живёт в России» - 14%.

В пользу гражданской идентичности говорят ответы на вопросы, связанные с оценкой молодыми людьми положения собственной нации. Лидируют мнения респондентов о том, что Россия ждет великое будущее 48,8% и Россия может стать великой державой при определенных условиях 4,5%. Пессимистичные настроения по поводу будущего своей страны свойственны малому количеству молодых людей, об этом свидетельствуют следующие высказывания – «Россия вряд ли сможет стать экономически развитой страной» «жизнь в России всегда будет хуже, чем в развитых странах» - 26%. При этом, ответственность за будущее своего государства молодые люди разделяют, так как чаще всего произносятся слово «Мы», молодые люди подразумевают «Мы граждане России -53,9%», реже «Мы жители одной республики -37,3%», далее гендерное распределение «Мы женщины или мы-мужчины -26,5%», и «Мы люди своего поколения -21,1%» молодыми людьми не были выбраны такие высказывания как «Мы люди одних политических взглядов» или «Мы люди одной судьбы».

По мнению ряда экспертов, социальная активность молодежи вне зависимости от территориального нахождения во многом зависит от

собственного представления о построении гражданского общества, от отношения к его идеям, ценностным установкам, к структурам гражданского общества. Именно молодёжь в большей степени, чем другие социально-демографические группы, нацелена на повышение своего социального статуса и освоение новых социальных ролей. Поэтому следующим этапом в исследовании являлось, рассмотрение социальной активности **Опрос показал, что у молодых жителей Южной Сибири приоритетна самостоятельная стратегия поведения: «за трудности в своей сегодняшней жизни никого не виню»** - ответили 33,9% опрошенных, вместе с тем более трети респондентов выбирают иждивенческую стратегию «за трудности в своей жизни виню органы государственной власти Российской Федерации» - 20,7%, особенно мощно представлена данная позиция у жителей Республики Хакасия 27,3%. Принимают нынешнюю ситуацию как необходимый этап развития, активно пытаются улучшить своё положение (рациональная стратегия поведения) свойственна - 33,8% респондентам.

От социальной активности во многом зависит и политическая активность. Именно проявление заинтересованности молодых людей к происходящим общественно-политическим событиям является одним из показателей зрелости гражданского общества, так как участие в деятельности общественно-политических объединений формирует навыки и установки гражданственности.

Как указывают в своих работах **И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская**¹, на уровень вовлеченности граждан в общественно-политическую жизнь действует достаточно сложная система факторов. В качестве *объективных* выделяются возрастные особенности (лабильность политического сознания, высокая подверженность манипулированию), неустойчивое материальное положение (отсутствие работы у учащейся молодежи, низкие доходы на старте профессиональной карьеры у работающей ее части), авторитарный тип политического режима (бюрократизм, непрозрачность системы государственной власти), фаза социально-экономического развития. Учёные выделяют пять основных типов политического поведения молодых людей: 1) неактивные - лица, которые не участвуют в политике, время от времени участвуют в выборах; 2) конформисты - лица, избегающие непосредственной политической деятельности, эпизодически способные принять участие в конвенциональных формах осуществления политики и даже в политических кампаниях; 3) реформисты - активно принимают участие в конвенциональных формах осуществления политики, а также использующие законные формы политического протеста; 4) активисты - активные участники политической и общественной жизни социума в конвенциональных и неконвенциональных формах; 5) протестующие - активные участники политического процесса, которые используют преимущественно неконвенциональные формы участия [3: 60]. Согласно полученных нами данных, проявляют интерес к политической жизни в своём регионе 52,3% респондентов. Учитывая, что между интересом и интенсивностью участия существует прямая зависимость, закономер-

¹ Дзялошинский И. М. Медиа и социальная активность молодежи / И. М. Дзялошинский // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 9. С. 59-65.

ным кажется тот факт, что на вопрос: «Назовите наиболее известные организации и движения в России?» затруднились ответить 78,1% опрошенных. В качестве источников информирования молодых людей о политических процессах, являются интернет-36,4%; сми-54,5% при этом интерес к политическим телепередачам высказали 22%; друзья, знакомые, родственники-33,5%. Также нами было установлено, что ущемление в своих политических правах и участии в управлении государства ощущают 10% респондентов, при этом ущемление прав на образование и медицинскую помощь ощущают 45% респондентов, из этого следует, что большую обеспокоенность у молодых людей вызывает здравоохранение и образование, нежели политика.

Таким образом: для молодых жителей Южной Сибири проявление гражданственности свойственно через эмоционально-чувственное проявление («Быть гражданином России, значит любить Россию», «Россиянином можно считать, прежде всего, того, кто любит и живёт в России»), поведенческий компонент не особо значим для молодых людей («Быть гражданином России, значит платить налоги, выступать организатором различных акций» и т.п.). В отношении социальной активности, выявлено, что более половины молодых людей не интересуются общественной и политической деятельностью, политическая активность носит неактивный и эпизодический характер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксютин Ю. М. Региональное измерение процессов становления российской гражданской нации: на примере Южной Сибири / Ю. М. Аксютин, Е. А. Кочина // *Siberian Socium*. 2017. Том 1. № 2. С. 107-117.
2. Дзялошинский И. М. Медиа и социальная активность молодежи / И. М. Дзялошинский // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2009. № 9. С. 59-65.
3. Дробижева Л. Мифы и реальность в современном полиэтническом обществе // *Антропология и археология Евразии*. Э. М. Шарп, Инк. 2013. №4 (51). С. 27-38.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социология молодежи. Учебное пособие. М.: МИИТ, 2009. - 322 с.
5. Маршак А.Л. Культурная идентичность как фактор укрепления целостности России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. №5 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya> (дата обращения: 16.07.2018)
6. Социологическое исследование (2016 г.) в рамках Гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290, Хакасия – 520, Алтай – 190).
7. Тощенко Ж. Т. Политическая социология / Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2002. 495 с.

REFERENCES

1. Aksyutin, Yu. M., the Regional dimension of the processes of formation of the Russian civic nation: the case of southern Siberia [*Regional'noe izmerenie processov stanovleniya rossijskoj grazhdanskoj nacii: na primere YUzhnoj Sibiri*] / Y. M. Aksyutin, Kochina E. A. // *Siberian Socium*. 2017.

Volume 1. No. 2. P. 107-117. 3.

2. Dzyaloshinsky I. M. Media and social activity of youth [*Media i social'naya aktivnost' molodezhi* / *Media i social'naya aktivnost' molodezhi*] / I. M. Dzyaloshinsky / / Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts. 2009. No. 9. P. 59-65.

3. Drobizheva L. Myths and reality in contemporary polyethnic society [*Mify i real'nost' v sovremennom poliehtnicheskom obshchestve*] // Anthropology & archeology of Eurasia. M.E. Sharpe, Inc. 2013. №4 (51). P. 27-38.

4. Zubok Yu. a., Chuprov V. I. youth Sociology. [*Sociologiya molodezhi*] Textbook. M.: MIIT, 2009. - 322 p.

5. Marshak A. L. Cultural identity as a factor strengthening the integrity of Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. [*Kul'turnaya identichnost' kak faktor ukrepleniya celostnosti Rossii // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*] 2014. №5 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya> (date accessed: 16.07.2018)

6. Sociological study (2016) in the frames of the presidential Grant (MK-6746.2015.6). [*Sociologicheskoe issledovanie (2016 g.) v ramach Granta Prezidenta RF (MK-6746.2015.6).*] The sample population is 1000 people (Tyva – 290, Khakassia – 520, Altai – 190).]

7. Toshchenko Zh. T Political sociology [*Politicheskaya sociologiya*] / by J. T. Toshchenko. M.: YUNITI-DATE, 2002. 495 p.

СЫЧУГОВА
Наталья Евгеньевна
Аспирантка
государственного казенного
учреждения «Научно-
исследовательский
институт гуманитарных
наук при Правительстве
Республики Мордовия»
Саранск, Россия
nat-sychugova2009@yandex.ru.

SYCHUGOVA
Natalia Evgenievna
Post-graduate student of the
state institution «Research
Institute of Humanitarian
Sciences under the
Government of the Republic of
Mordovia»
Saransk, Russia
nat-sychugova2009@yandex.ru.

Коалиционный принцип формирования правительства как основа принятия политических решений в зарубежных странах/ The coalition principle of forming a government as a basis for political decisions in foreign countries

Аннотация

В данной статье рассматривается формирование коалиции в правительстве через призму политического процесса государства, соотношение принятых коалиционным правительством политических решений с политической обстановкой внутри страны и спецификой внешнеполитического влияния.

Ключевые слова

Политические решения; политическая ситуация; коалиционное правительство; политические акторы; органы государственной власти; федерация.

Abstract

This article discusses the formation of a coalition in the government through the prism of the political process of the state, the ratio of political decisions taken by the coalition government with the political situation in the country and the specifics of foreign policy influence.

Keywords

Political decisions; political situation; coalition government; political actors; public authorities; federation.

Современный политический процесс основан на изучении потребностей в решении задач, поставленных перед руководством органов государственной власти, целесообразности принимаемых политических решений, а также на итоговых результатах реализации такого решения. Принимая во внимание особенность и важность процесса принятия политических решений, необходимо отметить, что реализация принятого решения направлена не просто на решение внутриполитических задач, а на становление и укрепление политико-правовой системы государства и на укрепление позиций на международной арене.

Политический процесс в современных государствах приобретает все более разносторонний характер. На принятии политического решения он не оканчивается, а только переходит в стадию кульминации, поскольку необходимо анализировать своевременно результаты и принимать меры в случае, когда события разворачиваются не лучшим образом. Именно поэтому важно принять верное, четко проработанное со всех сторон политическое решение.

С середины XX века важным фактором в политическом процессе преимущественно европейских стран становится создание коалиций на базе доминирующих партий. Коалиции создавались в странах, где отсутствовала правящая партия, способная своим большинством оказать влияние на создание правительства. Так зародился новый способ управления делами государства (применительно к парламентской форме правления) – создание работающих коалиций на основе исполнительного органа власти.

В США сложилось несколько подходов к пониманию теории коалиций: математическая теория игр и теория рационального выбора, которые впоследствии подверглись критике со стороны европейских политологов, посчитавших такие подходы не универсальными для их применения в европейских парламентских системах.

К концу XX века, уже проанализировав обширную базу эмпирических исследований, специалисты вывели усовершенствованные теории коалиций, основанные все так же на теории игр и исследованиях европейских политологов по коалициям в странах с парламентской формой правления. Как отмечает Т. В. Шмачкова², такие теории целесообразно подразделять по методу исследования на индуктивные и дедуктивные. В современной действительности выведенные усовершенствованные теории не потеряли своей актуальности и применяются по настоящее время.

В современном понимании правительственная коалиция предполагает участие представителей как минимум двух партий, поскольку именно политические партии, согласно Основным законам Австрии и Германии³, создают правительство своих стран, ориентируя на политический курс по своей программе, а также участвуют в законодательном процессе. В настоящее время такие коалиции создаются на основе общих идеологий, направлений деятельности политических партий. В результате переговоров между лидерами партий разрабатываются и подписываются коалиционные соглашения, отражающие итог переговоров, направления политического курса государства, а также механизмы его реализации. Чаще всего предметом коалиционного соглашения также являются состав правительства и меры по реализации программ политических партий, представителями которых подписывается такое соглашение.

Как и во всех случаях, создание коалиции имеет как сторонников, так и противников такого способа в управлении государством. Как отмечал П. Джойс в своих исследованиях⁴, нередко формирование коалиции трактуется как фактическое лишение общества права определять состав правительства или политику, которая будет этим правительством проводиться, поскольку и то, и другое становится предметом сделки между политиками уже после того, как выборы

состоялись. Анализируя нынешнее политическое поле в странах с федеративным устройством, населению практически все равно, кто будет министром внутренних дел, например, или же какой выбран курс политического развития страны, так как выбор политического курса уже был сделан гражданами в ходе проведения парламентских выборов.

Из числа коалиционных правительств, созданных за последние несколько лет, примечательно правительство Австрии, сформированное в результате внеочередных выборов. Лидирующие партии – Австрийская народная партия и Австрийская партия свободы – подписали коалиционное соглашение в декабре 2017 года, согласно которому выстроен новый политический курс, направленный больше на глобализацию, европеизацию страны. Принятая программа нового коалиционного правительства Австрии на 2017 – 2022 годы предусматривает несколько направлений во внешнеполитической сфере: первый – политика в рамках Евросоюза; второй – укрепление нейтралитета; третий – содействие глобальной разрядке напряженности и разоружению[□].

Стоит отметить, что процесс переговоров о создании коалиции в правительстве в странах с парламентской формой правления не должен затягиваться на длительный период времени, так как, оставив государство без действующего органа власти, страна не способна принимать важные политические решения, реагировать на внешние политические изменения, поскольку временное правительство не имеет на это полномочий.

С февраля 2018 года в Германии действует новое коалиционное правительство, участниками которой являются Социал-демократическая партия, альянс Христианско-демократического союза и Христианского социального союза. В коалиционном соглашении партий отражены предварительные государственные решения, принятые на этапе переговоров по созданию коалиции. Например, улучшение благосостояния граждан, укрепление безопасности государства, совершенствование медицинского страхования и ухода[□]. Кроме этого, в общих чертах были отражены направления и пути достижения политической стабильности государства, ее укрепления, развития внешнеполитической стороны Германии, принятия в будущем конкретных политических мер. Уже после формирования новая коалиция приняла политическое решение о поддержке Украины при выполнении ряда условий, среди которых было отмечено соблюдение Украиной Минских договоренностей¹. Такое решение позволяет всерьез задуматься о последствиях его невыполнения, поскольку политическое решение носит не только указательный характер, а еще и санкционный. Реализация политического решения второй стороной является гарантией на сохранение сложившихся взаимоотношений между политическими акторами и дальнейшее их сотрудничество во всех других направлениях политики.

Рассматривая коалиционное соглашение с политической точки зрения, следует отметить, что оно является важным

¹ Шмачкова Т. В. Теории коалиций и становление российской многопартийности (Методики рационализации политического процесса) / Т. В. Шмачкова // Полис. 1996. № 5. С. 29.

внутриполитическим решением, единственным своего рода его видом, закрепленным в соглашении между партиями.

Создание коалиционного правительства обусловлено главной целью – получением большинства голосов в парламенте при принятии решения. Но это не означает, что парламент и правительство в целом каким-то образом зависят друг от друга, поскольку это нарушает принцип разделения властей. Все предложения, исходящие от партий-членов коалиции, должны быть окружены политической рамкой и преследовать те цели и задачи, которые указаны в соглашении. Уклонение от них будет серьезно сказываться на политической ситуации в стране, ее политической стабильности.

В Российской Федерации, по сравнению с Австрией и Германией, коалиционного правительства не существует, действующие положения Конституции¹ закрепляют участие политических партий только в парламенте. По форме правления Российская Федерация скорее полупрезидентская республика, так как, согласно Конституции Российской Федерации, правительство формируется главой государства с участием нижней палаты парламента. Создание коалиции с такой разновидностью республиканской формы правления и с учетом большинства представителей лидирующей партии в нижней палате парламента представляется нецелесообразным, даже если будут преследоваться цели по укреплению политических позиций парламента.

С учетом выше изложенного, автор приходит к мнению, что коалиционный принцип формирования правительства является актуальным способом принятия политических решений в странах, где парламенту отведена главная роль в формировании состава правительства. В числе преимуществ создания коалиций, в первую очередь, для государства, следует отметить совместное, неконкурирующее правление партий-лидеров, их цель работы – ориентация на сотрудничество, развитие программы действий, применение большего политического инструментария по решению насущных внешнеполитических проблем. Большинство политических мер, закрепленных в коалиционном соглашении, будут поддержаны гарантированным большинством. Но есть и недостатки существования коалиционного правительства – в случае наличия реального риска выхода из состава коалиции одного из ее участников, такое правительство теряет свою актуальность, оно может быть признано нестабильным, а значит – уязвимым, и здесь все правительство может объявить о своем роспуске, что приведет к внутриполитическому кризису государства.

Необходимость создания коалиции продиктована острой потребностью в этом и общества, и политической системы государства. Если политическая система единожды позволила внедрить коалицию для совместного ведения дел общества, то впоследствии ни одной другой инструмент уже не сможет заменить коалиционное правительство. Поскольку весь процесс принятия политических и государственных решений уже налажен, коалиция восполняет пробелы в управлении государством, принимает роль главенствующего политического актора,

¹ Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 1 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Норма, 2001. С. 11, С. 565.

способного нести самостоятельно ответственность за непродуманные политические шаги.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Коалиция Меркель: в ФРГ договорились о создании правительства // <https://ria.ru/world/20180207/1514175581.html>.
2. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 1 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Норма, 2001. 824 с.
3. Конституция Российской Федерации [*Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii*] (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. «Минск неприкосновенен»: немецкий ультиматум для Порошенко // https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/08_a_11642107.shtml?updated.
5. Непредсказуемая Австрия: как изменится курс Вены при «друзьях Кремля» у власти // <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2017/12/25/7075433>.
6. 101 ключевая идея: Политика / Питер Джойс. Пер. с англ. К. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 304 с. (Грандиозный мир).
7. Шмачкова Т. В. Теории коалиций и становление российской многопартийности (Методики рационализации политического процесса) / Т. В. Шмачкова // Полис. 1996. № 5. С. 28-52.

REFERENCES

1. Merkel Coalition: the FRG agreed to create a government [*Koalitsiya Merkel: v FRG dogovorilis o sozdanii pravitelstva*] // <https://ria.ru/world/20180207/1514175581.html>.
2. Constitutions of the states of Europe. In 3 volumes. [*Konstitutsii gosudarstv Yevropy. V 3-kh tomakh*] T. 1 / under the total. Ed. L. A. Okun'kova. M.: Norma, 2001. 824 p.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
4. "Minsk inviolable": the German ultimatum for Poroshenko [*"Minsk neprikosnovenen": nemetskiy ultimatum dlya Poroshenko*]// https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/08_a_11642107.shtml?updated.
5. Unpredictable Austria: how will the course of Vienna change with the "friends of the Kremlin" in power [*Nepredskazuemaya Avstriya: kak izmenitsya kurs Veny pri «druzyakh Kremlya» u vlasti*] // <http://www.eurointegration.com.ua/eng/articles/2017/12/25/7075433>.
6. 101 key idea: Politics [*101 klyuchevaya ideya: Politika*] / Peter Joyce. Trans. with English. K. Tkachenko. Moscow: FAIR PRESS, 2002. 304 p. The Grand World.
7. Shmachkova TV Coalition theories and the formation of the Russian multi-party system (Methods of rationalizing the political process) [*Teorii koalitsiy i stanovlenie rossiyskoy mnogopartiynosti (Metodiki ratsionalizatsii politicheskogo protsesssa)*] / TV Shmachkova // Polis. 1996. № 5. P. 28-52..

ФИЛОНЕНКО
Мария Игоревна
соискатель Института
государственной
службы и управления
Российской академии
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте РФ, Москва,
Россия, marifillosa@gmail.com

FILONENKO
Maria Vitalievna
applicant of the Institute of
public administration and
management of the Russian
presidential Academy of
national economy and public
administration. Moscow,
Russia,
marifillosa@gmail.com

Проблемы парламентских и президентских политических режимов и их проявления в российских реалиях / Problems of parliamentary and presidential political regimes and their manifestations in the Russian realities

Аннотация

Статья посвящена политологическому анализу институциональных и технологических изъянов президентства и парламентаризма, а также выявлению причин и выработке механизмов их преодоления. Анализируются примеры политической практики ряда ведущих зарубежных стран, а также России начала 1990-х гг.

Ключевые слова

Парламентский и президентский политические режимы; неустойчивость правительства; непредставительность парламента; партийные системы; конфликт исполнительной и законодательной властей при президентской системе.

Abstract

The article is devoted to the political analysis of institutional and technological shortcomings of the presidency and parliamentarism, as well as the identification of the causes and development of mechanisms to overcome them. Examples of political practice of some leading foreign countries, as well as Russia of the early 1990s are analyzed.

Keywords

Parliamentary and presidential political regimes; unstable government; unrepresentative Parliament; party systems; conflict of Executive and legislative authorities under the presidential system.

Проблема разделения и распределения власти, прежде всего, законодательной и исполнительной в технолого-функциональном контексте, на наш взгляд, является ключевой, поскольку при всем многообразии их практического воплощения дает возможность качественно определить тип политического режима, отражающего

специфику той или иной политической системы как формы властной организации. В современной политологии возникла терминологическая путаница при определении типов власти и ее организации в лице политической системы.

Данное смешение понятий и категорий, на наш взгляд, свидетельствуют о сложности самого феномена власти, вариативности его праксеологического применения, а также о многообразии подходов его исследования.

В этой связи даже такие, казалось бы, сингулярные понятия, как президентство и парламентаризм, не избежали многозначности трактовок.

Представляется целесообразным выделить сущностно-институциональный подход исследования указанных феноменов в контексте основных властных принципов (например, для демократии: разделение властей, суверенитет народа и права человека). При этом целесообразно рассматривать парламентаризм и президентство с точки зрения реализации в них указанных принципов.

Иной подход, технолого-функциональный, предполагает исследования президентства и парламентаризма на основе режимов разделения и распределения динамичных ветвей власти исполнительной и законодательной¹. Исходя из этого, социально-политическая практика выделила четыре политических режима. При разделении власти через систему сдержек и противовесов имеет место президентский (США), а посредством «удвоения» властных функций – парламентский (Великобритания) политические режимы.

Наконец, в рамках распределения власти посредством ее «смещения» в сторону власти законодательной, мы имеем дело с политическими режимами ассамблеи (французский конвент), а наделение исполнительных институтов дополнительными полномочиями формирует режим президенциализма (Франция, Россия). Упомянутые здесь подходы исследования указанных феноменов (институциональный и «технологический») в своей совокупности дают, на наш взгляд, более адекватную праксеологическую «картину» существующих политических реалий.

Основным недостатком парламентской системы, как известно, является неустойчивость правительства, которая затрудняет формирование и реализацию долгосрочных государственных стратегий и программ. Однако проявляется этот «изъян» по-разному в странах с различными партийно-политическими и избирательными системами. Кратко рассмотрим особенности, причины и последствия такого положения вещей.

Практика показывает, что правительства при парламентских системах недолговечны. Так, во французской Третьей республике средняя продолжительность жизни кабинета министров составляла всего 8 месяцев. За первые 39 лет республики (с 1875 по 1914 гг.) во Франции сменилось 48 правительств¹. Хотя эта политическая модель просуществовала в стране необычайно долго, ее действие было прервано в 1940 г. капитуляцией перед Германией и фактически полной утратой независимости. Несмотря на специально предусмотренные

¹ Барис В.В. Политология. Актуальные теоретико-прикладные проблемы. М., 2000. С. 96-100.

Конституцией 1946 г. меры против этого, устойчивость правительства во Франции при Четвертой республике не только не увеличилась, но даже упала: за 12 лет (с 1946 по 1958 гг.) в стране сменилось 45 правительств (т.е. каждое существовало в среднем чуть более 3 месяцев). Аналитики определяли такое положение дел как «паралич власти»¹. Все это закончилось глубочайшим политическим кризисом 1958 г., мятежом военных и принятием новой, теперь уже президентской конституции, составленной Ш. де Голлем.

Аналогичная неустойчивость правительства отмечается и в парламентской системе Италии, учрежденной там Конституцией 1946 г. За время существования этой модели в стране сменилось уже 58 правительств (т.е. каждое из них «проживало» в среднем чуть более 1 года)¹. В настоящее время Италия, как известно, оказалась в экономическом кризисе, выход из которого может потребовать изменения ее политической системы. Весьма неустойчивой также оказалась себя парламентская модель в условиях Греции и Испании, попавших в настоящее время в еще более глубокий кризис, чем Италия.

Однако феномена повышенной неустойчивости правительства не отмечается в других крупных европейских странах с парламентским политическим режимом – в ФРГ и Великобритании.

Объяснение этому, по общему мнению, лежит в особенностях партийных систем, сложившихся в различных европейских странах. Италия, Испания, Греция и Франция – страны с многопартийными системами, которые приводят к тому, что в парламенте редко удается образовать однопартийное большинство и, следовательно, сформировать однопартийное правительство. Даже в Германии за весь послевоенный период такое случилось лишь однажды: в 1957 г. было сформировано однопартийное правительство К. Аденауэра, созданное ХДС. В других же странах с парламентарной многопартийностью крупные партии обычно вынуждены вступать в различные коалиции с другими партиями, а «естественная» неустойчивость таких коалиций ведет к неустойчивости формируемых ими правительств.

В противоположность этому в Германии после Второй мировой войны сложилась трехпартийная (или даже «двух с половиной») система, где две крупные партии (ХДС/ХСС и СДПГ) поделили между собой примерно поровну почти все голоса избирателей в этой стране. До 1969 г. парламентское большинство получала обычно коалиция ХДС/ХСС. Однако изредка ХДС блокировалась и со СвДП, которой удалось со второй половины 1960 гг. завоевать и удерживать примерно 5-7% голосов избирателей. Однако, в 1969 г. СвДП впервые блокировалась с СДПГ, а блок ХДС/ХСС утратил возможность формировать правительство вплоть до 1982 г., когда СвДП неожиданно снова «переметнулась» к блоку ХДС/ХСС. С появлением в бундестаге в 1983 г. партии «Зеленых» (5,7% голосов) и с увеличением ее влияния до 8,3% голосов на выборах 1987 г., а также с приходом «Альтернативы для Германии» неустойчивость коалиционных правительств в ФРГ еще больше увеличилась.

Более устойчивым является парламентское правительство в

¹ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 2001. С. 463-464.

Великобритании, в которой оно традиционно формируется на основе однопартийного большинства. В этой стране, по сути, сложилась двухпартийная система, при которой подавляющее большинство голосов в парламенте стабильно достается только двум наиболее крупным и популярным партиям, из которых первая всегда формирует правительство, а вторая образует официальную «Оппозицию Ее Величества». До 1929 г. почти все места в парламенте обычно делились между партиями консерваторов и либералов, а после – между консерваторами и лейбористами.

Отставки правительства возможны и при этой модели парламентской системы. Так, например, в 1956 г. в отставку ушел М. Иден в связи с событиями в Суэцком канале, в 1963 г. вынужден был уйти Г. Макмиллан в связи со скандалом с одним из его министров, в 1990 г. в отставку ушла М. Тэтчер, не переизбранная на пост лидера партии, а в 2016 г. – Д. Кэмерон из-за «Brexit». В целом же такие отставки случаются очень редко и носят экстраординарный характер.

Следовательно, удовлетворительным при парламентской политической системе, с рассматриваемой точки зрения, является только такое положение дел с политическими партиями, которое позволяет некоторым из них стабильно получать абсолютное (или около того) большинство в парламенте. Иначе говоря, парламентская система эффективна только в условиях двухпартийной (или близкой к ней) системы. Многопартийная в данном случае ведет к нестабильности парламентских правительств.

Ведь даже в Великобритании в настоящее время действует великое множество различных партий. На парламентских выборах в 2005 г., например, к ним было допущено около 60 партий, однако в Палате общин оказались представлены десять, и всего две из них играют там значительную роль и только одна из них (лейбористская) сформировала (однопартийное) правительство.

Большинство политологов считают, что такое положение дел определяется мажоритарной избирательной системой (системой относительного большинства), традиционно практикуемой в Великобритании (равно как и в США), обеспечивающей лишь отдельным партиям политическую субъектность. При этой системе кандидат, занявший в округе первое место, получает все голоса от округа, «присваивая» не только голоса, отданные лично за него (за его партию), но и голоса всех остальных избирателей округа, голосовавших за его конкурентов. В этом заключен известный англосаксонский принцип «победитель получает все». На выборах 1983 г., например, коалиция социал-демократов и либералов («Альянс») собрала почти 26% голосов избирателей, но получила в парламенте меньше 4% мест¹. На выборах 2001 г. лейбористы собрали только 40,7% голосов, но в парламенте они получили 63% мест¹, и потому смогли сформировать свое однопартийное правительство.

Такая избирательная система очевидно несправедлива, а парламенты, формируемые на ее основе, очевидно, не в полной мере представительны. Но для получения в парламенте устойчивого однопартийного большинства (и, следовательно, однопартийного

¹ Там же.

правительства), эта несправедливая система наиболее эффективна (практична).

Противоположная ей избирательная система – система пропорционального представительства, практикуемая сегодня в большинстве европейских стран, – является, наоборот, максимально справедливой, но неэффективной. В данном случае каждый кандидат (и каждая партия) получают на выборах только те голоса избирателей, которые поданы в данном округе (или по стране в целом) лично за них. При этой системе в парламент проходят, как правило, множество (больше двух-трех) партий, и им прийти к соглашению весьма затруднительно. Например, в современной Италии для того, чтобы пройти в парламент, достаточно собрать на выборах всего лишь около 2% голосов. Поэтому во многих странах введены 5-7% барьеры для попадания в парламент. Даже в ФРГ, в которой по пропорциональной системе избирается только половина парламента (а вторая – по мажоритарной) в бундестаге почти никогда не удается сформировать однопартийного большинства.

Показательной иллюстрацией непрактичности этой системы может служить недавний правительственный кризис в Бельгии, в которой парламентские партии после апрельских выборов 2010 г. целых 460 дней (!) не могли договориться о создании правительства. Избирателям пришлось даже проводить многотысячные демонстрации в Брюсселе с требованием к политикам договориться. Парламентская система оказывается перед дилеммой: либо справедливая, но неэффективная избирательная система, либо несправедливая, но практичная. При этом одни страны (как, например, Великобритания) жертвуют «справедливостью» ради прагматизма, тогда как другие (Италия), наоборот, практичностью ради справедливости.

Однако сама необходимость подобного выбора в рамках парламентских систем возникает потому, что в ней слишком смешиваются (соединяются) два разнородных государственных органа: правительство и парламент. Ведь, парламент, по природе своей, «место для дебатов», а наилучшим из них будет тот, в котором пропорционально представлены все основные интересы (и важные точки зрения), актуальные в данный момент в стране. Для парламента главным представляется адекватное отражение всего основного спектра действующих политических сил. Напротив, правительству как работающему и правящему органу необходимо единоначалие и единство воли, с оперативным реагированием на изменение текущей ситуации в стране и мире.

Поэтому совмещение парламентских и правительственных выборов, характерное для парламентской системы, приводит к тому, что приходится жертвовать «качеством» либо парламента, либо правительства. Мажоритарные избирательные системы дают возможность формирования устойчивого правительства, но с «непредставительным» парламентом. Пропорциональные, наоборот, позволяют обеспечить репрезентативность парламента, но не дают возможности сформировать устойчивое правительство. В этом отношении гораздо более эффективной и гибкой представляется президентская система, поскольку в ней правительственные и

парламентские выборы разделены, т.е. возникает возможность формирования одновременно и представительных парламентов, и устойчивых правительств. Следует, однако, оговориться, что у президентской политической системы есть и свои, присущие только ей недостатки.

Основной недостаток, «ахиллесова пята», президентской системы, по общему признанию, заключается в том, что в ее рамках возникает возможность получить радикально оппозиционный правительству парламент. В рамках парламентаризма такая возможность исключена, поскольку правительство там всегда формируется парламентским большинством (однопартийным или коалиционным).

Современные политологи, посвятившие специальные исследования этому предмету, в качестве несовершенства президентства выделяют конфликт властей². При этом отмечается, что причина (или, точнее, основание) повышенной конфликтности между правительственной властью (президентом) и парламентом заключается в том, что оба органа власти при данной системе формируются на основе одинакового всенародного волеизъявления. Президент и парламент здесь избираются на равных правах, что и дает основание представителям каждой из этих ветвей власти претендовать на свое независимое выражение воли всего народа.

Наиболее показательной для нас иллюстрацией заложенных здесь коллизий является собственная недавняя история с формированием президентской системы в России в 1990-е гг.

До 1990 г. РСФСР (как и СССР в целом) формально была парламентской республикой (но с однопартийной системой). Однако, в 1990 г. народные депутаты России, борясь с президентом СССР М. Горбачевым и союзным правительством вообще, организовали и выиграли 17 марта референдум о введении в России поста президента, которым 12 июня 1991 г. был избран Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин, победивший на всенародных альтернативных выборах в первом же туре (57% голосов). Таким образом, в 1991 г. Россия была превращена в президентскую «республику веймарского типа», но с выборным вице-президентом («как в Америке»).

В условиях острого социально-экономического кризиса от нового правительства России все ожидали быстрых и эффективных действий. Однако избранная командой Ельцина-Гайдара политика «шоковой терапии», усугубленная распадом СССР, привела лишь к дальнейшему ухудшению ситуации в стране, что вызвало острую оппозиционность парламента и обострение конфликта между двумя ветвями власти.

Уже в декабре 1992 г. Съезд народных депутатов отстранил Е. Гайдара от должности с выбором В. Черномырдина. Особым совместным «Заявлением» Президент и Парламент объявили о своей договоренности разрешать все возникшие между ними противоречия только мирными средствами. Объявленный Съездом на апрель 1993 г. референдум по новой Конституции РФ руководством Верховного Совета РСФСР был позднее признан нецелесообразным. В ответ Президент Б. Ельцин заявил, что обеспечит проведение референдума вопреки воле депутатов, поскольку он «не присягал Конституции с

нынешними ее поправками»¹ и пригрозил обратиться непосредственно к народу.

Очередной Съезд народных депутатов, состоявшийся в марте 1993 г., наложил мораторий на проведение любых референдумов и потребовал от главы правительства отставки А. Чубайса, А. Козырева и В. Шумейко. В ответ президент Ельцин через СМИ объявил о «ропуске» парламента, введении в стране «президентского правления» и назначении референдума на 25 апреля 1993 года (соответствующий Указ однако так и не был опубликован).

Конституционный Суд и Верховный Совет оценили действия Президента как попытку совершения государственного переворота. Однако данная квалификация содеянного не набрала необходимого кворума для отстранения Президента от власти. После этого 25 апреля 1993 г. состоялся референдум с неопределенным результатом: большинство избирателей высказались против досрочных выборов и Президента, и Парламента. При этом за досрочные выборы Парламента было подано на 12 млн. голосов больше, чем за досрочные выборы Президента, что дало ему основание объявить о своей победе.

21 сентября 1993 г. Президент издал Указ № 1400, которым прекращал работу действующего парламента и назначал выборы нового. Дальнейшие события общеизвестны: острый конфликт исполнительной и законодательной власти перерос в силовую стадию и завершился победой Президента. Парламент и лица его представлявшие проиграли, поскольку по определению не могли легитимно воспользоваться силовыми методами, выходящими за рамки их компетенции.

В результате, как пишет О.Г. Румянцев, «...из четырех опор конституционного строя, на «защиту» которых встал Ельцин (демократия, разделение властей, федерализм, республиканская форма правления) им была подорвана каждая. Большинство сдерживавших главу государства институтов и механизмов либо упразднено, либо выхолощено и превращено в ширму для авторитаризма»².

Избранная в декабре 1993 г. первая в современной России Государственная Дума оказалась многопартийной (9 фракций) с минимальным и неустойчивым перевесом сторонников президента, амнистировавшая лидеров побежденной Ельциным оппозиции и признавшая недействительными пункты «Беловежского соглашения» 1991 г., просуществовала всего два года.

Избранная в декабре 1995 г. новая Государственная Дума оказалась также многопартийной (7 фракций) и «левой». Не без труда победивший в 1996 г. Президент продолжил политику жестких реформ, что вызвало новое обострение его отношений с парламентом, инициирующий осенью 1998 г. процедуру импичмента.

Впоследствии Президент России В.В. Путин 8 февраля 2008 г. на расширенном заседании Государственного совета описал ситуацию в стране, сложившуюся к концу 1990-х гг., следующим образом: «Армия была фактически деморализована и небоеготова... Сама Россия представляла из себя «лоскутную» территорию... Государственная

1 Там же. С. 505.

2 Желтов В.В. Сравнительная политология. М., 2008. С. 478.

власть была малоэффективна... Значительная часть экономики контролировалась олигархическими или откровенно криминальными структурами... Финансы страны были опустошены и практически полностью зависели от внешних заимствований... Богатая Россия превратилась в страну бедных людей»¹. Однако, назначение в 1998 г. главой правительства Е.М. Примакова, поддержанного Думой, несколько ослабило остроту конфликта, а 31 декабря 1999 г. Президент Б. Ельцин ушел в отставку.

Таким образом, президентская система содержит в себе возможность самых острых и трудноразрешимых конфликтов между органами законодательной и правительственной (президентской) власти, одинаково избираемыми всенародным голосованием.

Основные причины подобных конфликтов, очевидно, лежат не в самой по себе президентской системе, а в реальном расколе общества, избирающего парламент и президента раздельным голосованием.

При парламентаризме подобный раскол отражается лишь в «расколе» парламента, которому, однако, прежде, чем получить правительственную власть, нужно как-то договориться. При этом правительство (назначенное предыдущим составом парламента) может продолжать эффективно работать и в условиях отсутствия такой договоренности, о чем свидетельствует и недавний опыт Бельгии: не имея работающего парламента в течение 1,5 лет с момента его избрания, эта страна управлялась прежним составом правительства достаточно успешно (в условиях нынешнего глобального экономического кризиса Бельгия оказалось в числе сравнительно устойчивых). При президентской системе правительственная власть может быть получена одной из конфликтующих сторон и без всяких договоренностей с оппонентами, которые, в свою очередь, могут получить большинство в парламенте. Конфликт двух ветвей власти в таком случае делается неизбежным.

Таким образом, президентская система, не являясь источником и причиной раскола общественных сил сама по себе, тем не менее, облегчает возведение такого конфликта на уровень раскола властей и даже его превращение в «войну» ветвей власти – президента и парламента. Иначе говоря, президентская система чревата возникновением двоевластия. Вспыхнувшая война властей усиливает затем и сам породивший ее раскол общественных сил, ведущий при эскалации к гражданской войне.

Серьезные конфликты между правительством и парламентом могут возникать и в рамках парламентской системы, однако там они своевременно нивелируются тем, что правительство всегда может распустить парламент и назначить новые выборы. Равным образом и парламент всегда может отправить главу правительства в отставку, заменив его новым руководителем. Знаменитую «Железную леди», например, отставили в 1990 г. не переизбрав лидером Консервативной партии.

Если бы по Конституции РСФСР Президент Б. Ельцин в 1993 г. имел право распустить Съезд народных депутатов, то не пришлось бы применять силовые методы. Собственно аналогичные конституционные

¹ Риггс Ф. Сравнительная оценка президентской формы правления // Сравнительная социология. Избранные переводы. М., 1995.

возможности отсутствовали и у российского парламента.

В стране-родоначальнице президентского политического режима (США) президент, как известно, не может распустить Конгресс ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. Именно эта норма была заложена в поправках к Конституции РСФСР, введивших в России пост президента. В США нижняя палата Конгресса имеет срок полномочий вдвое меньший, чем у Президента (соответственно, 2 и 4 года). Очевидно, президент имеет возможность «дождаться» очередной смены состава Палаты представителей, что дает ему шанс реализовать свою программу при более лояльном к нему большинстве в парламенте. Сравним: в России Съезд народных депутатов был избран в 1991 г. на 5 лет, а Президент – лишь на 4 года. Поэтому Б. Ельцин не имел законной возможности дождаться очередных перевыборов оппозиционного ему парламента. В нашем случае это вряд ли было возможно, поскольку новые выборы парламента в стране, переживающей глубокий и принципиальный раскол, обычно порождают еще более оппозиционный парламент. Николай II, как известно, в 1907-1913 гг. дважды распускал Государственную думу и дважды переписывал избирательный закон в свою пользу, но от оппозиционности парламента так и не избавился. В конце концов Дума в феврале 1917 г по сути отстранила царя от власти в самый разгар войны.

Поэтому у Б. Ельцина в 1993 году оставался только один путь силового удержания власти, что он и сделал. Следовательно, теоретически в рамках действующей в России в настоящее время Конституции сохраняется весьма сильный конфронтационный потенциал, способный, при прочих равных условиях, породить новые конфликтные отношения между двумя основными ветвями власти в рамках существующей политической системы. Однако, сложившийся общенациональный консенсус, отраженный в результатах президентских выборов в России в марте 2018 г., позволяет заключить, что указанная конфликтность не будет реализована на практике.

Библиография

1. Желтов В.В. Сравнительная политология. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2008. 648 с.
2. Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990. 504 с.
3. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М.: Юрист, 2001. 576 с.

References

1. Zheltov V.V. Comparative political science [Srvnitel'naja politologija]. Moscow: Academician project; Fund «Peace», 2008. 648 p.
2. Parenti M. Democracy for the few [Demokratija dlja nemnogih]. Moscow: Progress, 1990. 504 p.
3. Chernilovskij Z.M. General history of state and law [Vseobshhaja istorija gosudarstva i prava]. Moscow: Lawyer, 2001. 676 p.

ЧЕРЕПАНОВ
Всеволод Дмитриевич
к.полит.н., доцент, доцент
кафедры «Политология,
история и социальные
технологии» РУТ (МИИТ)
Москва, Россия

triumfator@inbox.ru

CHEREPANOV
Vsevolod Dmitrievich
candidate of political sciences,
associate professor, associate
professor of the department
«Political science,
history and social technologies
»RUT (MIIT)
Moscow, Russia
triumfator@inbox.ru

Эрозия феномена государства: «человеческое» измерение мира политики / Erosion of the phenomenon of the state: the “human” dimension of the world of politics

Аннотация

В данной статье предпринята попытка анализа феномена государства и последствий его эрозии для внутренней и мировой политики. Представлена аргументация тезиса о том, что в сознании человека субъективный образ государства присутствует не в виде «калейдоскопа» событий, впечатлений, эмоций, и не в виде дефиниции, а формируется на феноменальном уровне.

Ключевые слова

Государство; объективная реальность; субъективная реальность; феномен; эрозия.

Abstract

This article attempts to analyze the phenomenon of the state and the consequences of its erosion for domestic and world politics. The argument of the thesis is presented that in the human mind the subjective image of the state is not present in the form of a “kaleidoscope” of events, impressions, emotions, and not in the form of a definition, but is formed on a phenomenal level.

Keywords

The state; objective reality; subjective reality; phenomenon; erosion

Поиск причин снижения авторитета государств и межгосударственных, тем более – надгосударственных структур, настоятельно требует предложения новых методологических подходов.

Приводимая ниже совокупность фактов может рассматриваться как аргументация следующего тезиса: эрозия феномена государства есть причина падения авторитета и государства, и межгосударственных, и надгосударственных структур в сознании современного человека.

Экспертное сообщество мира политики, при всём широчайшем спектре и идеологических, и социально-экономических детерминант, демонстрирует редкое единение в не просто тревожных, а, порой, и

весьма резких оценках тренда на снижение роли межгосударственных и, даже, надгосударственных структур, прежде всего – Организации Объединённых Наций, и это в год 70-летия переведённой на пять сотен языков Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217А Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций в Париже 10 декабря 1948 года, в качестве документа, принципам, изложенным в котором, обязаны следовать все народы и страны¹.

Вместе с тем, может создаться иллюзорное впечатление, что гиперстрофирование функциональной роли некоторых надгосударственных структур есть очевидный признак обратного тренда. Ярким примером может служить принятый 27 июня 2018 года участниками специальной сессии в Гааге (Нидерланды) Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), предложенный Великобританией проект по расширению мандата организации, с чем мировое сообщество поспешил обрадовать британский постпред при ОЗХО Питер Уилсон. Теперь организацию наделят правом устанавливать, что в случае с Великобританией равнозначно – назначать виновных в химических атаках, в том числе – пресловутое «highly likely»¹.

Весьма аргументировано по этому поводу высказался один из российских политологов Андрей Викторович Манойло: «Расширение может происходить только в случае, если репутация экспертов, которые будут пользоваться этими полномочиями, безупречна. Но я не отношусь к этим поправкам позитивно, так как ОЗХО, по сути, ещё не определилась – она на стороне закона или подыгрывает западной политической конъюнктуре»².

По сути, идёт не просто перераспределение функций от ООН к ОЗХО, что противоречит самим основам современного миропорядка, а происходит дальнейшее «размывание» роли собственно ООН. На пресс-конференции, посвященной итогам председательства Российской Федерации в ООН, Постоянный представитель нашей страны Василий Алексеевич Небензя акцентировал внимание на целом ряде негативных последствий такого решения: «расширение мандата ОЗХО негативно повлияет на дискуссии по Сирии в ООН»³ – подчеркнул он в частности. Действительно, сложно не видеть последовательности в возобновлении финансирования пресловутых «Белых касок» и самом грубом «продавливании» упомянутого решения.

Достаточно единодушно эксперты, по крайней мере, в своём большинстве, и по вопросу о том, кто в современном мире выступает главным разрушителем Потсдамского миропорядка – мировой гегемон. Надо отдать должное, такого мнения придерживаются и многие американские учёные, политобозреватели, да и сами политики, особенно в пёстром стане оппозиции, где градус эмоций, начавший «зашкаливать» во время прошедшей избирательной компании

1 <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> / Время обращения 01.18 25.06.2018

2 <https://ria.ru/world/20180627/1523534852.html> / время обращения 22:39 27.06.2018

3 <https://ria.ru/world/20180627/1523534852.html> / время обращения 22:40 27.06.2018

президента США, явно не собирается опускаться. При этом, весьма характерно, что сам термин «Объединенные Нации» был предложен президентом Соединенных Штатов Франклином Рузвельтом, дав название документу – Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 года.

В некоторой степени предваряя последующую аргументацию, нельзя не упомянуть яркий, более того – знаковый факт: речь идёт о самих США как государстве. Начатая Дональдом Трампом торговая война между США и Евросоюзом привела уже к парадоксальному следствию – Трамп, кстати, честно следуя своим предвыборным обещаниям, вводит пошлины на импорт стали и алюминия из Европы, ответ – повышение пошлин на ряд американских товаров, включая знаковые, такие как джинсы Levi's и мотоциклы Harley-Davidson. Топ-менеджмент Harley-Davidson, «американской легенды», пошлина на которые в результате торговой войны выросла с 6% до 31% объявляет: «Harley-Davidson намерен реализовать план по переносу производства мотоциклов для рынка ЕС из США на свои международные заводы»¹.

Дональд Трамп, сам – до мозга костей бизнесмен, теперь ведёт себя как глава государства, возмущён, предупреждает производителя мотоциклов «о начале конца»: «Если они переедут, вот увидите, это будет началом конца, ни при каких обстоятельствах Harley-Davidson не могут производиться в другой стране!»². Справедливости ради – мотоциклы Harley-Davidson уже давно собираются на заводах в Бразилии, Индии и Австралии.

Для американского бизнеса, то есть знакового, легендарного бизнеса «самого главного» государства в мире это государство стало помехой – и он просто меняет государство. В сознании хозяев этого бизнеса феномен государства деградировал до уровня отеля, постоянного двора – дорого – пойдём в другой!

«Избранная нация», «мировой гегемон». Весьма велик соблазн остановиться на одной, очевидной и признанной причине, и сделать вывод о состоянии проблемы и её возможной динамике. Но современная наука, ушедшая вперёд не только от своих классических и неклассических корней, но и от постнеклассического и, даже неонеклассического периода, сформировавшая постнеонеклассическую методологию, пусть и весьма спорную, настойчиво требует ухода от монопричинной линейности.

Поиск множественности цепей причинения вывел автора на, как ни удивительно, одно из базовых положений классической методологии – от общего – к частному.

Итак, обоснование, возможно – аргументация тезиса: деградация надгосударственных структур – следствие эрозии самого феномена государства. Подчеркну – не «государственности», ибо данный термин уже явно ангажирован.

Аристотелев «Закон Тождества» требует точного выверения терминологического ряда³, и, прежде всего – начать следует с терминов,

1 <http://tass.ru/politika/5333606> 28.06.2018 / 20:32

2 Harley-Davidson will move some production out of US after retaliatory tariffs by Nathaniel Meyersohn June 25, 2018: 5:40 PM ET / <http://money.cnn.com/2018/06/25/news/companies/harley-davidson-motorcycles-tariffs-trump/index.html>

3 Личный Твиттер Дональда Трампа twitter.com/realdonaldtrump

вынесенных в тему статьи. Тем более, что сама по себе данная формулировка де-факто предзадает определённый тезис, который и сам требует убедительной аргументации, и ведёт к последовательной формулировке, скорее – предложению ряда новых, детерминирующих друг друга положений.

Итак, речь не о понятии «государство», проблемность которого, при некоторой глоссарной почти ясности, очевидна, так как трактовки носят, подчас, даже контекстуальный характер. Но, в настоящем рассуждении формулировка некоей дефиниции становится вторичной, ведь речь идёт именно о феномене. Тем более, что, как собственный, уникальный, так и коллективный опыт народов, а, тем более, исторический анализ, осмысление этого опыта, делает многомерным само определяемое – происхождение, формы и способы существования, осуществления власти, межсубъектные и субъект-объектные отношения и т.п. Более того, по отношению к государству имеет место и подход, основанный на агностицистском (чаще – гносеологически пессимистическом вообще) фундаменте. Универсальными признаками государства были и остаются публичная власть, административно-территориальная организация населения и суверенитет.

Любая официальная историография не просто фиксирует, а максимально аргументирует героизм происхождения своего государства и его выстраданность, необходимость для народа или народов. Государство полагается итогом не только политического, но и социально-экономического, социокультурного, наконец, вспомним замечательных русских консерваторов – духовного творчества, причём не только элит, но и масс¹. История антигосударственной борьбы фиксировалась редко и весьма ангажировано: это мог быть национально-освободительный контекст – пример – итальянское Рисорджименто, или классовый – советская историография. При этом подход, трактовка превалирует над фактологией: даже Емельян Пугачёв строил «казацкую» монархию, а народы охваченных восстанием регионов боролись, логично, не с самодержавием – они были за «царя», а демонстрировали откровенную русофобию, устраивая резню именно по национальному признаку. Тем более, что казачество подчеркнуто дистанцировалось в этническом плане от русского народа. Именно поэтому Александр Васильевич Суворов, которого, по рекомендации графа Панина, сразу после того, как он разбил турок при Козлуджи в июне 1774 года, направили на подавление бунта, и которого «либеральная свора» последние три десятка лет клеймит «карателем», защищал свой, русский народ. Справедливости ради – Пугачёв был разбит и, даже, пленён бывшими соратниками – раньше. Государство выступает «решателем» конфликта, «устранителем» сильной угрозы с помощью ещё большей, непреодолимой силы – в точности соответствуя отражению духа эпохи в трудах Томаса Гоббса². В сознании русского народа утверждается, крепнет феномен державы

1 См.: Аристотель. Категории [Текст] : С прил. «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Пер. А.В. Кубицкого; Ред., вступ. статья «Учение Аристотеля о категориях бытия» с. V-XXXVII и прим. Г.Ф. Александрова; АН СССР. Ин-т философии. Моск. ин-т истории, философии и лит. – М.: Соцэкгиз, 1939. – XXXVI, 84 с. : портр.

2 См., например: Табаков, А.Л. Справедливость в русской философии права [Текст] : (вторая половина XIX – первая половина XX в.) : монография / А.Л. Табаков. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 142, [1] с.

– побеждающей супостата – турок, и вора – Емельку.

При всякой попытке определения государства неизбежно происходит или смешение объективного и субъективного, либо требуется методологически корректное их разведение. В частности, государство как материально-предметное воплощение соответствующих объективных общественных потребностей очевидно диалектично: при всём многообразии терминов обычно выделяют фазы в существовании реального государства – становление, развитие, подъем, расцвет, кризис, деградация, упадок, наконец – гибель. Но, во-первых – гибель может быть на любом этапе, например вследствие объективных причин – природные катаклизмы, завоевание и т.п. Ещё сложнее для феноменального уровня то, что общество и государство могут быть в разных, порой – в противоположных, противопоставленных диалектически качественных состояниях. Например, подъем национального самосознания, рост демографии, экономики, культуры и упадочное, отсталое государство. В год двухсотлетия Карла Маркса достаточно, пожалуй, просто сослаться на глубину и многомерность исследованности данной проблемы и им самим, и его последователями.

От скудных по прирастанию научного знания попыток анализа и, например, классификации существующих на сегодня более четырёх сотен определений государства – а многие из них не что иное, как просто авторские суждения, убедительно предостерегал российский и польский учёный, правовед, социолог, философ, депутат первой Государственной думы Лев Иосифович Петражицкий: «о добывании и разработке научного света ради него самого, ради знания и объяснения явлений еще нет и не может быть речи»[□].

«Феномен государства» – от греческого «φαινόμενον» – «являющееся», «явление», в свою очередь от «φαίνεσθαι» – являться, быть видимым, также – казаться – термин, предполагающий взгляд на государство именно как на явление, данное в чувственном созерцании. Это важно. Люди, подданные – в монархиях, граждане – в республиках, но для элит – «охлос», массы, электорат и т.п. О них можно забыть, но если демократия – иногда надо вспоминать. Представитель власти убеждён, что может легко узнать, что «в голове» у граждан, ибо народ должен делегировать ему власть – источник его, политика, личного обогащения. Как узнать – есть целая наука. Действительно, политическая социология на сегодня – доведённый до почти полного методологического совершенства анализ мнений, оценок, выбора как актуального, так и перспективного, в сознании электората. Важно то, что мнения и другое опрашиваются (или иные методы – интервью и др.) одновременно, исследование даёт некий срез. Более глубокие формы изучают динамику, иногда – на протяжении многих лет и, даже, поколений. Но речь идёт о том, что даже самые совершенные социологические методы не позволяют узнать, а каким человеку «видится» государство. А ещё важнее – «кажется». Сколько людей – столько миров, субъективных реальностей.

Подчеркну – государство – часть объективной реальности \$o (символ «экзистенция объективная»), которая единственна и не может быть множественна, но сознание каждого есть свой, уникальный

мир, реальность \$s (символ «экзистенция субъективная»), то есть субъективная. Феномен в античном понимании есть предмет опытного знания, а представители школ, признававших критерием истины чувства, полагали феномен истинным предметом познания. Характерно, что для оппонентов Платона феномен являет именно идею, отсюда – смысл не только «кажимости», но и положительной «явленности» бытия. Если мы, даже в самом современном контексте абстрагируемся от политического бытия вообще и конкретизируем до понятия «государство», то оно оказывается не самоценным, а его ценность определяется именно его «явленностью» человеку, например – гражданину России. Именно поэтому феномен государства для многих начинается с его проявлений, а не атрибутики. Например, Прямая линия с Президентом России – не зря же Глава нашего государства в 2018 году демонстрирует в этой явленности не только себя, а и высших функционеров властвующего класса, показывая, заодно, не только как формулируются решения, но и как они ретранслируются вниз по пирамиде власти и как он контролирует выполнение.

Философия Нового времени – (немецкая классическая философия, в свою очередь – учения Джорджа Беркли и Дэвида Юма) – мультиплицирует категориальный ряд, когда наряду с «феноменом» появляются «кажимость» и «вероятность». «Кажимость» оказывается в промежутке между «иллюзией» и «истиной». По-видимому, в современном мире это иллюминировается «виртуальным государством» – от почти идеального в любых проправительственных СМИ любой страны, до демонизированных – например – образы САР или России на западе – до реального.

Но феномен оказывается ещё сложнее – «истина» - это не реальность в ощущениях, ощущения – субъективны, и дают субъективные представления. СМИ претендуют на истину, подавая феноменальное в обличье реального. Отсюда – те же мистификации пресловутых «Белых касок», или хамское переозвучивание западными медиа российского репортажа 2008 года из горящего Цхинвала с комментарием, что это русские разбомбили молодую демократическую Грузию. И подданные Английской королевы верили, почему – находим у Иммануила Канта, для которого феноменом выступает всякий объект, конституированный трансцендентальным Я¹. Это, конечно, требует серьёзного исследования, по выскажу в виде тезиса предположение, что совокупный «фон» СМИ в сознании западного обывателя как раз и становится этим самым «трансцендентальным Я».

Но, если государство на уровне феномена формируется в сознании западного обывателя, например – гражданина «самой демократической страны мира», неким совокупным, надконкретным, читай – трансцендентальным субъектом (в реальности – полисубъектом, но сознание обывателя примитивно и быстро устаёт от дифференциации), то что же происходит с феноменом, когда глава государства, показывая пальцем в сторону этого абстрактного многоголосого чего-то (в реальности – CNN и NBC), говорит «You're fake news!». «Самый большой враг нашей страны – это фейковые новости, которые так легко распространяются дураками»[□] – заявил

1 См.: Гоббс, Т. Левиафан [Текст] : [12+] / Томас Гоббс ; [перевод с английского А. Гутермана]. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 622, [1] с.

Дональд Трамп.

В рассуждении имеет место принципиальный, поворотный момент: об эрозии чего идёт речь, феномен государства – это какой феномен? Подчеркну, речь не идёт о том, что в работах выдающихся феноменологов Франца Brentano и Эдмунда Гуссерля именуется «внешними» или физическими феноменами. Постановка проблемы эрозии была бы беспокойством о потёртости кресел в Зале заседаний Государственной Думы РФ. Очевидно, речь идёт о «внутренних», психических феноменах, которым, в свою очередь, присуще «внутреннее интенциональное существование»¹. Разделяя естественнонаучную методологию Гуссерля в понимании феномена, возьму на себя смелость соотнести государство с тем, что он характеризовал как «вещь, взятую так, как она непосредственно предстает в чувственном опыте вместе с её качествами, связями и отношениями»². Для него все и всякие интенциональные предметы – от Парижа до тругольника – равно идеальны и принадлежат феноменам в качестве коррелятов интенциональных актов³.

Подчеркну, что подменить термин «эрозия» чем-то подобным «деформации» нельзя – это даже не уведит от основной идеи, а принципиально меняет саму суть обосновываемого положения. Ибо деформации как процессу присущи самые различные характеристики, в том числе – конструктивные, созидательные. Выкованный из бруска железа меч – это деформированный брусок, но – созданный меч. Кирпич, один из сотен тысяч, составляющих мой дом – деформированная глина. И так далее.

Вместе с тем, принятая в гуманитарной сфере методология позволяет предложить ещё одну, полагаю – корректную – экстраполяцию: термин «эрозия» восходит к латинскому «erosio», имеющее – в исходном – «разъедание», достаточную точную характеристику определённых процессов в индивидуальном и коллективном сознании. И если в естествознании исследуется разрушение горных пород, почв водой, солнцем, ветром, некоторых органов тела также неблагоприятными условиями среды, то, применительно к социуму и государству, индивиду и государству, сознанию – как коллективному, так и индивидуальному и, опять-таки – государству, можно видеть эрозию феномена.

Методологически основываясь на естественной теории государства⁴, подчеркну: постепенная эрозия феномена государства, под воздействием естественных факторов – коррупция, слабость, невыполнение госорганами своих прямых обязанностей, кичливость чиновников и «слуг народа» перед людьми и т.п. ведёт к тому, что государство в сознании человека становится помехой, недоразумением, фирмой, которая требует деньги за не оказанные услуги и которую следует сменить. И если индивид может просто эмигрировать, то общество – скорее сменит само государство – революция, или откажется от государства вообще – анархия, придумает деньги без государства – криптовалюты.

Государственный деятель, в отличие от временщика у власти, должен заботиться не о коррекции сиюминутного мнения накануне

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб., 1907. С. 213-214.

выборов¹, а о создании и сохранении в индивидуальном и коллективном сознании целостного феномена государства, что будет хранить и приумножать авторитет и самой страны, и межгосударственных, тем более – надгосударственных структур, в которых она является членом или участником.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аристотель. Категории [Текст] : С прил. «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Пер. А.В. Кубицкого; Ред., вступ. статья «Учение Аристотеля о категориях бытия» с. V-XXXVII и прим. Г.Ф. Александрова; АН СССР. Ин-т философии. Моск. ин-т истории, философии и лит. – М.: Соцэкгиз, 1939. – XXXVI, 84 с. : портр.

2. Гоббс, Т. Левиафан [Текст] : [12+] / Томас Гоббс ; [перевод с английского А. Гутермана]. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 622, [1] с.

3. Гуссерль, Э. Идеикчистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию. Эдмунд Гуссерль ; [пер. с нем. А. В. Михайлова]. – М. : Акад. Проект, 2009. – 489 с.

4. Гуссерль, Э. Идея феноменологии [Текст] : пять лекций / Э. Гуссерль; перевод с немецкого Н.А. Артеменко. - 3-е изд., испр. и перераб. – СПб : Гуманитарная акад., 2018. - 318, [1] с.

5. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] ; Критика практического разума ; Критика способности суждения : [перевод с немецкого : 16+] / Иммануил Кант. – М. : Э, 2018. – 463 с.

6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб., 1907. С. 213-214.

7. Табаков, А.Л. Справедливость в русской философии права [Текст]: (вторая половина XIX – первая половина XX в.) : монография / А.Л. Табаков. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 142, [1] с.

8. Федякин, А.В. Политика формирования позитивного образа государства: региональное измерение : [монография] /А.В. Федякин. – М. : МИИТ, 2010. – 320 с.

9. Царьков, И.И. Источники и принципы естественно-правовой доктрины : [Монография] / И.И. Царьков; М-во образования Рос. Федерации. Волж. ун-т им. В. Н. Татищева. - Тольятти : Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2001. - 230 с

REFERENCES

1. Aristotle. Categories [Text]: [*Aristotel'. Kategorii*]. With app. "Introduction" of Porphyry to the "Categories" of Aristotle / Trans. A.V. Kubitsky; Ed., Entry. article "Aristotle's Teaching on the Categories of Being" p. V-XXXVII and approx. G.F. Alexandrova; AN SSSR. Institute of Philosophy. Moscow. Institute of History, Philosophy and Literature. - Moscow: Sotsakgiz, 1939. - XXXVI, 84 p. : portr.

2. Hobbes, T. Leviathan [Text]: [12+] / Thomas Hobbes; [translation from English by A. Guterman]. - M.: RIPOL classic, 2018. - 622, [1] p.

3. Husserl, E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy [Text] [*Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy*

¹ Кант, И. Критика чистого разума [Текст] ; Критика практического разума ; Критика способности суждения : [перевод с немецкого : 16+] / Иммануил Кант. – М. : Э, 2018. – 463 с.

filosofii] / Book. 1: A general introduction to pure phenomenology. Edmund Husserl; [trans. with him. A.V. Mikhailov]. - M.: Acad. The project, 2009. - 489 p.

4. Husserl, E. The idea of phenomenology [*Ideya fenomenologii*] [Text]: five lectures / E. Husserl; translation from German NA. Artemenko. - 3rd ed., Rev. and pererab. - St. Petersburg: Humanitarian Academy, 2018. - 318, [1] p.

5. Kant, I. Critique of Pure Reason [Text]; Criticism of practical reason; Criticism of the ability of judgment [*Kritika chistogo razuma ; Kritika prakticheskogo razuma ; Kritika sposobnosti suzhdeniya*]: [translation from German: 16+] / Immanuel Kant. - M.: E, 2018. - 463 p.

6. Petrazhitsky L.I. The theory of law and state in connection with the theory of morality [*Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti*]. T.1. St. Petersburg, 1907. P. 213-214.

7. Tabakov, A.L. Justice in the Russian philosophy of law [*Spravedlivost' v russkoj filosofii prava*] [Text]: (second half of the XIX - first half of the XX century.): Monograph / A.L. Tabakov. - M.: Yurlitinform, 2018. - 142, [1] p.

8. Fedyakin, A.V. The policy of forming a positive image of the state: a regional dimension [*Politika formirovaniya pozitivnogo obraza gosudarstva: regional'noe izmerenie*]: [monograph] / A.V. Fedyakin. - M.: MIIT, 2010. - 320 s.

9. Tsar'kov, I.I. Sources and principles of natural-legal doctrine [*Istochniki i principy estestvenno-pravovoj doktriny*]: [Monograph] / I.I. Tsarkov; Education Mo. Ros. Federation. Volzh. un-t them. VN Tatischeva. - Togliatti: Volga. un-t them. VN Tatischeva, 2001. - 230 p.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

REGIONAL SOCIOLOGY

МЕСХИ

*Бебури Бесикович
Южнороссийский филиал
Федерального научно-
исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
научный сотрудник
bebur9696@mail.ru*

MESKHI

*Beburi Besikovich
YUzhnorossijskij filial
Federal'nogo nauchno-
issledovatel'skogo
sociologicheskogo centra
Rossijskoj akademii nauk,
nauchnyj sotrudnik
bebur9696@mail.ru*

Актеры регионального управления в контексте реализации социально-инвестиционного развития региона / Actors of regional management in the context of implementation of social and investment development of the region

Аннотация

В данной статье автором определяются критерии изменений установок акторов регионального управления и, как следствие, перестройки внутриуправленческих отношений в рамках реализации социально-инвестиционной модели регионального управления. Исходя из концептуального осмысления проблемы и анализа эмпирических исследований, делается вывод о том, что актуальным для реализации социально-инвестиционной модели управления является формирование дискурса взаимодействия с адресатами регионального социума, основанного на согласовании приоритетов и проблем социально-инвестиционной политики и роста институциональных установок акторов регионального управления, ориентированных на качество человеческих ресурсов региона.

Abstract

In this article the author determines the criteria for changing the installation of actors in regional management and, as a consequence, the restructuring of intra-government relations within the framework of the social and investment model of regional governance. Based on the conceptual analysis of the problem and the analysis of empirical research, it is concluded that the development of a discourse of interaction with the addressees of the regional society based on the coordination of priorities and problems of social and investment policy and the growth of the institutional attitudes of the actors in the regional administration is relevant for the implementation of the social and investment management model, focused on the quality of human resources in the region.

Ключевые слова

Социально-инвестиционная модель; региональное

управление; институциональные установки; внутриуправленческие отношения; управленческие задачи и решения

Keywords

Social and investment model; regional management; institutional settings; inside the management relations; management tasks and decisions.

Рассматривая социально-инвестиционную модель регионального управления как имеющую институциональные и культурные параметры, следует подчеркнуть, что в рамках деятельностно-активистского подхода, реализуемого в диссертационном исследовании, установки на социально-инвестиционную деятельность показывают переход структуры в действие. Морфогенез управленческих установок связан с переменной матрицы восприятия и поведения акторами системы регионального управления. Проблема часто заключается в том, что декларируя приверженность социально-инвестиционной модели регионального управления, действующие управленцы мыслят административно-управленческими категориями и видят основную задачу в том, чтобы проводить оперативное управление. Также сказывается эффект корпоративизации, отнесения управленческих задач к группе исключительно профессиональных управленцев.

Таким образом, в системе регионального управления социально-инвестиционная модель имеет последствием выход на изменения в управленческой культуре, мотивации деятельности акторов системы регионального управления. Часто общие положения о том, что система регионального управления должна учитывать интересы и потребности регионального социума в реальности означает, что самомотивация, самодетерминация в системе регионального управления могут придать в соответствие с интересами регионального социума, рассматривать повышение качества человеческих ресурсов и социально-инвестиционную политику как повышающую репутационный капитал системы управления и возможность выстраивания двусторонних связей с региональным социумом, или, как убеждает опыт, видеть в социально-инвестиционной модели только возможность для подражания или модный проект.

В этом смысле самодетерминанты социально-инвестиционной модели регионального управления основываются на трех уровнях. Первый - нормы и правила внутриуправленческих отношений. Второй - установки на социальные инвестиции как смысл управленческой деятельности. Третий - практическая значимость социально-инвестиционной модели управления для повышения эффективности регионального управления в восприятии акторов регионального управления. Рассматривая каждый из этих аспектов, следует в первую очередь обратить внимание на то, что существующая система внутриуправленческих отношений, основанная на служебной субординации, подразумевает социально-инвестиционную деятельность как исключительно формализованную, не противоречащую основным канонам управленческой деятельности.

В сложившейся системе внутриуправленческих отношений личная самостоятельность является допустимой, разрешенной, регламентируемой и социальные инвестиции должны быть

переведены в дискурс общения, укладываться в критерии отчетности, принадлежать к системе документооборота¹. Если конкретизировать эти положения, самодетерминанты управленческой деятельности проявляются в том, что социальные инвестиции могут рассматриваться в рамках повышения адаптивности системы управления и содержать критерии поддержания системы регионального управления, что исключает введение показателей не зависящих от внутриуправленческих отношений. Также следует учитывать, что еще Н. Луман установил возможность перевода языка внешних требований на язык управленческой системы и соответствующую схему управленческих действий².

Когда речь заходит о социальных инвестициях, наиболее тривиальным является организационный эффект, создание новой структуры, направленной на усиление влияния власти распоряжения, сложившихся во внутриуправленческих отношениях. Это можно связать и с удовлетворением определенных карьерных амбиций, но и в первом и во втором случаях речь идет о том, что социально-инвестиционная модель управления воспринимается бюрократически и содержит возможности для социально-координационных практик, вписывающихся в систему внутриуправленческих отношений. Внутриуправленческие отношения в социально-инвестиционной модели нуждаются в переходе к модели группового взаимодействия, к становлению функциональных взаимозависимостей на основе критериев совместимости и общей полезности действий акторов системы регионального управления.

Акцентируя внимание на институциональных установках, регулирующих социально-инвестиционное управленческое влияние, следует оговориться в том смысле, что во внутриуправленческих отношениях действуют дисциплинарные правила, то есть социально-инвестиционное поведение не может выходить за рамки корпоративной управленческой этики. Говоря об этом нельзя не отметить, что для регионов с формирующейся социально-инвестиционной моделью регионального управления важным является принятие управленческих изменений, полагающих блокирующих неадаптивные изменения. Важным является создание общего организационного климата, позволяющего определять сотрудничество внутриуправленческих отношений, направленное на достижение позитивного результата.

Если исходить из организационной реальности, к базовым институциональным установкам региональной модели управления относятся повышение эффективности взаимозависимых управленческих групп. Эти действия требуют как повышения технических навыков для эффективного выполнения поставленных задач, так и улучшения межличностной и социальной компетентности занятых в системе регионального управления. Конкретизируя это положение можно говорить, во-первых о том, что акторы регионального управления обладают уровнем социальной компетенции позволяющей решать проблемы администрирования, но, как показывает анализ региональных управленческих элит, доминирующим является средний возраст 35-50 лет это содержит как преимущества социальной

¹ Это мир непубличных людей // Огонек 1-2 от 18.01.2016 с. 17

² Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство «Логос». 2004. с. 59, 97

энергии, перспектив карьерного роста, обновления знания, но есть и ограничители, связанные с пониманием чувства новизны, обновления¹.

Каждый второй актер регионального управления осторожно или негативно относится к организационным изменениям. Логика таких настроений основывается на том, что при любых организационных изменениях открываются возможности не только роста, но и потери статуса или, в худшем случае, работы. К тому же, приходится проходить путь ознакомления с новыми задачами, что является трудным для людей со стажем управленческой деятельности, с чувством собственной профессиональной компетентности. Вероятно, внутриуправленческие отношения, в которых действует принцип субординации, жесткого контроля руководства, затрудняют возможность перехода к установкам инноваций, так как предполагают конкуренцию внутриуправленческой среды, принятие иногда болезненных кадровых решений.

В условиях воздействия неформальных связей и правил, закрепления на рабочем уровне клановых групп, групп интересов, можно говорить о том, что наиболее оптимальным вариантом для формирования новых институциональных установок является как приказ сверху, что подразумевает тихое сопротивление управленческим инновациям, или радикальную перестройку, связанную с приходом новой команды, воплощающей идею социально-инвестиционного функционирования регионального управления.

В этом смысле региональное управление в российском обществе опирается на достаточный задел в том, что подавляющее большинство управленцев в регионах обосновано полагают необходимость развития собственных человеческих ресурсов через образование, повышение квалификации. Ресурс здоровья задействован в меньшей степени, но и в этом контексте акторы регионального управления начинают следовать установленным стандартам поведения².

В Ульяновской области особое внимание уделяется кампании омоложения регионального управления, стремлению показать акторов регионального управления не по должностным параметрам, а как социально референтную группу в развитии человеческих ресурсов. Ставка на региональные кадры неизбежно повышает интерес к инвестиционному установкам. Другое дело, что, как правило, система регионального управления не склонна позиционировать отставание в развитии человеческих ресурсов. Это важный момент, что для развития социально-инвестиционной модели управления институциональные установки, направленные на регулирование внутриуправленческих отношений являются приоритетными к установкам, связанным с организационными изменениями.

Следует также учитывать тот фактор, как выявили российские социологи, что личность, пребывая в системе управленческой бюрократии более двух лет, делает выбор, либо отторжения, то есть ухода из системы, либо, это гораздо чаще, принятия кодекса поведения и понимания того, что иная карьера просто невозможна. Речь идет не только о плюсах бюрократической службы (премии, оклады,

1 Это мир непубличных людей // Огонек 1-2 от 18.01.2016 с.16

2 Официальный сайт Информационно-аналитического портала «Полит.ру» [Электронный ресурс] URL: <http://polit.ru/news/2018/02/12/managers/> (Дата обращения 18.06.2018)

социальный пакет, повышенная пенсия), есть и момент обретения управленческих качеств, которые повышают уровень принятия в своей среде, формирования профессионального дискурса общения, как маркера различий в контактах с представителями неуправленческой среды.

Имеется в виду, что система регионального управления построена таким образом, что импульсы внешней среды воспринимаются через селекцию обязательного и необязательного исполнения и отношения к другим базируются на основании того, что какое бы поручение не выполнялось, важно от кого оно исходит. Социально-инвестиционные установки в этом смысле являются неупорядоченными даже на уровне регионов, реализующих социально-инвестиционную модель, ее приоритеты связаны с значением и ролью внутриуправленческих отношений. Социальная компетентность понимается, как умение работать в команде и является средством регулирования организационного климата. Это обстоятельство приводит к тому, что в контексте реализации социально-инвестиционной модели преимуществом пользуются позиции принятия соответствующих действий. Работая в системе постоянного контроля, акторы регионального управления рассматривают социально-инвестиционную модель в контексте уже сложившегося управленческого опыта, и критерии взаимозависимости имеют большее значение, чем критерии разделяемой ответственности.

Желательным является достижение синергетического эффекта, достижимого в результате слаженной работы всех структур регионального управления. Это очевидно в условиях реализации социально-развивающих управленческих практик. Тем не менее, региональное управление в российском обществе характеризуется воспроизводством иерархии обязанностей компетентности и ресурсов, и разделением исполнения должностных функций в системе регионального управления, чтобы говорить о синергетическом эффекте в рамках недопущения сбоев в работе системы регионального управления.

Как показывают результаты социологических исследований, население оценивает деятельность регионального управления по качеству оказываемых государственных услуг и в сфере занятости, доступности к качественному образованию, здоровья¹. В частности исследования фиксируют неизменное первенство поиска работы, что понятно, так как для российских регионов важен не показатель безработицы, а достойной работы, не создающей эффект «работающих бедных». 85,5% опрошенных интересуются именно этим видом государственных услуг².

Очевидно, что действующие модели социально-инвестиционного поведения в региональном управлении в основном направлены на социальную поддержку, культурные инициативы, охват населения

1 Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. с.239

2 Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В., Шаповал Ж.А. Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионология. 2010. №4.

различными патриотическо-воспитательными мероприятиями, устройством фестивалей, дней города, чествования исторических дат. Что, безусловно, влияет на формирование регионального патриотизма, но вне решения достаточно острой проблемы нормальной занятости населения, адекватного и эффективного использования человеческих ресурсов не наблюдается сдвиг в оценке системы качества социальных и государственных услуг.

Иными словами, институциональные установки акторов системы регионального управления основываются на принципе малозатратности, то есть проблемные зоны, привязанные к усилиям по созданию рынка труда и обеспечению качественными профессиональными вакансиями являются трудноразрешимой задачей. Это явно упрощенный подход, содержащий элементы имитационности социально-инвестиционной модели. Реально фиксируется неудовлетворенность текущей деятельностью системы регионального управления, но, как отмечалось ранее, критерий надежности со стороны руководства и в целом стремление быть хорошими исполнителями со стороны федерального центра приводит к тому, что социально-инвестиционная модель концентрируется на руководителе региона, который отвечает перед федеральным центром.

В то же время институциональные установки на управленческую инициативу и самостоятельность не формируются в качестве базовых в реализации модели социально-инвестиционного управления. Большинство респондентов - акторов регионального управления на первое место ставят хорошие отношения с руководством и коллегами и испытывают удовлетворенность от своей работы в контексте собственной профессиональной карьеры. Так как качество оказываемых социальных услуг и показатели управленческой деятельности не совмещены и между ними располагается прослойка индикаторов дисциплинированности и исполнительства, можно говорить о том, что социальные установки, направленные на перемены во внутриорганизационных отношениях с целью сделать приоритетными установки на новизну, самостоятельность и социальную компетентность не реализуются в качестве реальных индикаторов управленческой деятельности.

Вероятно, кроме механизма корпоративной дисциплины, влияние обретает критерий управляемости процессом. По отношению к проведению указанных культурных и социальных акций, связанных с мобилизацией населения на массовую инициативу и поддержку, осуществляется знакомый из предшествующего советского периода сценарий. В то время как работа, связанная с занятостью профориентацией, оказанием юридических услуг требует иного формата, сосредоточения усилий на работе с конкретными группами и индивидами. Если по отношению к группам, нуждающимся в социальной защите выработан определенный алгоритм, то, как показывает опыт Екатеринбурга, Новосибирска акторы регионального управления испытывают дискомфорт в коммуникации с группами, претендующими на партнерские отношения или предлагающими собственный вариант реализации социальных проектов¹.

¹ Официальный сайт Информационного агентства REGNUM [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/2215593.html> (дата обращения 01.06.2018)

Для системы управления важно, чтобы группы инициатив обрели легальный статус, чтобы коммуникации совершались по формально-организованной схеме. Также действует и фактор сдерживания обещаний. Институциональные установки, таким образом, фокусируются вокруг корпоративных. Трудно ожидать, что возможно оформление конкурентного ряда социально-инвестиционных установок, о которых говорилось выше. Судя по результатам социологических исследований, коммуникации населения с системой регионального управления определяются ожиданиями решения конкретных оперативных проблем, особенно в контексте дефицита качественных профессиональных вакансий на рынке труда и низкого дохода жителей регионов.

В этом смысле в системе регионального управления не проявляется политика удержания и возвращения собственных региональных кадров. В условиях маятниковой миграции, особенно молодежи в возрасте 20-35 лет возрастает привлекательность работы с закрепленными в регионе кадрами. Это определяет то, что человеческие ресурсы понимаются в контексте формирования заниженных ожиданий, привыкания к среде и принятия системы регионального управления как сферы управленческой деятельности, работающей не с региональным социумом, а как системы общегосударственного управления назначенческой структуры. Необходимо подчеркнуть, что говоря о сложностях реализации институциональных установкой социально-инвестиционного типа, следует признать, что социально-инвестиционная модель регионального управления, реализуемая в ряде российских регионов, определяется авторитарностью, замкнутостью на руководителя региона, способного организовать эффективный контроль.

Иными словами, пока не сложился командный социально-инвестиционный образ поведения акторов регионального управления. Этому способствует и тот факт, что регион оценивается по качествам руководителя, его ответственности за состояние дел в регионе и не было еще случая в российской практике, чтобы руководителя снимали за развал социальной сферы. Также как и региональные лидеры часто ранжируются по критерию лояльности к центру, а не по показателям авторитета в региональном социуме. Отмечалось, что сложилась группа региональных лидеров, демонстрирующих авторитарную культуру, но считающихся крепкими хозяйственниками. Однако, обращает на себя тот факт, что это лидеры - старожилы, имеющие опыт деятельности в регионе, опирающиеся на региональные элиты, но в целом поддерживающие консервативные установки.

Вторая важная проблема связана с тем, что социально-инвестиционный поведенческий код не утвердился в качестве регулятивного в системе регионального управления. Речь идет о том, что в рамках доминирования социально-координационных региональных практик акторы регионального управления воспринимают социально-инвестиционные нормы в качестве «приложения» к стабильным дисциплинарным и исполнительским нормам. Очевидно, что в рамках реализации социально-инвестиционной модели требуются определенные усилия по переформатированию поведенческого

кода, включения показателей социально-инвестиционного поведения (участия в разработке социальных проектов, мониторинге человеческих ресурсов и конкретной работы с различными группами населения) в качестве показателя профессиональной компетентности актора регионального управления.

Это необходимо с целью дать импульсы опыту, который уже накоплен в реализации социально-инвестиционной политики. Важно при этом обеспечить преемственность кадров. Если говорить об омоложении, здесь следует учитывать тот факт, что система регионального управления привлекательна и престижна часто по прагматическим мотивам и, как показывают исследования, рост привлекательности управленческой деятельности связан с высокой, по сравнению с среднерегionalной, зарплатой, различными профессиональными и социальными бонусами. С одной стороны, такое отношение позитивно влияет на привлечение молодых, энергичных и креативно мыслящих кадров, что видно по омоложению кадрового потенциала в Калининградской, Тульской областях, Хабаровском крае¹.

Следует подчеркнуть, что, судя по приоритетам адресатов социально-инвестиционной деятельности, модальным для регионов является выбор практических проблем, что требует от акторов институционального управления знать не понаслышке, а иметь достаточную информированность и, не менее важно, говорить с адресатами на понятном языке. В управленческой среде сложился стереотип о недопустимости популизма, заигрывания с населением, присутствует синдром патронатности. Между тем, если говорить о социально-инвестиционной политике как связанной с повышением качества человеческих ресурсов, акторы регионального управления встречаются с наиболее образованными, мобильными, готовыми к переменам слоями общества. В интересах регионального развития именно эти слои являются союзниками системы регионального управления.

Между тем, в социально-инвестиционной политике есть опасность сокращения дистанции с социальной работой и социальной защитой. Коренное отличие состоит в том, что социально-инвестиционная модель предполагает работу на будущее региона, на повышение статуса и привлекательности региона по критериям, позволяющим выходить на новую экономику и в целом социокультурную модернизацию регионального пространства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В., Шаповал Ж.А. Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионоведение. 2010. №4.
2. Готово ли российское общество к модернизации. М., 2010.
3. Гражданское общество в России структура и сознание. М.: На-

¹ Игнатов В.Г., Кузнецов С.Г., Колесников В.А., Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональная кадровая политика: концептуальные подходы и принципы реализации URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/618/680/1219/013.IGNATOV.pdf>

ука, 1998. – 256 с.

4. Зачарованные рейтингом // Версия. 2018. №8.
5. Игнатов В.Г., Кузнецов С.Г., Колесников В.А., Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональная кадровая политика: концептуальные подходы и принципы реализации URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/618/680/1219/013.IGNATOV.pdf>
6. Каждая стратегия как душа – она индивидуальна // Эксперт. №10. от 11.03.2018
7. Кривоусков В.В. Доверие в Российском обществе в постсоветский период: динамическая характеристика // Гуманитарий Юга России. 2013. №1.
8. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство «Логос». 2004. – 232 с.
9. Нестерова Н. Н. Специфика организации деятельности органов исполнительной власти в регионе // Вестник ТГУ. Вып. 11. 2012.
10. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. — 600 с.
11. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. — 312 с.
12. Это мир непубличных людей // Огонек 1-2 от 18.01.2016
13. Официальный сайт Информационного агентства REGNUM [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/2215593.html> (дата обращения 01.06.2018)
14. Официальный сайт Информационно-аналитического портала «Полит.ру» [Электронный ресурс] URL: <http://polit.ru/news/2018/02/12/managers/> (Дата обращения 18.06.2018)

REFERENCES

1. Babintsev V.P., Zalivansky B.V., Samokhvalova E.V., Shapoval Zh.A. Evaluation of the effectiveness of regional governance based on indicators of the quality of life of the population [*Oценка ehffektivnosti regional'nogo upravleniya na osnove pokazatelej kachestva zhizni naseleniya*] / Regionology. 2010. No 4.
2. Is the Russian society ready for modernization? [*Gotovo li rossijskoe obshchestvo k modernizacii*] М., 2010.
3. Civil society in Russia structure and consciousness [*Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii struktura i soznanie*] Moscow: Nauka, 1998. - 256 p.
4. Enchanted with the ratings // Version. 2018. № 8.
5. Ignatov V.G., Kuznetsov S.G., Kolesnikov V.A., Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Regional personnel policy: conceptual approaches and implementation principles [*Regional'naya kadrovaya politika: konceptual'nye podhody i principy realizacii*] URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/618/680/1219/013.IGNATOV.pdf>
6. Each strategy as a soul - it is individual // Expert. No 10. of 11/03/2018
7. Krivouskov V.V. Trust in Russian Society in the Post-Soviet Pe-

riod: Dynamic Characteristics [*Doverie v Rossijskom obshchestve v postsovetskij period: dinamicheskaya harakteristika*]/ Humanitarian of the South of Russia. 2013. No 1.

8. Lumann N. Society as a social system. Trans. with him [*Obshchestvo kak social'naya sistema*]/ A. Antonovsky. M: Publishing house "Logos". 2004. - 232 p.

9. Nesterova, N. N. Specificity of organization of executive bodies in the region [*Specifika organizacii deyatelnosti organov ispolnitel'noj vlasti v regione*]/ Bulletin of TSU. Issue. 11. 2012.

10. Regional sociology: the problems of consolidating the social space of Russia [*Regional'naya sociologiya: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii*]/ otv. Ed. V.V. Markin. Ed. college: M.K. Gorshkov, V.V. Markin, V.V. Voronov, Corr. RAS A.V. Dmitriev, N.I. Lapin, A.V. Tikhonov, A.N. Chumikov., Biyzhanova E.K. / M. Gorshkov, V. Markin, A. Dmitriev and others - New Chronograph Moscow, 2015. - 600 p.

11. Capitals and Regions in Contemporary Russia: Myths and Reality fifteen years later [*Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pyatnadcat' let spustya*]/ Otv. Ed. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonov. M.: All World, 2018. - 312 p.

12. This is the world of non-public people // Fire 1-2 from 01/18/2016

13. Official website of the REGNUM News Agency [Electronic resource] [*Oficial'nyj sajt Informacionnogo agentstva REGNUM*]URL: <https://regnum.ru/news/2215593.html> (accessed 01.06.2018)

14. The official site of the Information and Analytical Portal "Polit.ru" [Electronic resource] URL: <http://polit.ru/news/2018/02/12/managers/> (accessed 18.06.2018)

НАРЫКОВ
Николай Владимирович
профессор кафедры
философии и социологии
Краснодарского
университета МВД России,
Краснодар, Россия
nikkuban @mail.ru

NARIKOV
Nikolai Vladimirovich professor
of department of philosophy
and sociology of Krasnodar
University of the MIA of Russia,
Krasnodar, Russia
nikkuban @mail.ru

ШЕВЧЕНКО
Андрей Иванович
профессор кафедры
социально-гуманитарных
и естественнонаучных
дисциплин Северо-
Кавказского филиала
Российского
государственного
университета правосудия,
Краснодар, Россия
mona80@mail.ru

SHEVCHENKO
Andrey Ivanovich professor of
department of socio-humanitari-
an and natural science disciplines
of North Caucasus branch of
the Russian State University of
justice, Krasnodar, Russia
mona80@mail.ru

Социально-философское обоснование медиации как метода правового урегулирования конфликтов в межэтнической среде/Socio-philosophical basis of legal mediation as a method of conflict resolution in inter-eth- nic environment

Аннотация

Проблема межэтнических конфликтов в многонациональном государстве имеет высокую степень теоретической и практической значимости. Авторы исходят из необходимости социально-философской методологической идеализации практики разрешения межэтнических конфликтов и сопоставляют медиацию как идеальную форму с существующей практикой. Тот факт, что в современном обществе сильны тенденции развития ксенофобии, проявляющиеся в фактах насилия, роста экстремизма, развитии негативных стереотипов, свидетельствует о недостаточном понимании проблемы и путей ее разрешения. В статье проводится аналитическое рассмотрение правовых факторов роста межэтнической напряженности. Доказывается, что традиционная система судебного решения конфликтных ситуаций не способствует снижению уровня межэтнической напряженности. Современная судебная система обладает недостаточной гибкостью и, в целом, ориентирована не столько на разрешение конфликтов, сколько на принятие решений в спорных ситуациях. В результате конфликт переходит из прямого противоречия интересов в форму скрытой

напряженности. В этом контексте проводится рассмотрение практики медиации, как альтернативной формы правового урегулирования конфликтных ситуаций. Рассматриваются механизмы осуществления медиации и доказывається, что этот метод ориентирован на разрешение конфликтов и достижение взаимопонимания между конфликтующими сторонами. Обосновывается тезис о том, что практика медиации имеет значительно более высокий потенциал разрешения конфликтных ситуаций в межэтнической среде, нежели традиционные судебные разбирательства. Одновременно с этим анализируются факторы, определяющие степень эффективности практики медиации в обществе. По результатам проведенного исследования делается вывод о том, что в российских условиях практика медиации развита недостаточно сильно, однако имеет широкие перспективы дальнейшего развития и стабилизации обстановки в межэтнической среде.

Ключевые слова

Медиативное урегулирование; медиация; правовое регулирование; межэтническое взаимодействие; социальный конфликт.

Abstract

The problem of the interethnic conflicts in the multinational state has high degree of the theoretical and practical importance. The author proceeds from the need for socio-philosophical methodological idealization of the practice of resolving interethnic conflicts and compares mediation as an ideal form with existing practice. The fact that in modern society the tendencies of development of xenophobia which are shown in the facts of violence, growth of extremism, development of negative stereotypes are strong demonstrates insufficient understanding of a problem and ways of its permission. In article analytical consideration of legal factors of growth of interethnic tension is carried out. It is proved that the traditional system of the judgment of conflict situations doesn't promote decrease in level of interethnic tension. The modern judicial system has insufficient flexibility and, in general, is focused not so much on resolution of conflicts how many on decision-making in disputable situations. As a result the conflict passes from a direct contradiction of interests into a form of the hidden tension. In this context consideration of practice of mediation as alternative form of legal settlement of conflict situations is carried out. Mechanisms of implementation of mediation are considered and it is proved that this method is focused on resolution of conflicts and achievement of mutual understanding between conflicting parties. The thesis that practice of mediation has much higher potential of permission of conflict situations in the interethnic environment, than traditional judicial proceedings is proved. Along with it the factors defining degree of efficiency of practice of mediation in society are analyzed. By results of the conducted research the conclusion that in the Russian conditions of the practician of mediation it is developed insufficiently strongly is drawn, however has the broad prospects of further development and stabilization of a situation in the interethnic environment.

Keywords

Mediation; mediation; legal regulation; interethnic interaction; social

conflict.

Исходной точкой вопроса о медиации как метода правового регулирования является притязание на эффективность гражданской коммуникации. В действительности, медиация – это своего рода идеальная модель социального регулирования конфликтности. В ее основе экономия ресурсов и отказ от преумножения сущности правового регулирования. Социально-философский анализ самой возможности применения медиативных подходов указывает на дуализм идеального и реального, что, в свою очередь (на уровне обоснования применимости медиации) заставляет нас рассмотреть фактическую сторону вопроса и прийти к выводу, насколько вообще, в области практики возможна медиация как инструмент или метод. В качестве предметной области мы рассматриваем сферу межэтнических конфликтов, тогда как сам текст статьи, представляющий собой аналитическое рассуждение, есть обоснование медиации в ее притязаниях на эффективность.

Урегулирование конфликтов в традиционной системе права предполагает определение стороны, в соответствии с исходной ситуацией и правовой базой обладающей правом на удовлетворение притязаний. Как результат, вторая сторона конфликта либо оказывается не удовлетворена в своих притязаниях, либо принимает на себя ответственность за протекание конфликтной ситуации, что предполагает несение штрафных санкций, зависящих от меры нарушения правовых норм в ходе протекания конфликта. Система права в ее классическом виде предполагает, что разрешение конфликтной ситуации реализуется в рамках судопроизводства, и в данном случае наличие победившей и проигравшей сторон является нормой. С точки зрения функционирования права, как механизма нормативного регулирования социального взаимодействия, данная ситуация вполне адекватна. Вместе с тем, в ситуации, когда речь идет о конфликте интересов, наличие «проигравшей» стороны представляет интерес не с точки зрения правового видения ситуации, а с точки зрения оценки конфликтогенного потенциала сторон, интересы которых столкнулись по результату судебного разбирательства. И здесь приходится признать, что текущая система права не ориентирована на сглаживание конфликтности. Она ориентирована, в первую очередь, на регулирование системы отношений¹, причем гарантом этого регулятивного воздействия является государство, обладающее правом карательного воздействия в отношении тех участников судебного процесса, которые вне системы правовых отношений выражают свое неподчинение сформированному решению. Таким образом, поддержание правовых отношений опирается на силовой аспект подкрепления судебной власти, иными словами – взаимодействие членов общества и его соответствие сложившейся системе норм определяется системой внешних санкций, оказывающей давление на основных социальных акторов. В данном случае мы не производим оценку какого-либо морального аспекта осуществления власти – вместе с тем, можно констатировать, что подавление участников социального процесса, чьи интересы стали предметом конфликта, является рабочей практикой при условии, если

¹ Бойков О.В., Варламова Н.В., Веденеев Ю.А. и др. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Отв. ред. Кудрявцев В.Н. М., 1995. -159 с.

эти интересы не находят должного правового подкрепления. И здесь следует подчеркнуть, что именно неудовлетворенность интересов и потребностей выступает в качестве одного из главных оснований развития конфликтности. При этом конфликтогенный потенциал по своей направленности может быть ориентирован как в сторону государства, не удовлетворившего притязания конкретной стороны, так и в отношении участника юридического процесса, чьи интересы были удовлетворены.

В этом плане достаточно остро стоит вопрос о последствиях развития конфликтных ситуаций в межэтнической среде. Россия представляет собой многонациональное государство, что предполагает различия не только по критерию этнического состава, но и по характеру вероисповедания и установкам культуры. Как следствие, взаимодействие между представителями различных этнических групп сопрягается с затруднениями, вызванными различиями в понимании норм социальной активности¹. На это накладывается общая проблема стереотипности восприятия представителей других этносоциальных объединений, что определяет особое отношение к ним и, в частности, значительно более болезненную реакцию на деструктивную деятельность представителей других этносов. Характерной чертой межэтнического взаимодействия становится то, что возникающие конфликты, даже при условии, что их причины лежат вне сферы этнических различий и имеют бытовой характер, зачастую рассматриваются с точки зрения этнической маркированности участников конфликта. Как результат – информационный резонанс от возникновения конфликтных ситуаций в межэтнической среде существенно выше, нежели в ситуациях, когда конфликт реализуется внутри какой-либо одной этнической группы. Развитие негативных стереотипов, возникновение конфронтации между представителями различных этнических групп – одна из серьезных проблем современного российского общества.

Следует обратить внимание на то, что государство обладает достаточно ограниченными средствами воздействия на ситуацию. Более того, нередко вмешательство в конфликтную ситуацию становится причиной развития таких тенденций, как гражданское неповиновение, конфронтация молодежи (в основном, в среде представителей этнического меньшинства) с правоохранительными органами, развитие сепаратистских настроений и т. д. Все это представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности и требует осуществления мер, ориентированных на снижение градуса конфликтности и примирение сталкивающихся сторон.

Рассматривая правовую сторону вопроса, следует отметить, что универсальность законодательной базы является тем основанием, которое определяет функционирование социального механизма без учета индивидуальных особенностей отдельных представителей. Этот момент выражает принципы справедливости и равенства всех граждан перед законом. Вместе с тем, сам характер реализации правоохранительной и судебной сфер ориентирован скорее на соподчинение граждан существующей власти, нежели на их примирение между собой. Конфликтная ситуация не завершается

¹ Бурганова Л. А. Этноцентристская социализация как фактор межнациональной напряженности и конфликтов // Вестник УдмГУ. 2006. №7.

моментом судебного решения – оно (решение) знаменует определение исхода конкретного пересечения интересов, однако в результате не происходит разрешение самого противоречия. Это является одной из причин того, что с высокой степенью интенсивности актуализируется вопрос об альтернативных формах принятия правовых решений в конфликтных ситуациях, которые могли бы способствовать не только определению исхода пересечения разнонаправленных интересов, но и примирению сторон.

Здесь следует сделать небольшое отступление и обратить внимание на то, что помимо классической судебной системы существует также развитая практика взаимодействия, связанная с формированием компромиссной ситуации, устраивающей обе стороны конфликта. Эта практика носит наименование медиации и предполагает не столько опору на жесткую механистичность правовой структуры, сколько предполагает возможность совместного принятия сторонами конфликта такого решения, которое устроило бы каждую из сторон¹.

Сущность медиации состоит в активной деятельности третьей стороны, ориентированной на выявление противоречия между позициями участников конфликта, определение причин этих противоречий и поиск путей разрешения конфликта², которые могли бы удовлетворить каждую из сторон. Практика медиации предполагает постепенный переход от категоричного отстаивания собственной позиции к пониманию позиции оппонента, что реализуется в ходе последовательного трехстороннего диалога, в котором инициатор процесса медиации (медиатор) способствует переходу коммуникации в конструктивное русло. В данном случае одним из немаловажных факторов становится авторитет медиатора, его степень компетентности в том вопросе, который является предметом спора, способность донести до участников конфликта позицию оппонента, а также навыки аналитической работы, способствующие поиску путей разрешения конфликта, не учитываемых его сторонами.

С точки зрения вопроса о взаимодействии в межэтнической среде не лишним является упоминание о том, что нередко невозможность достижения согласия вызвана не столько отсутствием принципиальной возможности такого решения, которое удовлетворило бы каждую из сторон, сколько ограниченностью возможностей по достижению взаимопонимания между представителями разных этносоциальных групп. Если добавить к этому еще и то, что в современном обществе достаточно сильно влияние групповых стереотипов, можно заключить о том, что ряд противоречий имеет надуманный характер и связан не столько даже с неспособностью сторон к конструктивному взаимодействию, сколько с отсутствием исходной установки на понимание в ситуации когда «все и так понятно». Кроме того, нельзя не обратить внимание на то, что переход конфликта от межличностного взаимодействия к судебному разбирательству означает фактически признание сторонами невозможности договориться. Для многих

1 Аллаxвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация: переговоры с участием посредника. - СПб., 2007

2 Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах: Пер. с нем. Н.В. Маловой. Калуга, 2004. - 176 с.

членов общества суд представляет собой «крайнюю меру», а сам факт тяжбы представляет собой свидетельство перехода отношений в остро негативную форму.

Следует отметить, что практика обращения к третьей стороне для разрешения конфликта имеет двоякое значение. Речь идет, с одной стороны, о привлечении на свою сторону административного ресурса для силового воздействия на оппонента, с другой – о поиске справедливого решения в такой ситуации, когда сам процесс коммуникации и, в частности, аргументации затруднен. Несложно заметить, что современная судебная система отражает первый из рассмотренных принципов и фактически обращение в суд представляет собой своеобразное повышение ставок в конфликте. Основной особенностью судебного решения является то, что оно претендует на объективность и универсальность и, в частности, осуществляется совершенно независимо от того, каково отношение сторон конфликта к этому решению. В данном случае вмешательство третьей стороны (судьи) реализуется по принципу волевого решения, которое должно положить конец возникшему спору. Напротив, практика медиации предполагает необходимость добровольного согласия участников конфликта, что невозможно без реализации принципа коммуникации, а также без изменения представителями сторон своей позиции. В данном случае чрезвычайно важно то, что общение с участником конфликта реализуется с позиции негативной предвзятости, в то время как общение с медиатором либо опирается на нейтральное отношение к нему, либо базируется на исходном положительном отношении (например, если в качестве медиатора выступает уважаемый, известный человек). Таким образом, наличие третьей стороны не только сглаживает конфликтность коммуникации и негативный характер исходных ожиданий, но и способствует установлению диалога, основанного на понимании и принятии позиций оппонентов.

Если рассматривать область межэтнического взаимодействия, следует отметить, что потенциал медиации огромен, и это связано сразу с целым рядом факторов. В первую очередь следует обратить внимание на то, что принципы медиации ориентированы на нивелирование барьеров, вызванных взаимным непониманием сторон конфликта. Таким образом, медиация предполагает сглаживание тех исходных противоречий, которые лежат в основе непонимания сторон и, кроме того, медиация предполагает деконструкцию установок, опирающихся на негативное стереотипное восприятие и перевод взаимодействия в деловую форму рассмотрения области пересекающихся интересов¹. Это позволяет свести на нет этнический аспект взаимодействия и перевести его в рабочее русло, что, даже при условии недостижения согласия между сторонами предполагает, как минимум, уход от «этнической остроты» вопроса и, как следствие – снижение общей межэтнической напряженности в обществе. Кроме того, следует отметить, что механизмы медиации обладают

¹ Большаков А. Г., Маврин О. В. Угрозы стабильности в российских регионах и возможности использования примирительных процедур в этнобытовых конфликтах (на примере республики Татарстан) // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. №7-8.

значительно большей степенью гибкости в разрешении вопросов, что определяет значительно более высокие шансы по нахождению решения, которое может удовлетворить каждую из сторон. Наконец, сам принцип диалога определяет значительно более мягкий формат взаимодействия, что не способствует разжиганию конфликта и, напротив, определяет сам факт взаимодействия как значительно менее резонансное событие внутри тех этнических групп, к которым относятся участники конфликта.

Рассматривая условия осуществления процесса медиации, следует обратить внимание, с одной стороны, на статус данной юридической процедуры в обществе, иными словами – на степень ее реализованности в правовой структуре общества, с другой – на уровень институциональной поддержки данного механизма. Здесь нельзя не отметить тот факт, что успешность процесса медиации в высокой мере зависит от профессионализма посредника, иными словами – от его способности не только к адекватному пониманию сторон, но и к выстраиванию системы конструктивного взаимодействия между ними. И здесь мы приходим к пониманию того, что развитие системы медиации в высокой степени зависит от того, насколько эффективно в обществе реализован механизм подготовки специалистов-медиаторов. Не менее важную роль в этом играет и то, насколько сам процесс медиации доступен массам, иными словами – насколько практика посредничества в разрешении конфликтов известна населению, поскольку, по факту, незнание о возможности альтернативной правовой процедуры разрешения конфликта определяет ее невостребованность.

С учетом обозначенных моментов приходится признать, что медиация представляет собой хоть и весьма перспективное, но достаточно слабо развитое явление в российской правовой практике, что связано как со сравнительно короткой историей данной практики, так и с недостатком ее институциональной поддержки на уровне подготовки специалистов-медиаторов. Наконец, серьезной проблемой является то, что практика медиации на данный момент не является общеизвестной, и, следовательно, обращение к ней является статистически редким ввиду низкой информированности населения.

Все это позволяет судить о том, что для снижения градуса конфликтности в межэтнической среде одной из важных задач становится развитие института медиации, а также его широкая информационная поддержка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бойков О.В., Варламова Н.В., Веденеев Ю.А. и др. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Отв. ред. Кудрявцев В.Н. М., 1995. - 159 с.
2. Бурганова Л. А. Этноцентристская социализация как фактор межнациональной напряженности и конфликтов // Вестник УдмГУ. 2006. №7.
3. Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация: переговоры с участием посредника. - СПб., 2007.
4. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах: Пер. с нем. Н.В. Маловой. Калуга, 2004. - 176 с.

5.Большаков А. Г., Маврин О. В. Угрозы стабильности в российских регионах и возможности использования примирительных процедур в этнобытовых конфликтах (на примере республики Татарстан) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. №7-8.

REFERENCES

1.Boiko O. V., Varlamova N. In. Vedeneev, Y. A. and others. Legal conflict: resolution procedures [*YUridicheskij konflikt: procedury razresheniya*] Ed. the editorship of Kudryavtsev V. N. M., 1995. -159 p.

2.Burganov L. A. an ethno-centric socialization as a factor of interethnic tensions and conflicts [*Ehtnocentristkaya socializaciya kak faktor mezhnacional'noj napryazhennosti i konfliktov*]// Herald of Udmurt state University. 2006. No. 7.

3.Allahverdova O. V., Karpenko A. D. Mediation: negotiations with the participation of the mediator. - SPb., 2007.

4.Besemer H. Mediation. Mediation in the conflict [*Mediaciya. Posrednichestvo v konfliktah*]: TRANS. with it. N. In. Malova. Kaluga, 2004. - 176 p.

5.Bolshakov A. G., Mavrin O. V. Threats to stability in the Russian regions and the possibility of using conciliation procedures in ethnic conflicts (on the example of the Republic of Tatarstan) [*Ugrozy stabil'nosti v rossijskih regionah i vozmozhnosti ispol'zovaniya primiritel'nyh procedur v ehtnobytovyh konfliktah (na primere respubliky Tatarstan)*]// Austrian Journal of Humanities and Social sciences. 2014. No. 7-8.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

БАРКОВА

Л.А.

*старший преподаватель,
Российский университет
транспорта РУТ (МИИТ),
Москва, Россия
blusy@mail.ru*

BARKOVA

L.A.

*senior lecturer, Russian
University of transport RUTH
(MIIT), Moscow, Russia*

blusy@mail.ru

Феминизм и материнство/ Feminism and motherhood

Аннотация

Статья посвящается анализу феминизма применительно к важнейшему феномену женской онтологии – материнству. Дается обзор исторической эволюции феминистического мировоззрения, а также рассматривается необходимость дальнейшего развития представлений о феномене материнства как ключевом моменте гиноцентричных представлений.

Ключевые слова

Материнство; феминизм; женская онтология; гендер; матрицентризм; гиноцентричные представления.

Abstract

The article is devoted to the analysis of feminism with reference to the most important phenomenon of women's ontology - motherhood. It gives an overview of the historical evolution of the feminist worldview, and also considers the need for further development of ideas about the phenomenon of motherhood as a key moment of the ginocentric concepts.

Keywords

Motherhood; feminism; female ontology; gender; mathercentr; gynocentric views.

Исторически феминизм никогда не существовал как единое течение, имеющее установленную раз и навсегда доктрину. История феминизма насчитывает три волны. Ее генезис уходит корнями в эпоху Просвещения, когда было впервые замечено противоречие между «Декларацией прав человека и гражданина» и положением женщины в обществе, которая оказывалась как бы «не человеком и не гражданином». Первый шаг феминистического движения был осуществлен в направлении получения женщинами избирательных прав и возможности участвовать в политической жизни общества, что явилось эволюционным этапом в развитии представлений о способности женщин разделять гражданскую жизнь общества.

Идея о том, что женщинам должно принадлежать такое же количество прав, как и мужчинам впервые была озвучена суфражистками и сама по себе не предвещала никакой опасности для женщин. Однако, отсутствие продуманных социальных реформ, регулирующих вхождение женщин в новые для них сферы

деятельности и постепенная экстраполяция женских прав, привела к получению ими внушительного количества новых обязанностей. Гендерный подход, позволяющий увидеть социальное неравенство в связи с половой принадлежностью, долгое время не был известен. И даже такой прекрасный социальный аналитик как К.Маркс считал, что неравенство происходит исключительно из имущественных, а никак не из половых отношений.

Вторая волна феминизма не обошла вниманием осмысление темы материнства. Яркая представительница второй волны Б.Фридан сформулировала, что фрустрация и недовольство собой, которые испытывают женщины в детской спальне, вызваны тем, что они искусственно при помощи культурных механизмов заперты в материнской роли. Жизнь со всеми удобствами, предоставляемыми заботливым супругом никак не избавляют их от чувства, что они находятся в «удобном и уютном концлагере»[□]. Но освобождение женщин из «концлагеря» для иной социальной деятельности на самом деле сильнее закабалило их. Обретение политических прав не привело автоматически к решению женского вопроса. Женщина, имеющая двух-трех детей, не может конкурировать с мужчиной, так как чаще она «надрывается», чем достигает профессионального успеха. С.де Бовуар предлагала решить эту проблему, осознав, что материнство является формой угнетения женщин. Следовательно, оно не должно рассматриваться как незаменимый элемент женского бытия, и женщина может и должна уметь обходиться без этого навязываемого социумом конструкта.

Следующий шаг в наступлении на материнство предприняла А.Дворкин, призывая женщин к репродуктивному бойкоту, который бы вынудил правительства всех стран найти альтернативный способ воспроизводства, минуя использование женского тела[□].

В конце концов, полная реализация политических прав и свобод женщин привела феминисток третьей волны к лозунгу «личное – это политическое». Несмотря на то, что состояние гражданско-правовых свобод в любой стране мы оцениваем по тому, может ли человек цивилизованным путем решить возникающие проблемы, в том числе личного характера, например, развод; именно после этого провозглашения происходит окончательная трансформация женской социальной реальности. «Личное» женщин, открывших для себя права мужчин, перестало представлять былую ценность. Публичность частной сферы, с одной стороны, способствовала прозрачности, которая защищала их от несправедливости; с другой: у женщин появились совершенно новые цели, связанные с реализацией профессионального роста, далекого от обустройства их личной жизни. Осознание того факта, что вместе с правами мужчин, женщинам автоматически вменились мужские обязанности, а обязанности мужчин стали уменьшаться пропорционально вовлеченности женщин в производство, пришло позднее. Если женщина в состоянии самостоятельно выступать в роли кормилицы, то с необходимостью у мужчин редуцируются моральная, юридическая и, наконец, финансовая ответственность в женатой (или неженатой) паре по отношению к супруге и потомству. Следовательно, право на труд повлекло исполнение обязанности

по содержанию семьи. Д.С. Милль, выступающий на стороне суфражисток, считал, что избирательным правом и правом работать по найму будут пользоваться исключительно незамужние женщины и вдовы, но в действительности, спустя сто лет, работу вне дома имеют большинство женщин. Мужчины в современных российских семьях лишь незначительно доминируют над женщинами: по результатам исследования 54 семьи возглавлялись мужчиной и 41 – женщиной. При этом вносящим основной вклад в семейный бюджет оказывались в равной степени и мужчины, и женщины. Главой семьи респонденты в 60% считали мужчин, а планирование семейного бюджета в подавляющем большинстве возлагалось на женщин¹.

Свобода от «личного» постепенно привела к потере специфически женской, материнской идентичности, которая заменилась отождествлением женщины с ролью экспата социальных ниш. Результатом явилась утрата возможности реализовывать свою потребность в материнстве, к которой женщина была приспособлена веками эволюции. Осуществленный в обществе гиноповорот нуждается сегодня в адекватном истолковании значения в жизни женщин материнства. Трактую материнство, исключительно как форму общественной эксплуатации женщины, искажается природа, связывающая нас с созданием мира.

Эмансипация русских женщин, благодаря победе в советскую эпоху деятельности так называемых «равноправок»², выступавших за абсолютное равенство мужчин и женщин привела к тому, что практически все советские женщины, разочаровавшись в материнстве, как в ценном способе женской реализации, стали довольно быстро приспособливаться к социальным реалиям: рожать по одному ребенку. Неудавшееся «равенство в различии» русских буржуазных феминисток, стремящихся учесть специфику именно женского бытия и путь, которым действительно имеет смысл идти женщине, стало возрождаться в России только сейчас: появляются школы для матерей, в которых осуществляется поддержка и информационное сопровождение материнства³.

Продолжающаяся интенсивная трудовая жизнь российских женщин объясняет сравнительную непопулярность в России доктрин либерального феминизма. Многие проблемы не понятны российским женщинам: будь то «мое тело – мое дело», адресованный женщинам, избирающим способом контрацепции аборт, который в России был и остается разрешенной процедурой, или же: «женщины не рождаются, ею становятся», обесценивающий женскую идентичность, основанную на изначальной принадлежности к своему полу. Все это, преподносимое как забота о женщине, по сути - лишь разновидности насильственного взаимодействия с собственным телом: «Основополагающее представление о том, что революционное, по природе насильственное

1 Фридан Б. «Загадка женственности», интернет-ресурс: <http://www.rulit.me/books/zagadka-zhenstvennosti-the-feminine-mystique-read-290389-1.html>, дата обращения 30.06.18.

2 Интернет-ресурс: <https://a-dworkin-ru.livejournal.com/449.html>, дата обращения 02.07.18.

3 Давыдова М.Н. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания. Общественные науки и современность, 2000 №4. Интернет-ресурс: <http://ecsosman.hse.ru/data/730/552/1216/005dAWYDOWA.pdf>, дата обращения 2.07.18.

переживание необходимо, чтобы положить конец страданию и угнетению и установить состояние большего согласия, является правильным, когда оно понимается как действие внутреннего преобразования. Однако оно становится опасным заблуждением, когда переносится на внешний мир как политическая идеология. Его ложность заключена в том обстоятельстве, что то самое, что на более глубоком уровне, по существу, является архетипическим образом духовной смерти и возрождения, принимает вид атеистической и антидуховной программы»¹.

Нам близки феминистические воззрения, что из материнской функции постепенно выросли черты социальной заботливости, такие как законодательство, которое мужчины, заимствовав из семейных взаимоотношений позднее смогли развить в социальной жизни. Шарлотта Перкинс Гилман выдвинула теорию о том, что женские ценности связаны с прогрессом человечества, поскольку женщина, а не мужчина являлась исторически первым производителем, ведь мужчина, охотясь, реализовывал свои первобытные инстинкты; в то время как женщина конструировала будущее, занимаясь посевом зерна, и выращивая детей².

Женщины все еще недостаточно представлены в органах политической власти, зато природа щедро вручает женщинам свою власть, оставляя на их попечение человеческих детенышей. Каждый раз, когда в обществе возникают дискуссии относительно второстепенной роли женщин, можно прибегать к антропологическому аргументу о том, что именно от женщин зависит воспроизводство и сохранение социального вида. «Женский организм более устойчив к влиянию окружающей среды, являясь базовым полом, если рассматривать сюжет формирования полов с биологических позиций. Чтобы из зародыша с мужским генотипом развился мужской организм, необходимы значительные энергетические усилия (активация специального участка Y-хромосомы, запуск цепочки гормональных реакций, направленных на развитие мужских половых гормонов и редукцию зачаточных женских и прочее), тогда как женский развивается как природная данность»³.

Исторически контроль над распределением ресурсов и социальных благ принадлежит мужчинам. М.Л.Бутовская в работе «Антропология пола» размышляя о различных стратегиях репродуктивного поведения у женщин и у мужчин, которые влияют на поведение людей, приходит к выводу о том, что для мужчины эволюционной стратегией являлось сосредоточение максимальной власти у себя в руках, что одновременно являлось достижением репродуктивного успеха, так как во всех человеческих сообществах держатель верховной власти получал доступ к неограниченному числу партнерш. В то время как у женщин репродуктивная успешность никак не связана с осуществлением управления и обладания властью. Женщины, которые осуществляли правление, чаще всего получали власть от своего родственника

1 Интернет-ресурс: <http://www.polithistory.ru/museum/smi/view.php?id=5081>, дата обращения 02.08.18.

2 Интернет-ресурс : <http://www.magichild.ru/>, дата обращения 02.07.18.

3 Гроф С. Психология будущего: уроки современных исследований сознания / Пер. с англ. С. Офертаса. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001. – 476. С.383.

по мужской линии – отца или брата. Если они получали власть на других основаниях (например, для участия в ритуалах), то вообще могли утратить возможность репродуктивного поведения: «Поэтому с эволюционных позиций выгода от борьбы за власть для женщины минимальна, а плата – весьма существенна. Стратегии успешной женской репродукции на всем протяжении эволюции человека никогда не были связаны с конкурентными альянсами и политикой»¹.

Подобная ситуация сохраняется. Женщины, стремящиеся в политику или являющиеся ценными для общества в профессиональном срезе, часто вынуждены жертвовать своей личной жизнью. Такое положение нельзя одновременно считать желательным для самой женщины и удачной стратегией для женского репродуктивного поведения в целом. Поэтому противодействием такому положению вещей в среде интеллектуально одаренных женщин, может стать обязательное женское представительство во всех сферах общественной жизни для предметного выражения женских интересов. Это представительство должно удерживать не менее половины депутатских мандатов, ведь женское население в нашей стране преобладает над мужским. Исторические факты демонстрируют нам, что при необходимости женщина может не хуже мужчин управлять государством или заниматься военным делом, нужно лишь решить как это осуществить наилучшим образом, уравновесив мужское правление женским, для достижения максимальных результатов в процветании общества. Существующие сегодня женские правозащитные организации, занимающиеся узконаправленными проблемами, к сожалению, совершенно не влияют на общую политику. Например, Комитет солдатских матерей[□] – достойная организация, созданная в 1989 году, но занимающаяся проблемами призывников, а не женщин. Или Союз Женщин России², созданный еще в 90-е и сегодня совершенно не фигурирующий в решении вопросов государственного регулирования сфер, непосредственно связанных с женской проблематикой, хотя формально имеющий тематические комитеты: Ассамблея женщин-руководителей, Матери России, Ассоциация женщин московской полиции и т.п.

В настоящее время число женских организаций, существующих на территории России, составляет около 600. То есть в каждом субъекте Российской Федерации действуют приблизительно от 10 до 30 женских организаций, в том числе не зарегистрированных органами юстиции. Кажется, что цифры внушительные, но если обратиться к материалам Большой Советской Энциклопедии 1989 года, то мы обнаружим, что на территории СССР существовало 240 тысяч женсоветов. Они занимались далеко не праздными вопросами (хотя часто инициатива их образования происходила «сверху»): от сугубо внутренних проблем, решаемых на уровне организации до вопросов, связанных с правами человека, законотворчеством, юридической поддержкой, осуществлением предствительств в суде и т.д. По данным Н.И. Абушкировой, Т.А. Клименковой, Е.В. Кочкиной, М.А. Регентовой,

¹ Интернет-ресурс: https://www.e-reading.club/chapter.php/83416/0/Gilman_-_Zhelyte_oboi.html, дата обращения 01.07.18.

² Бутовская М. Л. Антропология пола. Электронный ресурс, дата обращения 13.09.2016.

изложенным в справочнике «Неправительственные женские организации России и СНГ» за 1998 год, женские группы были заняты в 65 различных сферах. Продуктивность общественной работы женщин была довольно высокой, поскольку они занимались просветительской деятельностью, журналистикой, созданием собственного ресурса через образовательную активность, которая всегда направлена в будущее поколений. Однако позднее женские организации все-таки стали иметь тенденцию к объединению на профессиональной основе: Ассоциация женщин фермеров, Ассоциация журналисток, Межрегиональная ассоциация женщин-юристов, Ассоциация кризисных центров.

В обществе формируется амбивалентное отношение к женскому полу, если нет адекватного понимания роли и места женщины в истории. Идеи Кристины Пизанской, творившей во Франции и написавшей в 1405 году книгу «О граде Женском» - идеальном убежище для всех угнетаемых и достойных женщин, состоящем в необходимости исключить из женских обществ мужчин, как основных угнетателей, которым нельзя доверять, - представляют «древний» образец радикальных феминистических идей, продиктованных отсутствием адекватного понимания женской истории. Идеи женской самоизоляции приведут нас к редукции традиционной модели материнства, к реальности только искусственного оплодотворения и, наконец, появлению ребенка от пары биологических матерей путем слияния двух женских гамет. Рассмотрение общества сквозь призму гиноцентричных (женских интересов) может быть продуктивным, если имеется понимание матрицентризма, как ключевого момента гиноцентрии. Любое женское движение, исключаящее из сферы приоритетных интересов материнство, не может претендовать на решение проблем женской аудитории, т.к. по нашему мнению матрицентризм должен быть центральным моментом рассмотрения женской истории.

Материнство по своему смыслу противоречит любым социальным практикам, изолирующим членов общества друг от друга по половому или какому-либо еще признаку, и служит средством интеграции всех участников общественной жизни, выступая в качестве структурообразующей первичной единицы. Полноценная жизнь семьи, какую бы она сегодня не представляла форму, является прообразом общежития, основанного на эмпатии и добродетелях, противоположных эгоизму, конкуренции и индивидуализму.

Участие женщин во всех сферах общественной жизни необходимо, чтобы предотвратить агрессию, экстраполяцию властных тенденций, приводящих к «забвению и пренебрежению как незначущего или низкого удовольствия всего полового, т.е. самих родников, источников семьи, нового и нового рождения»¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Фридан Б. «Загадка женственности», интернет-ресурс: <http://www.rulit.me/books/zagadka-zhenstvvennosti-the-feminine-mystique-read-290389-1.html>, дата обращения 30.06.18.
2. Интернет-ресурс: <https://a-dworkin-ru.livejournal.com/449.html>,

¹ Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992. С.188.

дата обращения 02.07.18.

3. Давыдова М.Н. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания. *Общественные науки и современность*, 2000 №4. Интернет-ресурс: <http://ecsocman.hse.ru/data/730/552/1216/005dAWYDOWA.pdf>, дата обращения 2.07.18.

4. Интернет-ресурс: <http://www.polithistory.ru/museum/smi/view.php?id=5081>, дата обращения 02.08.18.

5. Интернет-ресурс: <http://www.magichild.ru/>, дата обращения 02.07.18.

6. Гроф С. Психология будущего: уроки современных исследований сознания / Пер. с англ. С. Офертаса. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001. – 476. С.383.

7. Интернет-ресурс: https://www.e-reading.club/chapter.php/83416/0/Gilman_-_Zheltye_obi.html, дата обращения 01.07.18.

8. Бутовская М. Л. Антропология пола. Электронный ресурс, дата обращения 13.09.2016.

9. Бутовская М.Л. Антропология пола. С.222.

10. Интернет-ресурс: <http://ksmrus.ru/>, дата обращения 30.06.18.

11. Интернет-ресурс: <http://eawfpress.ru/blogs/>, дата обращения 30.06.18.

12. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992. С.188.

REFERENCES

1. Friedan B. "the Mystery of femininity", online resource: <http://www.rulit.me/books/zagadka-zhenstvennosti-the-feminine-mystique-read-290389-1.html>, circulation date 30.0618.

2. Online resource: <https://a-dworkin-ru.livejournal.com/449.html>, circulation date 02.07.18.

3. Davydova M. N. The head of the family: distribution of roles and way to survival. *Social Sciences and modernity*, 2000 No. 4. Online resource: <http://ecsocman.hse.ru/data/730/552/1216/005dAWYDOWA.pdf> and address date 2.07.18.

4. Online resource: <http://www.polithistory.ru/museum/smi/view.php?id=5081> and address date 02.08.18.

5. Online resource: <http://www.magichild.ru/>, accessed 02.07.18.

6. Grof S. Psychology of the future: lessons of modern studies of consciousness / Per. with English. S. Ofertas. - M.: LLC "Publishing AST" et al., 2001. – 476. S. 383.

7. Online resource: https://www.mmm.e-reading.club/chapter.php/83416/0/Gilman_-_Zheltye_obi.html, date of appeal 01.07.18.

8. Butovskaya M. L., the Anthropology of gender. Electronic resource, accessed 13.09.2016.

9. Butovskaya M. L., the Anthropology of gender. P. 222.

10. Online resource: <http://ksmrus.ru/>, accessed 30.06.18.

11. Online resource: <http://eawfpress.ru/blogs/>, accessed 30.06.18.

12. Rozanov V. V. Religion. Philosophy. Culture. - M.: Republic, 1992. P. 188.

КУРБАТОВ
Владимир Иванович
д. филос. н., профессор,
Московский государственный
университет технологий
и управления имени К.Г.
Разумовского, Ростов-на-
Дону, Россия
kurbashy@list.ru

KURBATOV
Vladimir Ivanovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow State University of
Technology and Business
in name of Razumovsky
Rostov-on-Don, Russia
kurbashy@list.ru

ПОПОВ
Александр Васильевич
д. социол. н., профессор
Южный федеральный
университет (ЮФУ),
Ростов-на-Дону, Россия
leravvp@mail.ru

POPOV
Aleksandr Vasil'evich
Doctor of Sociology, Professor,
Southern Federal University
(SFEDU)
Rostov-on-Don, Russia
leravvp@mail.ru

ЩЕРБАКОВА
Лидия Ильинична
д. социол. н., профессор,
Южно-Российский
государственный
политехнический
университет
(НПИ) имени М.И. Платова
Новочеркасск (Россия)
lidia-npi@mail.ru

SHERBAKOVA
Lidiya Il'inichna
Doctor of Sociology, Professor,
South-Russian State Polytech-
nic University
(NPI) named after M.I. Platon
Novocherkassk (Russia)
lidia-npi@mail.ru

Компьютерный андеграунд: субкультурное самоуправление виртуального универсума/Computing underground: subkultur selfmanagement of virtual uni- versume

Аннотация

Современный компьютерный андеграунд представлен как индивидуальными акторами информационного сетевого взаимодействия, так и различными сетевыми on-line сообществами. Глобальная информационная сеть стала зоной социальных, культурных, инновационно-информационных, информационно-технологических, сервисно-сетевых социальных практик, которые представляют альтернативные традиционным социокультурные представления, креативные действия и ориентации и неформальные ценностные позиции, выражающие устремления утвердить право личности на индивидуальную свободу и творческое самовыражение, форматом которых является информационное самоуправление.

Ключевые слова

Компьютерный андеграунд; сетевые сообщества; глобальная информационная сеть; социальные; культурные; инновационно-информационные; информационно-технологические; сервисно-сетевые социальные практики; субкультура; альтернатива традиционным социокультурным представлениям; протест; право личности; индивидуальная свобода; творческое самовыражение; информационное самоуправление.

Abstract

The computer underground are individual actors of Net-communication and Net-communities which has own moral values rules what may be named as subcultural of computer underground. The global information Net is the zone of social cultural innovation-information, information-technological and service practices, which are alternative to traditional sociocultural practices. This subculture has protest orientations and express the aspiration to assert the rights of persons for individual freedom and creative self-expression, subculture selfmanagement of virtual universe.

Keywords

The computer underground; Net-communities; subcultura; innovation-information; information-technological and service practices; alternative to traditional sociocultural practices; rights of persons; individual freedom; creative self-expression.

Исследовательской целью настоящей статьи является анализ специфики, социального смысла и особенностей субкультуры компьютерного андеграунда, а именно, системы креативных, неформальных, альтернативных информационно-коммуникационных практик, которые сформировались в глобальной информационной Сети, которая выражается в том, что данный универсум самоуправляется. Свободное и ничем не ограниченное информационно-коммуникационное взаимодействие является базисной ценностью компьютерного андеграунда и является основой его информационного самоуправления.

Вопросы субкультуры и самоуправления компьютерного андеграунда являются предметом исследовательского интереса многих отечественных и зарубежных авторов, таких как, Д.В. Богданов, Г.В. Градосельская, М. Кастельс, В.И. Курбатов, К.Н. Обухов, Р.С. Селезнев, В.Л. Силаева, Р. Хойслинг и др.. Исследователи указывают на появление новых объектов социально-философского и социологического анализа, такие как виртуальная реальность с ее информационно-сетевыми комьюнити, симулякры, информационно-цифровые фантомы, которые характеризуются специфической природой, принципами и правилами организации, информационной и сетевой структурой, а также присущей им сетевой субкультурой. Информационное самоуправление основывается на принципе структурирования компьютерного андеграунда: этот принцип — суть несистемная система неформальных сетевых комьюнити. Это тип новой социальности: незаформализованной, с отсутствием вертикальных связей и с

полным отрицанием верховенства управленцев.

Субкультура современного компьютерного андеграунда достаточно широко обсуждается в современной исследовательской литературе. В этом отношении достаточно указать на работы И.В. Куприянова, связанные со становлением информационного общества и места в нем компьютерного андеграунда, А. Прохорова, дающего статистические, демографические и профессиональные параметры Рунета, Т.Е. Савицкой, в которых характеризуется история становления компьютерного андеграунда, С. Дрейфуса, работу которого «Компьютерный андеграунд: Истории о хакинге, безумии и одержимости», можно назвать основополагающей в данной области, Т.К. Мэя, обсуждающего крипто-аналитические манифесты, Дж. Мейера и Р. Гордона, рассматривающих компьютерный андеграунд, как социально-информационную организацию и других авторов.

Поскольку компьютерный андеграунд представляет собой совокупность различных сетевых сообществ, существующих на основе информационного самоуправления, представляющих разнообразные социокультурные, демографические, гендерные и профессиональные группы, которые различаются по формам и способам самовыражения, самооценки и самоидентификации в глобальной информационной Сети, но при этом они едины и солидарны в своем отрицательном отношении к сложившейся культуре и утвержденному мировому порядку, то их исследование представляет как теоретический, так и социально практический интерес.

Новая субкультура социального управления, которая выражается в том, что этой системой никто не управляет, и что она управляет сама собой, создает новые субкультурные основания социальности. Данный протест против того, что кто-то должен составлять стратегию управляющих характеризует новую форму организационных, вернее, самоорганизационных основ. Этот протест имеет следующий социальный смысл: представители компьютерного андеграунда консолидируются против использования современных компьютерных информационных технологий для вторжения в личную частную жизнь, против тотального контроля со стороны корпораций и государства за человеком, против подчинения индивида коллективным общественным, корпоративным и государственным ценностям, целям и интересам.

Представленные выше характеристики субкультуры современного компьютерного андеграунда являются универсально-общими и манифестационными принципами. Мы вполне согласны с Д.Д. Щиповой в том, что культура современного компьютерного андеграунда является мозаичной и часто выражается в различных культурных девиациях, распадаясь на субкультуры, различающиеся в связи с этническими, конфессиональными, демографическими, региональными ценностными особенностями.

Такие исследователи, как Д. Гражданов, Р. Руенов, Т. Кушман, Дж.Р. Вильямс и Р.Т. Вуд различают разнообразие идейные особенности субкультуры компьютерного андеграунда, такие как культурное подполье, протестная культура, альтернативная культура, виртуальная культура, дополнительная культура, характеризуя их с точки зре-

ния идейной и ментальной мобильности, внедрения не традиционных культурных практик и своеобразных жизненных культурных проектов, основанных на инновационной культуре, народной, национальной культуре или молодежной культуре.

Компьютерный андеграунд, как обширная социальная группа, характеризуется иерархической структурой, объединенной субкультурными информационными ценностями и представлен следующими социальными группами, которые обозначаются с помощью специального компьютерного сленга, являющегося символами-маркерами, присущими данной группе:

- так называемые юзеры (от англ. «User» - пользователь). Это наиболее обширный и размытый слой сетевых комьюнити;

- так называемые сисопы или системные операторы (администраторы);

- сетевые коммуникаторы, которые руководят деятельностью «сисопов»;

- чистые хакеры, специализацией которых является так называемый «чистый взлом» информационных баз банков данных; «чистота таких действий обусловлена тем, что информационные базы данных взламываются без повреждения, а часто даже с предварительным оповещением тех, кто отвечает за информационную безопасность данной системы (мотивацией их действий является демонстрация своего «хакерского мастерства», критерием которого является умение обнаружить слабые места в защите любой информационной системы;

- хакеры-вандалы, проникающие в чужую информационную систему с осознанной целью нанесения ей ущерба и вреда (мотивацией их действий часто служат различные идейные или псевдо-идейные мотивы в виде протеста против корпоративных и государственных секретов, сокрытия информации от широких «юзерских» масс, чем, по их мнению, нарушается принцип свободы доступа к любой информации;

- так называемые крэкеры или «темные хакеры», которые по собственной инициативе или под действием коммерческого интереса занимаются взломом различных закрытых информационных систем (мотивацией их действий является чаще всего именно коммерческий интерес, который реализуется в подобной бизнес-информационной подпольной деятельности);

- выделяют также некоммерческих крэкеров-пиратов, которые проникают в закрытые информационные системы с целью выложить полученные данные в открытом доступе (они действуют, ориентируясь на право человека в доступе к любой информации, которая в дальнейшем, попав в открытый доступ часто становится компрометирующими материалами, информацией, предназначенной для провокаций или торга);

- так называемые пираты, специализация которых состоит в том, что они осуществляют коммерческие взломы информационных систем с целью копирования и дальнейшей реализации полученной информации;

- так называемые кибер-террористы, которые зачастую связаны с криминальными или действительно террористическими организация-

ми; они используют свои кибер-атаки на информационные системы с целью нанесения максимального вреда противнику, будь государство, государственная корпорация, бизнес-структура или частное лицо;

- так называемые кибер-санитары – определенная часть компьютерного сообщества, которая взяла на себя функции защиты сетевых информационных ресурсов и очистку информационных сетей от сетевого вандализма; моральные кибер-санитары ориентируют свою деятельность на борьбу с недоброкачественной рекламой в Интернете, с распространением через Интернет недоброкачественных товаров и услуг, на борьбу против рекламы проституции, в том числе, детской проституции и проституции, основанной на нетрадиционных ориентациях, на борьбу против порнографии и т. п.;

- так называемые вирмейкеры (от англ. «virus» – вирус, и «to make» – делать, создавать), - это та часть компьютерного сообщества, которая по своей инициативе, либо по заказу соответствующих компьютерных фирм специализируется на создании программ компьютерных вирусов (мотивацией вирмейкеров является либо удовлетворение от результатов своего собственного мастерства в разработке подобных программ, либо выполнение соответствующих заказов, а их моральным оправданием подобной деятельности является убеждение в праве любого человека осуществлять любые манипуляции с информацией и любыми информационными продуктами;

- так называемые вексеры (от англ. «virus exchange» – обмен вирусами), распространители компьютерных вирусов (мотивация их действий примерно такая же, как и у вирмейкеров;

- так называемые кардеры (от англ. «card» – кредитная карта) – криминальная составляющая компьютерного сообщества; члены этого компьютерного сообщества занимаются махинациями с различными кредитными картами: подделка карт, их нелегальное копирование, взламывание банкоматов и других устройств (о противозаконном характере деятельности этой группы не приходится говорить, равно и о том, что мотивом их деятельности является исключительно незаконное обогащение);

В данной криминальной группе принято выделять:

- так называемых трейдеров, создателей и коллекционеров компьютерных вирусов, с помощью которых взламываются банкоматы или банковские счета (мотивом их действий может быть обыкновенное любопытство, страсть к коллекционированию вирусов, стремление создать наиболее «убойный» вирус, чем прославиться, либо коллекционирование вирусов является просто средством обмена;

- так называемых деструкторов – это авторы вредоносных программ, создающие их из чувства любопытства (как действует данная программа) и чувства тщеславия (гордости авторства ее создания); как правило деструкторы не являются распространителями вирусов;

- так называемых кодеров, которые специализируются в создании нестандартных информационных кодов;

- так называемых фрикеров, специализацией которых является незаконное подключение к различным информационным каналам (к телефонным сетям, к сотовым сетям, к компьютерным сетям, к

спутниковой связи, к корпоративным сетям) с широким спектром целей от обычного озорства и хулиганства до коммерческой эксплуатации данных сетей.

Собственно говоря, все хакеры, как члены сообщества компьютерного андеграунда, осуществляющие взломы чужих информационных систем, делятся на так называемых «блэк-хатов» (black hat) – многочисленная группа компьютерного андеграунда, занимающаяся взломом закрытых информационных систем, задачей чего является добыча корпоративной информации с целью продажи, использование взломанных систем как площадку для последующих взломов и вайт-хатов (white hat) – группа, противоположная предыдущей, для которой целью проникновения в чужие информационные системы не являются нанесение вреда и приобретение незаконной наживы; более того, обычно вайт-хаты предупреждают о своей кибератаке и даже подробно описывают процедуру вторжения, давая рекомендации, как системе нужно защищаться.

Другими представителями сетевых сообществ компьютерного андеграунда являются так называемые альтернативщики – это одиночки и или целые группы пользователей, которые порою имеют некоторое отношение к вышеперечисленным группам, но не входят постоянно в то или иное сообщество. Для них характерно использование различных малораспространенных операционных систем, нестандартные медиа-возможности в качестве способа творческого самовыражения (так называемая демо-сцена), различные эксперименты с компьютерными комплектующими, а также самовыражение через нестандартное применение инновационных компьютерных технологий.

Исследование современного состояния субкультуры компьютерного андеграунда показывает, что для подавляющего большинства представителей этого сетевого комьюнити объединяющей идеей является «свобода» и «независимость», которые понимаются как свобода в получении и использовании любой информации и свобода действий с любыми информационными продуктами. В практическом отношении в деятельности акторов, исповедующих подобный принцип как основную ценность субкультуры компьютерного андеграунда, это выражается в обеспечении свободного доступа к закрытым информационным источникам. В иерархии ценностей представителей субкультуры компьютерного андеграунда кроме свободы, на одном из первых мест находится возможность индивидуально-личностного и креативного самовыражения.

В своей основной части члены компьютерного сообщества, исповедующие идеологию субкультуры компьютерного андеграунда, молодые люди, осознавшие преимущества возможностей современных информационных и цифровых технологий. Поэтому субкультуру компьютерного андеграунда можно квалифицировать как часть молодежной субкультуры, акторами которой являются наиболее продвинутые в IT-технологиях и разделяющие протестную идеологию свободы, независимости, идеологии альтернативной культуры, обособленности и индивидуального самовыражения в информационно-коммуникационном взаимодействии. Многие черты самоорганизации субкультуры компьютерного андеграунда,

в частности, такие, как отсутствие централизованного управления, самоорганизация, демократизм, отсутствие вертикальной иерархии, самоуправление и подобные им, являются чертами гражданского общества новой информационной цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Богданов Д.В. Социальные функции Интернета // Вестник Нижегородского университета. Сер. Социальные науки, 2011, № 1. - С. 67-74.

2. Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.социол. н.: М.: 2001. - 23 с.

3. Дрейфус С. Компьютерный андеграунд: Истории о хакинге, безумии и одержимости. - М.: У-Фактория, 2005. - 488 с.

4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. — Екатеринбург: 2004. — 328 с.

5. Куприянов И.В. Компьютерный андеграунд в контексте становления культуры информационного общества. - Автореф дисс. на соиск. уч.степени к. филос. н.: Ростов-на-Дону, 2003. - 24 с.

6. Курбатов В.И. Сетевые сообщества Интернета как социальные конструкты // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. 2012, № 4. - С. 94-103.

7. Курбатов В.И. Сетевые сообщества Интернета: виртуальные фантомы, новые типы социальности или социальные конструкты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012, № 5, - С. 13-19.;

8. Назарчук А.В. Сетевое общество и его осмысление // Вопросы философии, 2008, № 7. - С. 113-120.

9. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. 2008, № 1. - С. 78-85.

10. Прохоров. А. Интернет в цифрах и фактах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.compress.ru/Archive/CP/2006/2/1/>, (дата обращения: 10.03.2011).

11. Савицкая Т.Е. Из истории компьютерного андеграунда: эпоха BBS и Фидонета. Часть 1 // Культура в современном мире. – 2010, No 4. – [Электронный ресурс]. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://activerain.com/blogsview/1978111/how-to-prevent-cyber-crime-plug-the-cyber-leaks-> (дата обращения: 21.02.2012).

12. Силаева В.Л. Интернет как социальный феномен // Социс. 2008, № 11. - С. 45-52.

13. Современное состояние компьютерного андеграунда // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://bugtHYPERLINK«https://bugtraq.ru/library/underground/research.html»raq.ru/library/underground/research.html>, (дата обращения: 06.06. 2004).

14. Хойслинг Р. Контекст и перспективы сетевой теории // Социальные процессы сетевых игр – М.: Логос-Альтера, 2003. – 192 с.

15. Щипова Д.Д. Современная андеграундная культура российских регионов. Авторев. дисс. на соиск. уч. ст. к.культурол. - Спб., 2016. - 23 с

16. Grozdanov D., Ruenov, R. Sofia Underground 1997-2000 / D.Grozdanov, R.Ruenov. - Sofia: Sofia Underground, 2001. - 44 p.; Cushman, T. Notes from underground, rock music counterculture in Russia // Slavic Review. - 1996. - Vol. 55. - 941-942 p.;

17. Williams, J.P. Authentic identities. Straightedge subculture, music, and the Internet // Journal of contemporary ethnography. - Vol. 35. - Issue 2. - 2006. - P. 173-200.; Wood R.T. The straightedge youth sub-culture: Observation of the cobplexity of subcultural identy // Jornal of Youth Studies. 2003. 6(1). - P. 33-52.

18. May T.C. The Crypto Anarchist Manifesto. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.austinlinks.com/Crypto/crypto-anarchist.html> (дата обращения: 03.01.2007).

19. Meyer G., Gordon R. The Social Organization of the Computer Underground. A Thesis Submitted to the Graduate School in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Masters of Arts. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.etext.org/CuD/> (дата обращения: 20.03.2010).

REFERENCES

1. Bogdanov D.V. Sotsial'nye funktsii Interneta // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Ser. Sotsial'nye nauki, 2011, № 1. - S. 67-74.

2. Gradospel'skaya G.V. Analiz sotsial'nykh setey. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. k.sotsiol. n.: M.: 2001. - 23 s.

3. Dreyfus S. Komp'yuternyy andegraund: Istории o khakinge, bezumii i oderzhimosti. - M.: U-Faktoriya, 2005. - 488 s.

4. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetne, biznese i obshchestve / Per. s angl. A. Matveeva pod red. V. Kharitonova. — Ekaterinburg: 2004. — 328 s.

5. Kupriyanov I.V. Komp'yuternyy andegraund v kontekste stanovleniya kul'tury informatsionnogo obshchestva. - Avtoref diss. na soisk. uch. stepeni k. filos. n.: Rostov-na-Donu, 2003. - 24 s.

6. Kurbatov V.I. Setevye soobshchestva Interneta kak sotsial'nye konstrukty // Gumanitarniy Yuga Rossii. Nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. 2012, № 4. - S. 94-103.

7. Kurbatov V.I. Setevye soobshchestva Interneta: virtual'nye fantomy, novye tipy sotsial'nosti ili sotsial'nye konstrukty // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2012, № 5, - S. 13-19.;

8. Nazarchuk A.V. Setevoe obshchestvo i ego osmyslenie // Voprosy filosofii, 2008, № 7. - S. 113-120.

9. Obukhov K.N. Set' kak sotsial'naya struktura: model' setevoy kommunikatsii v teorii M. Kastel'sa // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2008, № 1. - S. 78-85.

10. Prokhorov. A. Internet v tsifrakh i faktakh. – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.compress.ru/Archive/CP/2006/2/1/>, (data obrashcheniya: 10.03.2011).

11. Savitskaya T.E. Iz istorii komp'yuternogo andegraunda: epokha BBS i Fidoneta. Chast' 1 // Kul'tura v sovremennom mire. – 2010, No 4. – [Elektronnyy resurs]. - [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://activerain.com/blogsview/1978111/how-to-prevent-cyber-crime-plug-the-cyber-leaks-> (data obrashcheniya: 21.02.2012).

12. Silaeva V.L. Internet kak sotsial'nyy fenomen // Sotsis. 2008, № 11. - S. 45-52.
13. Sovremennoe sostoyanie komp'yuternogo andegraunda // [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: URL: <https://bugtraq.ru/library/underground/research.html>, (data obrashcheniya: 06.06. 2004).
14. Khoysling R. Kontekst i perspektivy setevoy teorii // Sotsial'nye protsessy setevykh igr – M.: Logos-Al'tera, 2003. – 192 c.
15. Shchipova D.D. Sovremennaya andegraundnaya kul'tura rossiyskikh regionov. Avtorev. diss. na soisk. uch. st. k.kul'turof. - Spb., 2016. - 23 s
16. Grozdanov D., Ruenov, R. Sofia Underground 1997-2000 / D.Grozdanov, R.Ruenov. - Sofia: Sofia Underground, 2001. - 44 p.; Cushman, T. Notes from underground, rock music counterculture in Russia // Slavic Review. - 1996. - Vol. 55. - 941-942 p.;
17. Williams, J.P. Authentic identities. Straightedge subculture, music, and the Internet // Journal of contemporary ethnography. - Vol. 35. - Issue 2. - 2006. - R. 173-200.; Wood R.T. The straightedge youth sub-culture: Observation of the cobplexity of subcultural identy // Jornal of Youth Studies. 2003. 6(1). - R. 33-52.
18. May T.C. The Crypto Anarchist Manifesto. – [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: URL: [http:// www.austinlinks.com/Crypto/crypto-anarchist.html](http://www.austinlinks.com/Crypto/crypto-anarchist.html) (data obrashcheniya: 03.01.2007).
19. Meyer G., Gordon R. The Social Organization of the Computer Underground. A Thesis Submitted to the Graduate School in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Masters of Arts. – [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: URL: <http://www.etext.org/CuD/> (data obrashcheniya: 20.03.2010).

МАРТЫНЕНКО
Владимир Владимирович,
главный научный
сотрудник Федерального
государственного
бюджетного учреждения
науки Института
социально-политических
исследований РАН, доктор
политических наук; Москва,
Россия
rptb@mail.ru

MARTYNENKO
Vladimir Vladimirovich, chief
researcher, Federal state bud-
getary institution of science, In-
stitute of socio-political studies,
Russian Academy of Sciences,
doctor of political Sciences;
Moscow, Russia
rptb@mail.ru

МАРТЫНЕНКО
Сергей Владимирович,
ведущий научный
сотрудник Федерального
государственного
бюджетного учреждения
науки Института
социально-политических
исследований РАН, доктор
политических наук, Мо-
сква, Россия
sergeymartynenko@hotmail.
com

MARTYNENKO
Sergey Vladimirovich, leading
researcher, Federal state bud-
getary institution of science, In-
stitute of socio-political studies,
Russian Academy of Sciences,
doctor of political Sciences,
Moscow, Russia
sergeymartynenko@hotmail.
com

Деньги как предмет междисциплинарного исследования кредитных отношений/Money as the Subject of Interdisciplinary Examination of Credit Rela- tions

Аннотация

Исследуется феномен социальной неотрефлексированности денег и кредита, узурпации кредитогаммы социума властными структурами. Рассматривая деньги как социально написанную конституцию общества, автор выявляет необходимость синтеза социальных, политических, экономических и правовых дисциплин в построении теории денег, ее внутреннюю связь с теорией кредита как операции по социальному программированию общества.

Ключевые слова

Общество; деньги; социальная процессуальность кредитной и страховой деятельности; государство; власть; банковское регулирование.

Abstract

The subject of research is the phenomenon of the social non-reflexivity of money and credit as well as the usurpation by power structures of the credit description of the social stratum. Considering money as a socially written society constitution, the author reveals the need for the synthesis of the social, political, economic, and legal sciences in the construction of the theory of money, the internal connection of such theory with the theory of credit as an operation for the social programming of society.

Keywords

Society; money; social procedure of credit and insurance activity; state; power; banking regulation.

Обозревая современную ситуацию в области теоретических исследований, ведущихся в социологии, политологии, экономике, юриспруденции, культурологии, приходится констатировать такой почти необъяснимый и невероятный факт: теория денег, с незапамятных времён пронизывающих все аспекты человеческой жизни, оказалась покинутой социальным знанием, которое пока не смогло ответить на междисциплинарный вызов современности. Но покинув теорию денег в своём сознании, общество оказалось покинутым всем социальным капиталом. Эта покинутость отразилась не только в общежитийном парадоксе желания денег как таковых, но и в искусственном пропагандировании валютно-золотого фетишизма (сознательной или бессознательной подмены конструкта денег пробирной функцией степени его защиты). Вспомним куплеты Мефистофеля из оперы «Фауст» (Акт 1, сцена 3) композитора Шарля Франсуа Гуно: *Le veau d'or est toujours debout// On encense sa puissance// On encense sa puissance// D'un bout du monde à l'autre bout! //...// Où brille l'ardent métal!..// Où brille l'ardent métal!..* В переводе на русский язык песня в разное время исполнялась Фёдором Шаляпиным, Марком Рейзенем, Муслимом Магомаевым. В переводе П.И. Калашникова эти куплеты звучат так: «На земле весь род людской// Чит один кумир священный,// Он царит над всей вселенной,// Тот кумир – телец златой!//...// Люди гибнут за металл,// Люди гибнут за металл!..» В трагедии «Фауст» присутствуют глубокие историко-философские смыслы – особенно во второй части: от попытки создать очередное Анти-Евангелие до рассмотрения многих насущных научных задач современной науки. Здесь, в частности, проступает вполне очевидно осознание феномена кредита в обществе, о чем свидетельствуют фрагменты, описывающие поиск инвестора для теоретических изысканий, которые, возможно, обретут технологическое воплощение в будущем. И такой инвестор в пространстве социальности всегда присутствует, по крайней мере, в качестве анонимного кредитора. В трагедии его представляет дьявол в образе Мефистофеля, напоминающего – образ этакого коммерческого банка, занятого поиском перспективных, потенциально выполнимых проектов: «И стали мы лечить. Удвоились мученья: Больные гибли все без исключения...» Эти изыскания необходимо довести до логического конца на теоретическом уровне знаний. А контракт, заключённый с Фаустом, есть всего-навсего банальный кредитный договор, окутанный

в тогу магии и, естественно, в обеспечение кредита (залог дьяволу) отдаётся душа (контаминация научного опыта, навыков способностей и знаний Фауста). Здесь речь идёт о различных сторонах кредитного договора и непростых условиях последнего. Даже сам термин «дьявол» воспринимается нами как что-то необычайное, что характерно для религиозных представлений: злой дух, чёрт. Традиционно значение слова «дьявол», «сатана (истина)» выводят из древнегреческого слова διάβολος – клеветник. Даже беглый этимологический анализ термина показывает, что за ним скрывается просто физическое лицо (кредитный контрагент). Фактически вводя образ дьявола как отрицательного героя в паре с положительным – Фаустом, Гёте мыслит человечество как работчика дидактического материала. Синописис первой части трагедии артикулирует попытку Мефистофеля возвратить Фауста к активной социальной жизни: «Пусть чередуются весь век// Счастливый рок и рок несчастный.// В неумоимости всечасной // Себя находит человек». Другими словами, человек должен быть вовлечён в социум на острие усилия и альтруизма: оказывая услугу обществу и не требуя ничего взамен, кроме признания (акцепта) его прав в будущем. Следовательно, несмотря на свою универсальность, и деньги и кредит оказались категориями, социально не отрефлексированными, не освоенными социальным мышлением личности. Это произошло, в частности, из-за того, что созданная самим социумом его собственная кредитограмма была узурпирована властными кругами, администрирующими его повседневное существование. Искажённая до неузнаваемости, она была представлена как основа для положительного права, то есть права устанавливать государственные законы, а, следовательно, права устанавливать само государство. Более того, исчезнувшая под тойгой положительного права и эмиссионной деятельности власть предержащих, эта естественная кредитограмма общества даже не была осознана научным сообществом, хотя естественным образом превалировала в социальной практике. Можно, например, исследовать систему расчётов Хавала (арабский перевод «قبلاوح» – «передача») или её современную кальку – пиринговые системы расчётов, основанные на так называемых криптовалютах: Bitcoin, Bitcoin Cash, Ethereum, Zcash и многих других (на момент написания настоящей работы в активном и неактивном состоянии находятся около 200 криптовалют. Мы являемся свидетелями того, как многие страновые образования пытаются взять эти системы расчётов под свой контроль. Хотя сам факт их появления связан с преодолением этого контроля, возникновение таких систем расчёта внутренне связано с завуалированной попыткой осознания того, что есть социальный феномен денег и в чем его суть). Появление и существование таких естественных систем расчётов есть естественная попытка дать исследователям материал для осознания иллюзорного факта, что так называемые фиатные¹ валюты – бумажные банкноты или монеты, ценность которых якобы гарантирует государство в социальном аспекте, являются фикцией. Так что большинство учёных продолжает пребывать в ситуации сохраняющейся неопределённости относительно концепта денег, сводя понимание их природы только

¹ От латинского слова *fiat* — декрет, указание, «да будет так». Существует еще термин «фидуциарные деньги» (от латинского слова *fiducia* — доверие), обозначающий, по сути, кредитные деньги. Но история и использование этих терминов настолько

к экономическому феномену (хотя сам экономический феномен должен представляться как производная социальности). Сумятица в воззрениях на социальную проблему денег, нарушение логики финансового диалога в обществе во многом определяют окрестности бездны, несущей в себе большой разрушительный потенциал. Дело в том, что на краю этой бездны вырастают в том числе и мыслительные структуры, препятствующие образованию необходимых для общества социальных и государственных институтов. Они создают пусковой механизм для разрастания нерациональных, социально убогих очагов власти, среди прочих характеристик цинично называемых демократическими или народными. Их существование невозможно рационально объяснить с точки зрения элементарной социальной логики. Получается как в песне Владимира Высоцкого: «...много горя над обрывом, а в обрыве – зла!». Отношение представителей власти к проблеме денег всякий раз формируется на основе узкого горизонта их эгоистических устремлений, что весьма деструктивно для социальной жизни, поскольку подталкивает общество на разрушительный путь ущербных социальных экспериментов, заставляет его наступать на одни и те же псевдореформаторские грабли. Даже в странах с так называемой развитой экономикой, которые в своём историческом движении сумели не только набить себе шишки, но и извлечь необходимые и полезные уроки из прошлого исторического опыта, идеология денежной политики, социальная теория кредита зачастую идут вразрез с требованиями развития социума.

Сам кредит – это последовательный социальный смысл, явленный обществу на определённом отрезке времени и распределённый во времени. Эта временная ротация придает социальному смыслу тот жизненный тонус, который оптимальным образом поддерживает страховую имплементацию социальности. Речь идет о различных видах страховой деятельности (собственно страховании, или первичном страховании, перестраховании, состраховании, взаимном страховании), которые в комплексе обеспечивают страховую защиту общества. Здесь важно подчеркнуть, что делимость кредита, то есть возможность разбить его на части, и есть страховка. Вовлеченность в кредит целых социальных страт общества – гарантов, контрагентов по выполнению услуг, привлечённых дебитором, или контрагентов по контролю за исполнением кредитного договора, привлечённых кредитором, – и есть страховка, то есть снижение риска для одного социального субъекта: «на миру и смерть красна», «с миру по нитке – бедному рубашка». Социум-кредитор всегда это осознает на каком-то интуитивном уровне. Так что условиями кредита являются временная составляющая и делимость, в совокупности они дают страховой концепт общества.

В качестве примера можно вспомнить ограничения, существующие в избирательных системах многих современных государств в виде ограничений по сроку пребывания на определённых выборных должностях в государстве.

Попытки убрать из конструкции кредита временную составляющую приводят к формированию примогенитур различной онтологии – от тщательно запутаны специалистами, что мы сознательно не вдаемся в распутывание этого клубка, а используем его здесь как дань существующему словарю.

агнатической (известной как салическая) до когнатической. Время – наиважнейший аргумент функции кредита. Временные промежутки существования конкретных кредитных инструментов – это залог ротационной составляющей страховой традиции социальности.

В сущности, кредит есть операция по социальному программированию общества, его алгоритм, способ генерирования социальности. Если воспринимать кредит и закон как синонимы, то тогда кредит можно трактовать как закон общества, его конституцию. *Можно сказать, что кредит – конституция жизни, закон сохранения и развития общества, страхового наполнения его потенциала.* Кредит как социальный закон формирует не только экономические и политические устои общества, но и универсальную кривизну социального пространства.

Кредитное дело архисложно. Когда и если кредит случается, это значит, что существует сеть искусственных артерий для реализации человеческих возможностей и качеств через сложную структуру и формализацию общественной жизни, ее алгоритм.

Без кредита мы в ситуации социального запустения – в смысле превращения общества в антропологическую пустыню, где выветриваются формы, которые ранее выстраивались человеком так, чтобы не ушли в песок его базовые стремления и потребности. Без кредита человечество, по сути, становится осиротелым. Исчезнут потенциально активные его члены, каковыми являются сами кредиторы, потеряется знание, которое они несут с собой. De facto этого, правда, не происходит потому, что кредит – как ДНК социальности – невозможно уничтожить. Иначе остановится жизнь.

Кредит – это и есть имя общества! А деньги – его Конституция! Оформляемая с ее помощью государственная логистика мыслится нами как страховая суперпозиция общества!

Социальная ткань имеет такую композицию, что в виде её собственных расчленений и артикуляций кредитно представлено всё то, что есть в человеке; всё то, что прокредитовано, случается в социуме, потому что человек так устроен.

Итак, в ткани общества должны быть представлены кредитор, дебитор и другие субъекты кредитной акции. Если у человека есть материальные потребности и связанные с их реализацией страховые вещи, то в структуре общества должны быть представлены институты, занимающиеся кредитованием; если в обществе есть кредитный элемент, то он должен быть представлен и в социальном разделении труда. Социальное положение дел устанавливается игрой кредитных пропорций. Кредит не есть отдельное качество, которое может быть локализовано в каком-то «огороженном» месте общества и в нем прорабатываемо кредитным разумом.

Человеческая жизнь разрушается, если она, например, вследствие смерти от несчастных случаев, техногенной или природной этимологии не представлена страховой тканью. На интуитивном уровне это вполне очевидный феномен. Научные знания – от медицинских до инженерных – выстраивают страховую имплементацию: от санитарных норм до норм взаимной безопасности. Для людей, у которых нет кредитной и страховой представленности того, что есть на уровне эксплицитной

гражданской жизни, блокируются возможности развития. Они у них в принципе иные в силу отсутствия страховых пространств. То, что доступно людям, реально осуществимо только тогда, когда есть пространство кредитования и его прояснения. Другими словами, когда люди погружены в социальность, она, как подушка безопасности в автомобиле, гарантирует тот необходимый минимум страховой вовлеченности, который позволяет существовать общежитийности общества.

Кредит – это закон интеграла действия, требующий тождества активности, которая уложена в эмпирические индивиды (являющиеся узлами графов социального развития: кредитор, дебитор и их анонимные ипостаси). Здесь социальная энергия находит себе выход через кредитные структуры. Это энергия, протекающая через кредитную структуру и открывающая в ней пространство для своего движения, трансформации, развития.

Определенные социальные силы и качества, спродуцированные в кредитном переплетении, – это одно, а та форма, в которую они отлились и внутри которой происходит социализация всё нового и нового материала, – совершенно другое.

Теория кредита анализирует социальный мир, снимая с него антропологический облик. И то, что наука о кредите называют приложением к чему бы то ни было, – недоразумение, потому что в кредитном кластере выполняется напряжение, благодаря которому каждый раз посредством существующего кредитного знания производится другое знание, но это знание не должно обладать ограничением кредитной размерности.

Теория кредита – это достаточно контролируемое явление, а построение социальных порядков кредитования предполагает массовость алгоритма. И социальная ткань может выдержать такое напряжение, а может и не выдержать – в зависимости от положительности или отрицательности сводного баланса общества в данный исторический момент. Одно дело – найти смыслы и значение кредита, которые анализируются в социологии. Совсем другое – когда заходит речь про инерцию событий, в которых участвуют массы. Мы имеем в виду события, которые и формируют, а фактически и сформировали, современное общество.

Современная социально-утопическая, как бы экономическая, концепция кредита является во многом социально-политической алхимией. Будучи приверженной утверждению о природе современного общества, о характеристике происходящих в нем кредитных акций, эта концепция не дает описания действительности общества, его кредитной истории. Не понимая, как формируется кредитная история общества, то есть не осознавая, как генерируется сама социальность, и не извлекая уроков из опыта кредитной истории, не создавая новые словари теоретических смыслов социальности, человечество не может выбраться из трясины этой социальной алхимии. Ожидание алхимического чуда на определенном этапе истории перечёркивает теоретический потенциал познания социального. Ясно, насколько это опасно, в особенности в условиях формирования связей между людьми лишь через идеологию. Ведь любая идеология есть не что иное, как

монополия, преимущество, высказанное в удобной маркетинговой форме; она возможна только в неконструктивной страховой ситуации в обществе. Идеологическая конструкция подменяет возможности страховых инструментов перестраховки рисков бенефициаров социальности. Идеология – это всегда слом живой социальности, консервация потенциала социальности в рамках «лагерного» типа администрирования общества. Более того, идеология представляет собой флаг той социальной группы, которая в конкретный исторический момент выступает как узурпатор страховой идентичности общества, его могильщик, а сформированные ей псевдостраховые механизмы, типа сословного деления в его различных аспектах, лишь консервируют на определённый период страховой застой общественной среды.

Есть кредитное мышление, а есть элемент социальной алхимии. Нам придется встречаться с какими-то вещами, с какими-то теоретическими документами, выражающими алхимическое сознание (представленное, например, в централизованном маскараде эрзац-институтов социальности, утверждающих этот алхимический монополизм; например, функционирование центральных банков во многих современных странах с их парадоксом независимости-зависимости от правительств упомянутых стран). При этом нам нужно понимать, что не в теории здесь дело, не в описании, а в глубинных процессах, определяющих соизмеримость и несоизмеримость социальных величин.

Кредит – это нейтрализация конечности человека, которая неустранима. Нейтрализовать конечность человека может только работа во времени устроенных кредитных механизмов, ни один из которых в силу внутреннего устройства социальности не совершенен.

Классические теории кредита склонялись к тому, что социокредитные связи человека сами по себе уже есть нечто готовое, что они устанавливаются путем контракта или договора между людьми. Идея общественного договора, которая была основным понятийным основанием социальной теории, в этом и состояла. Самое слабое место этой идеи заключается в том, что не понятно, в какой момент люди вступают в договор и как они понимают, что такое договор? Истоки классической теории – в оправдании идеи государства как монопольного органа этого общественного договора. В некоторых теоретических экзерсисах при обосновании тех или иных способов захвата государственной власти присутствует идея отмирания государства как такового (марксистский подход): нет государства – следовательно, отсутствует законодательное поле для наказания за узурпацию властных полномочий в отсутствующем (умершем) государстве. Эти экзерсисы свидетельствуют о непонимании (или сознательном введении научной общественности в заблуждение) сущности государства как страхового, защитного механизма общества. В этой ситуации оператор кредитования становился социально бессильным. Как и любая утопическая идея, скрывающая истинную цель – монополизацию власти, идея общественного договора скрывает эту цель идеально: государство возникает как форма согласия всех, а, следовательно, никого. Поэтому у власти оказываются только группировки, монополизирующие страховую идею общественных

отношений: «на всех не хватит». Она указывает на то, что люди действительно вступают в какие-то отношения по своей воле, хотя со «своей волей» каждого знакомили силой.

Страховые же отношения являются отношениями кредитования и взаимной выгоды. Вступая в кредитные отношения, каждый от чего-то отказывается (при этом устанавливаются минимальные ставки), и все соглашается на ограничении поля деятельности, чтобы выполнять и соблюдать правила договора, чтобы складывалось устойчивое кредитное состояние.

Всеобщий кредит, социальный кредитный договор, а не кредитный договор как текст, получаемый нами в любом финансовом учреждении, – это социальная конституция, которая никогда не была записана, которой нигде нет и которая никогда не будет зафиксирована, да и не должна. Как можно зафиксировать жизнь с ее разнообразием? Так что эту социальную конституцию даже наглядно представить себе нельзя. Но осознать и понимать её – наша задача. По крайней мере, на уровне этого исследования...

Социальная жизнь возможна постольку, поскольку люди постоянно что-то решают по поводу кредита, имея его в виду и мысля его. Приведем в качестве ещё одного примера, являющегося проекцией глобального кредита на ось индивидуальности, ось личности; ось, формирующую репер социальности общества, – частную собственность на интеллектуальный потенциал личности, зафиксированный в обыденной, общепринятой юридической форме или не зафиксированный. Это то, что иногда в англоязычной литературе называется «копирайтом» (©) или авторским правом. Это исключительное право на созданную человеческим талантом продукцию, но, как и любой актив, такое право может быть основой кредитного соглашения, может передаваться другим людям или организациям для распространения и производства. Оно имеет вполне предметный референт и эмпирическую аналогию в возможных кредитных договорах, хотя сам символ этого права несёт другой, нереализуемый смысл. То есть кредит представляет какую-то действительность в нашей собственной действительности. Это форма программы, заложенная в ДНК социальности. Процесс коммуникации задействует различные антропологические функции; в совместном существовании людей эти функции незаметно модифицируются в программу общения, которая уже и есть форма кредитных отношений.

Кредитные смыслы являются тем еще не исследованным запасом, из которого мы черпаем возможности для социально-политической и экономической терминологии, в которой можем описывать поддающиеся решению проблемы общества.

Через кредитную действительность в обществе должно быть представлено структурное видение всего, что есть в человеке. В публичном пространстве гражданского общества – в виде институций – должен существовать кредит. Точнее кредитные индикаторы социальности и представлены в обществе институциями различной кредитной этимологии – от исполнительных конструкций администрирования обществом до медийной инфраструктуры последнего. Более того, как синонимом социальности кредит и имплементирует пространство

гражданского общества с его институциональной конструкцией. Причём институты гражданского общества не висят в воздухе и не появляются непонятно откуда, они вместе с институтом государства – таким же индикатором социализации общества – выполняют страховую функцию, а именно страхуют кредитные контракты, то есть социальные связи между людьми – членами общества, социальными субъектами. Скрепляя общество и формируя социальность, они страхуют не только от нанесения вреда третьими лицами, но и от самих фундаторов этих кредитных контрактов. Эти институты защищают сам потенциал существования социальности, а, следовательно, и само общество.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

ГУЗЕНИНА

С.В.

кандидат социологических
наук, доцент ФГБОУ

ВО «Тамбовский
государственный

университет имени

Г.Р.Державина», Тамбов,

Россия

dialog-lana@yandex.ru

GUZENINA

S. V.

PhD in sociology, associate

Professor, Tambov state

University named after G. R.

Derzhavin, Tambov, Russia

dialog-lana@yandex.ru

Любовь к Родине как разговор с Богом: к вопросу о духовных ценностях «русского мира»/ Love to the Motherland as a talk with God: to the question of the spiritual values of the «Russian world»

Аннотация

Статья затрагивает важнейшие аспекты духовно-метального пространства и особенностей формирования коллективного сознания «русского мира». Автор обращается к анализу концепций русских религиозных мыслителей, в которых понятие любви выступает центральной, смыслообразующей доминантой жизни человека. При таком миропонимании, любовь к Родине раскрывается как форма общения и духовной коммуникации с Богом. Автором статьи отмечается, что религиозные ценности и сегодня органично вплетены в менталитет русского этноса, стали частью русской духовной традиции. Живущие в секуляризованном мире мегаполисов и провинций, современные россияне, в процессе социализации по-прежнему обретают общие ценности родной этнокультуры и духовный опыт любви к Родине в единстве с ежедневными традиционными практиками организации личного бытия.

Ключевые слова

Любовь к Родине; духовные ценности; русская культура

Abstract

The article touches upon the most important aspects of the spiritual and metrical space of the Russian world and the features of the formation of the Russian collective consciousness. The author turns to an analysis of the concepts of Russian religious thinkers, in which the concept of love is the central, the semantic-forming dominant of human life. With this understanding, love for the Motherland is revealed as a form of communication and spiritual communication with God. The author of the article notes that religious values are organically intertwined today in the mentality of the Russian ethnos and have become part of the Russian spiritual tradition. Living in the secularized world of megacities and

provinces, modern Russians, in the process of socialization, still gain the common values of their native ethnoculture and the spiritual experience of love for the Motherland in common with the daily traditional practices of organizing personal being.

Keywords

Love to Motherland; spiritual values; Russian culture

Не является новостью тот факт, что научные споры в рамках современной социально-гуманитарной науки сосредоточены на настоящий момент, в основном, на методологических вопросах пересечения радикально противоположных парадигм, речь идёт о постмодернистской теории и научных разработках периода модерна. Социологическое сообщество должно определяться в своих приоритетах довольно ясно и скоро, поскольку долгий поиск приемлемой методологии отнимает у исследователя саму возможность научного анализа, выводя его за хронологические рамки проблемы, которая может стать неактуальной, архаичной, трансформированной, решенной, резко и плавно перемещенной в поле социального конфликта и так далее.

Речь здесь идёт, собственно, и о самой возможности научной рефлексии. Постмодернизм практически перемещает нас в пространство хаоса о калейдоскопично мерцающих смыслах, позитивизм - уводит в язык цифры, что также не всегда уместно, особенно когда предмет научного изучения хрупок, вариативен, ситуативен, подвержен изменениям, или находится в следующей исторической/ эволюционной стадии оформления.

Перед такой методологической дилеммой пути меж Сциллой и Харибдой стоит сегодня каждый ученый, в том числе, анализирующий феномены духовной жизни, которая уже сама по себе выступает сложным предметом исследований в социологии, однако применение постмодернистской методологии нивелирует её изучение вовсе, сводя систематизацию, классификацию и формулировку любых закономерностей к нулю.

Тем не менее, научная разработка актуальных вопросов в проблемном поле социологии культуры и духовной жизни продолжается.

Коднимизнихнасегодняшнийденьотноситсяосмыслениедуховных и социокультурных оснований российской идентичности, осознание феномена образа Родины, поиск места образа Родины в структуре русского национального сознания и самосознания, выступающего базисом этнической идентичности русских. Более того, можно привести немало реальных примеров, когда властью, интеллигенцией, представителями общественных структур и отдельными лицами предпринимаются настойчивые попытки поиска духовных основ общего социокультурного бытия, в поле которого условности социальной структуры и социального неравенства минимизируются. Такие усилия, разумеется, базируются уже не на экономической, идеологической и политической платформе, но на формулировании единства ценностей культуры, общности исторического прошлого, религии, составляющих поле единой коллективной духовности и менталитета.

Указанные тенденции весьма очевидно обозначились и в России, находящейся в периоде духовной трансформации после потери ценностных ориентиров недавнего советского прошлого. Безусловно, главным сегодня становится понимание необходимости существования устойчивых комплексов духовных ценностей, и как указывает российский историк П.Б. Уваров, здесь нет места неопределенностям в стиле философии и социологии постмодернизма, поскольку само наличие духовных ценностей имеет «одно-единственное основание: абсолютную, безотносительную, неизменную точку отсчета, позволяющую существовать некоему образцу, эталону. Особенно ярко это требование заявляет о себе в области морально-нравственной, где бесосновность, относительность фактически упраздняют этот важнейший культурно-исторический регулятор человеческого поведения»¹.

Приняв, вслед за классиками социологии, точку зрения о существовании, все же, научной систематизации и возможности обобщений, отметим наличие значимых черт, ярко характеризующих и отличающих «русский мир», то есть мир русской культуры. При этом, соглашаясь с З.В.Сикевич, которая указывает, что «титульный народ-русские – во все исторические периоды превышал другие этнические группы, представляя собой национальное большинство не только в правовом, но и в количественном отношении»², подчеркнем, что русским в современном мире может считать себя не только человек, который родился и вырос в России (этнофор), но разделяющий ценности русской культуры, принимающий духовность «русского мира».

Такое единое духовное поле формировалось веками и имеет определенные особенности, в силу полиэтничности нашего государства, однако остается неоспоримым фактом того, что «русский язык и русская культура в целом во все времена служили и до сих пор ещё служат объединяющим началом для всех народов, оказавшихся в разные периоды в составе Российского государства»¹.

Назовем наиболее яркие черты, составляющих первоначально систему славянского, а затем и русского менталитета:

- под первостепенностью в жизни каждого человека ещё древними славянами выделяется присутствие в жизни людей любви, соединенности мужского и женского начал, отмечалась и важность чадолубия;

- галерея мужских и женских образов в древней западной и восточной славянской мифологии однозначно демонстрирует равенство мужчины и женщины;

- славян всегда отличало умение защищать свой дом, могли решать большие военные задачи, поскольку умели терпеть, страдать, нести лишения, но всегда побеждать;

- известно общее гостеприимство славян, редкое в других землях: всякий путешественник был священен, встречали его с лаской, угощали с радостью, провожали с благословением.

Одной из самых значимых, атрибутивных характеристик славянской и, в частности, русской культуры, выступает сакральное

¹ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. Серия «АИРО–МОНОГРАФИЯ». М.: АИРО–XX. 2005. с.14.

отношение к Родине. Смысловое символическое значение образа Родины может быть обозначено через невидимую обоюдную духовную связь, незримое присутствие в жизни человека Родины как вечного и неизменного, *обобщенного Другого*. Родина в русской культуре предстаёт как масштабное высшее духовное начало, данное человеку в думах о смерти, предках, личной ответственности за будущее своих и чужих детей, в убеждениях о необходимости честно трудиться, в мыслях о сохранении красоты родной природы и даже огорчениях о неудачах в спортивной жизни страны. Человек с акцентированным образом Родины апеллирует к нему почти всегда, этот образ неизменно присутствует в любом акте социального поведения, выражающего отчуждение общественной жизни, образ Родины же выступает границей такого отчуждения. Собственно, речь идет о таком отношении человека к Родине, когда при любых социальных условиях не меняется качество этого отношения, поскольку искренне любящий Родину человек не руководствуется принципом «где хорошо, там и Родина».

В этом ключе довольно масштабно указанная тема раскрывается в работах величайших представителей русской религиозно-философской мысли, где передана мысль о *бескорыстии* любви, а также её фундаментальности, которая и составляет базис мироотношения, мировоззрения и менталитета русского человека.

У Н. Бердяева читаем: «Любовь наша к России как и всякая любовь – произвольна, она не есть любовь за качества и достоинства, но любовь эта должна быть источником творческого созидания качеств и достоинств России»¹. Таким образом, и человека, и родину мы любим не «потому что...», а «несмотря на...», имея ввиду целый комплекс качеств, которые в любви оказываются не слишком важными. Особенность любви к Родине состоит в том, что практически никакие социальные, природные и культурные факторы не влияют на её зарождение, однако они оказывают весьма значительную роль на её развитие, становление, эволюцию. Зрелая личность вполне сознаёт факт того, что Родина должна быть сильна и благополучна, однако русский философ В. Розанов замечает: «счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша мать пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе – мы не должны отходить от неё...»².

Жертвенность любви вполне логично выходит у русских мыслителей и на макроуровень, ясно раскрываясь не только в гендерной любви, но и в патриотизме. Ментально-духовное понимание любви в России не столько теория, сколько практика её воплощения по отношению не только к Родине, близким людям, но и к совершенно незнакомым, чужим, далёким, и даже врагам. В России достаточно много своих социальных проблем, сирот, нищих, стариков, больных детей, однако сознание русского человека не позволяет ему быть

¹ Сикевич З.В. Этничность и современное общество // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества/Под ред. Е.В.Семенова.- СПб.: Изд-во С.- Петерб.ун-та,2005.с.72.

² Сикевич З.В. Этничность и современное общество // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества/ Под ред. Е.В. Семенова.- СПб.: Изд-во С.-Петербург.ун-та,2005.с.72.

жестоким, а приказывает жить «по-совести», то есть – жалеть и делиться даже последним с теми, кому необходима поддержка, идти на помощь, слушать и слышать, раскрываться в своей искренности и вселенской любви, совсем не ожидая встречного ответа. Так русский человек несёт в своей душе образ Родины: в этом акте святость и жертвенность соответствующая коллективному сознанию, ибо существует нравственный императив «невозможно для нас поступить иначе», который ясно разграничивает дела, сделанные «по-Божески» и те, что случились «не по-христиански».

Русский философ мирового значения В.Соловьёв, показывает смысл любви к Родине в концепции всеединства через сизигическое отношение и всеобщность¹. Всеединство есть целое, в котором каждая часть находит своё место, обретает свой смысл и при этом не теряется, не растворяется, как и в игре симфонического оркестра, где каждый инструмент, вписываясь в общую музыкальную гармонию, сохраняет своё значение и самостоятельность. По убеждению В. Соловьёва, христианство – это не только вера в Бога, но и вера в человека. Поскольку в Христе соединились две природы, это должно произойти и в человеческом обществе, и в коллективе. В двойственности, в промежуточности человека, который является связующим звеном между божественным и природным миром – и трагизм положения, и надежда, и подаренная человеку XXI века через любовь возможность на обретение духовных вершин. Для христианина всегда актуальна главная истина – церковь приводит нас к Богу, Бог даёт человеку надежду через любовь, в том числе и через любовь к Родине. Христианин-славянин не может быть одинок, ведь Бог всегда в его сердце, Родина так же.

Мыслители русской земли едины в мнении о том, что если христианская любовь к ближнему, дальнему, к Другому, не может быть обретена, то Бог и здесь не оставляет человека, поскольку даёт ему шанс на спасение через любовь к Родине. В этом смысле любовь к Родине верующий человек выбирает для себя как форму общения и духовной коммуникации² с Богом, при этом, что немаловажно – такое решение человек принимает самостоятельно, согласно христианскому учению о свободе воле.

Отметим, что религиозные ценности и сегодня органично вплетены в ментальное пространство русского народа, стали частью русской духовной традиции. Автор солидарен с исследователем О.Н. Мягковой в том, что доминанта совокупности компонентов этнического сознания неизменно играет решающую роль в определении этнической принадлежности, при этом, она может утратить это значение лишь в результате ассимиляции.

Важнейшим актором социализации и трансляции ценностей этнической культуры в каждом обществе выступает семья, поэтому в условиях сохранения основных факторов существования народности, и при нормальной смене поколений, устойчивый комплекс компонентов самосознания воспринимается следующим

¹ Бердяев Н. Смысл творчества/ Николай Бердяев. – М.АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. с.145.

² Розанов В. Опавшие листья/ В.В.Розанов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 26.

поколением почти наследственно, в процессе семейного воспитания¹. В этом смысле живущие в секуляризованном мире мегаполисов и провинций, современные россияне, в процессе социализации по-прежнему обретают общие ценности родной этнокультуры и духовный опыт любви к Родине в единстве с ежедневными традиционными практиками организации личностного бытия.

Такие социокультурные основы сформировали духовный фундамент России, дают будущим поколениям гарантию становления и развития в полномочном осмыслении свободы не от нравственных и моральных критериев, а в формах творческого выражения, заложенных природных качеств русского человека, соединяющих его с жизнью мира и выводящих в сородственном единстве с жизнью других людей².

Библиография

1. Бердяев Н. Смысл творчества/ Николай Бердяев. – М. АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 414с.

2. Гузенина С.В., Яковлева Е.Л. Абсурдность и смысл любви/ С.В. Гузенина, Е.Л.Яковлева // Научные дискуссии о ценностях современного общества. Сборник материалов VII-й международной научно-практической конференции (г.Липецк, 10 февраля 2015 г.) /Отв. ред. Е.М. Мосолова.- Липецк: «Ра-Души», 2015. С. 47-54.

3. Мягкова, Ольга Николаевна. Этническое самосознание как социокультурный феномен: региональный аспект: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Мягкова Ольга Николаевна; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. - Тамбов, 2007. - 22 с.

4. Розанов В. Опавшие листья/ В.В.Розанов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 383с.

5. Соловьев В. Смысл любви. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv21.htm](http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv21.htm) (дата обращения 24.06. 2018).

6. Социальные и ментальные тенденции современного российского общества /Под ред. Е.В.Семенова.- СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.-327 с.(Человек и общество, Вып.31).

7. Уваров. П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. Серия «АИРО–МОНОГРАФИЯ». М.: АИРО–XX. 2005. – 200 с.

8. Фёдоров И.А. Прологомены социологии духовных коммуникаций. СПб: Наука, 2007. 312с.

References

1. Berdyaev N. The meaning of creativity [Smysl tvorchestva] / Nikolai Berdyaev. - M. AST: AST MOSCOW: THE GUARDIAN, 2006.414p.

2. Gusenina S.V., Yakovleva E.L. Absurdity and meaning of love [Absurdnost' i smysl lyubvi] / S.V. Gusenina, E. Yakovleva // Scientific discussions on the values of modern society. Collection of materials VII-th International Scientific and Practical Conference (Lipetsk, 10 February 2015) / Otv. Ed. E.Mosolova. - Lipetsk: «Ra-Souls», 2015. P.47-54.

¹ Соловьев В. Смысл любви [Электронный ресурс] URL: <http://wwwmagister.msk.Ru/library/philos/solovyov/solovv21.htm> (дата обращения 24.06.2018).

² См. Фёдоров И.А. Прологомены социологии духовных коммуникаций. СПб: Наука. 2007.312с.

3. Myagkova, Olga Nikolaevna. Ethnic self-consciousness as a socio-cultural phenomenon: a regional aspect: the author's abstract of the dis. Candidate of Sociological Sciences: 22.00.06 / Myagkova Olga Nikolaevna; [Protection: Tamb. state. un-t named after G.R. Derzhavin].- Tambov, 2007. 22 p.

4. Rozanov V. The fallen leaves [Opavshiye list'ya] / V.V.Rozanov. Moscow: Publishing House AST, 2004. 383p.

5. Soloviev V. The meaning of love [Smysl lyubvi]. [Electronic resource]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv21.htm> (appeal date 24.06.2018).

6. Social and mental tendencies of modern Russian society / Ed. E. Semenova.- St. Petersburg .: Publishing House of St. Petersburg, 2005.- 327 pp. (Man and Society, Issue 31).

7. Uvarov. P.B. Children of chaos: the historical phenomenon of the intelligentsia [Deti khaosa: istoricheskiy fenomen intelligentsia]. A series "Airo-Monograph". M .: Airo-XX, 2005. 200 p.

8. Fedorov I.A .Prolegomena sociology of spiritual communications [Prolegomeny sotsiologii dukhovnykh kommunikatsiy] .- SPb: Science, 2007. 312p.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ В.И.ЧУПРОВУ

Поздравляем!

В августе отмечает 80-летний юбилей известный российский социолог, специалист в области социологии молодежи, доктор социологических наук (1994), профессор (1995), Заслуженный деятель науки РФ (2003) Чупров Владимир Ильич.

Блестящий организатор В.И.Чупров является одним из основоположников и ведущих специалистов отечественной социологии молодежи, автором ряда научных направлений, связанных с методологией социального развития молодежи. Им была разработана теоретическая концепция социологического изучения социального положения и мотивационной сферы сознания современных поколений молодежи.

Значительная часть деятельности посвящена популяризации социологии молодежи, что определяется его участием в различных российских и международных ассоциациях по проблемам молодежной политики и ювенологии. Являясь членом редколлегии редакционного совета журнала «ПОИСК», Владимир Ильич уделяет много внимания публикациям по проблемам социологии молодости авторов из различных регионов России.

Коллеги, друзья и ученики сердечно поздравляют Владимира Ильича с юбилеем и желают ему здоровья, творческих успехов и новых научных достижений в деле развития социологии молодежи.

Редколлегия журнала «ПОИСК»

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ¹

XXXVI Международная научно-практическая конференция «Исследование различных направлений современной науки». Для участия в конференции необходимо направить материалы до 23 апреля 2018 г. (включительно).

XXXVII Международная научно-практическая конференция «Actual scientific research 2018». Прием материалов осуществляется до 27 апреля 2018 года (включительно).

Международный конкурс «Лучшее научное исследование - 2018». Желающие принять участие в конференции должны направить материалы до 30 апреля 2018 г.

Международный электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и разработки». Прием материалов осуществляется до 30 апреля 2018 г.

Международная научно-практическая конференция «Формирование культуры безопасности жизнедеятельности в образовательной среде: приоритеты, проблемы, решения». Завершение срока приема материалов – 16 мая 2018 г. Конференцию проводит 16 мая 2018 года в Москве Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

XIV Международная научно-практическая конференция «Advances in Science and Technology». Окончание приема материалов - 30 апреля 2018 г.

XV Международная научно-практическая конференция «Eurasiascience». Завершение срока приема материалов - 31 мая 2018 г.

«Юридическая наука в XXI веке»: круглый стол № 1 – вопросы теории и практики. Последний день приема материалов – 30 апреля 2018 года. Состоится 30 апреля 2018 года в г. Шахты Ростовской области.

XVI Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире». Материалы для участия в конференции принимаются до 30 июня 2018 года включительно.

¹ Подробности на сайте: <http://www.kon-ferenc.ru>.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

Регламент прохождения рецензирования статей:

В соответствии с Уставом научного и социокультурного журнала «П.О.И.С.К.» все статьи, поступившие в журнал, сопровождаются двумя научными рецензиями специалистов в данной области знания.

Первичная рецензия предоставляется автором статьи совместно с текстом публикации. Рецензентом для аспиранта может являться его научный руководитель. Кроме того, рецензентом поступившего в редакцию материала может выступать специалист по данной проблеме. В рецензии должны содержаться общие оценки материала, его соответствие современному научному уровню поднимаемой проблемы, вклад автора и оценка его личной интерпретации, а также его видения изложенного материала. В конце рецензии необходимо указать наличие рекомендации к печати. Рецензент фиксирует свой отзыв подписью, заверенной в установленном порядке, а также указывает место своей работы и занимаемую должность, контактный телефон и электронный адрес.

Получив авторский материал с положительной рецензией, редакция журнала выносит его на повторное рецензирование (обсуждение) на редакционной коллегии. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

После обсуждения принимается коллективное решение о публикации, либо об отказе в публикации данного материала. Обсуждение и решение редакционной коллегии протоколируется в установленном Уставом журнала порядке и хранится в его архиве.

При проведении рецензирования учитывается, что все статьи публикуются в авторской редакции.

Рецензии на статьи, получившие положительное решение к публикации хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Редакция обязуется направить копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Данный регламент утвержден на заседании редколлегии журнала «П.О.И.С.К.»

<http://журналпоиск.pф>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

Regulations passing peer review articles:

In accordance with the Charter of the scientific and socio-cultural magazine «P.O.I.S.K.» all the articles received by the magazine, accompanied by two scientific review experts in the field of knowledge.

Initial review provided by the author together with the text of the publication. Reviewer for graduate students may be his supervisor. In addition, the reviewer Received material can act expert on this issue. The review must contain the overall rate of the material, its compliance state of scientific progress raises issues, the contribution of the author and the evaluation of his personal interpretation, as well as his vision of the material. At the end of the review must specify the presence of the recommendations for printing. Reviewer captures a review signature, duly certified, as well as indicate their place of work and position, contact telephone number and email address.

Having copyrighted material with positive reviews, Editorial Board makes it for re-review (discussion) on the editorial board. After discussion, it adopted a collective decision to publish, or to refuse the publication of this material. Discussion and decision of the Editorial Board shall be recorded in the log procedure established by the Charter and stored in its archive.

In conducting the review takes into account that all the articles published in the original edition.

Reviews of the article, received a positive decision for publication in the magazine are stored for 5 years. Revision shall send copies of the reviews in the Ministry of Education and Science when requested.

<http://журналпоиск.pdf>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 4 (69)
Июль - Август 2018 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский Университет Транспорта»

Издатель

РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф
Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф